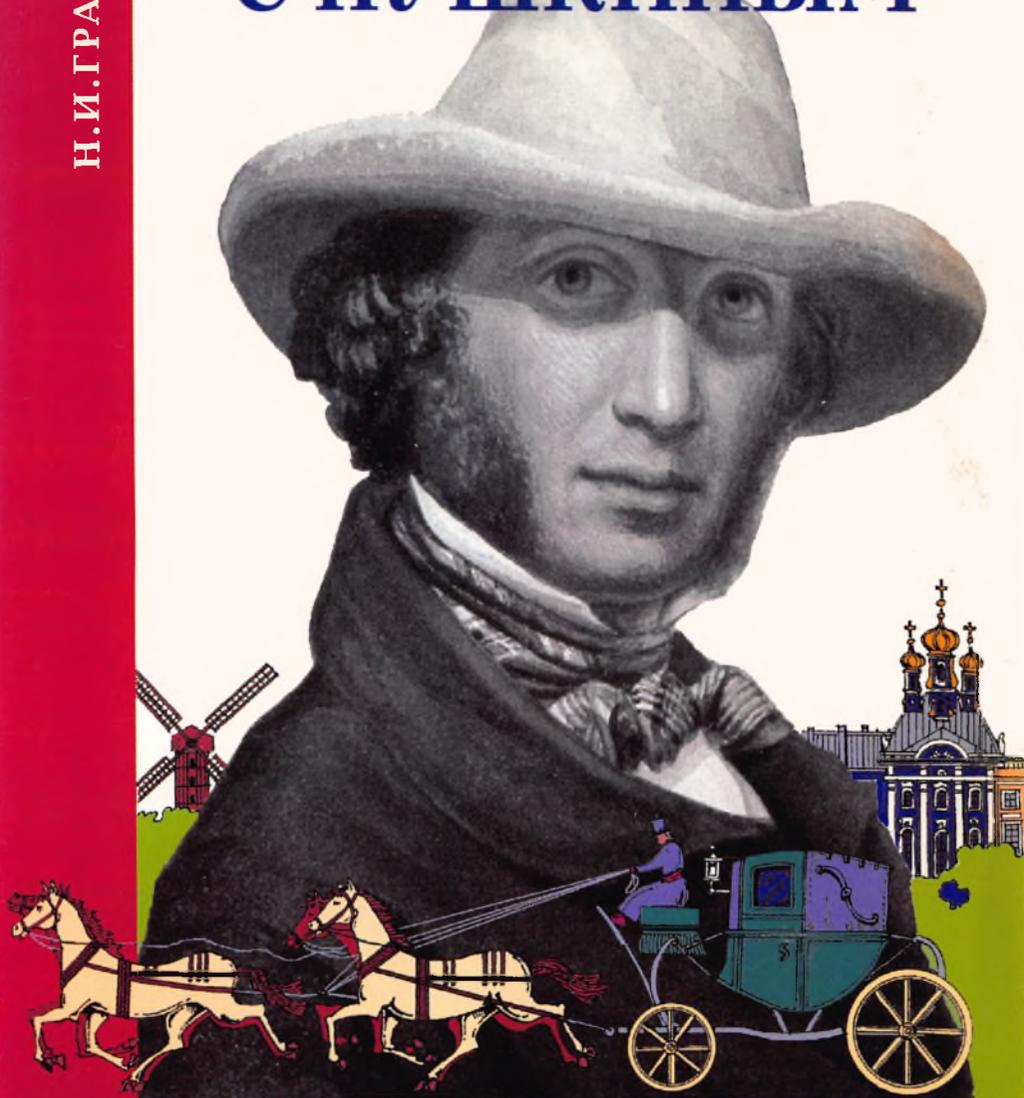

Н. И. ГРАНОВСКАЯ

ВМЕСТЕ

От Царского Села до Михайловского

С ПУШКИНЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОТАБЕНЕ

Дорогим коллегам, музейным работникам, благородным и бескорыстным хранителям памятников нашей культуры, посвящаю.

Н. И. Грановская

Карта путешествий А.С.Пушкина по Белорускому почтовому тракту.
Рисунок А.Ф.Новикова.

Н. И. Грановская

ВМЕСТЕ С ПУШКИНЫМ
от Царского Села до Михайловского

**Очерк-путеводитель,
предлагающий путешествие
по пушкинским местам**

НВ!

**Санкт-Петербург
Издательство «Нотабене»
1999**

ББК 79.1 Г77
© Н. И. Грановская, 1999
© Издательство «Нотабене», 1999
ISBN 5-87170-067-5

**Книга вышла в свет благодаря
действенной помощи и материальной поддержке,
которую оказали:**

**Депутат
Законодательного собрания Санкт-Петербурга 1-го созыва
Николай Анисимович Рочев**

Муниципальный совет г. Пушкина

**Председатель
Геннадий Дмитриевич Озеров**

**Депутат
Владимир Александрович Гладкий**

**Автор выражает
особую благодарность за помощь в подготовке книги
двум дорогим для него людям
Валентине Давыдовне Шнайрман
и своей племяннице
Татьяне Юзефовне Новиковой**

**Издательство «Нотабене»
191023, С.-Петербург, Фонтанка, 59; тел.-факс 311-9475
Лицензия ЛП № 000004 от 31.07.98**

**Директор Л. И. Захаров
Редактор Э. Ф. Кузнецова
Обложка художника А. Ю. Кобыка
Художественный редактор В. Г. Бахтин**

**Подписано в печать 30.03.99.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Печ. л. 13,5. Тираж 4200 экз. Заказ № 674.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Государственного комитета РФ по печати.
197110, С.-Петербург, Чкаловский пр., 15.**

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

Вы никогда не задумывались над тем, сколько прекрасных поэтических произведений русской литературы посвящено дороге? Тема дороги — это, по сути, тема человеческой жизни, беспокойной, мятежной судьбы... Вспомним пушкинские строки:

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.*

Именно от поэтического творчества А.С.Пушкина и пролегла к поэзии наших дней эта удивительная, щемящая тема дороги, работе над которой и посвятила многие годы своей жизни Нина Ивановна Грановская — заслуженный работник культуры России, начавшая свою работу в селе Михайловском еще в 1940 году; автор многих научных публикаций, в 1967 году она принимала участие в создании в городе Пушкине основной экспозиции Всесоюзного музея А.С.Пушкина и была ее главным хранителем.

Нина Ивановна Грановская — почетный гражданин города Пушкина.

Широкому кругу читателей хорошо известны ее книги: “Всесоюзный музей А.С.Пушкина”, “Домик станционного смотрителя”, “Если ехать вам случится...”, “Род Пушкиных мятежный...”.

И вот новая встреча с автором, который приглашает нас в литературное путешествие “Вместе с Пушкиным от Царского Села до Михайловского”, начатое в книге “Если ехать вам случится...”.

Как известно, А.С.Пушкин много путешествовал. Ученые-географы подсчитали, что за свою жизнь он проделал путь в 34 тысячи километров. Среди дорог, которыми проехал поэт, особое место занимал Белорусский почтовый тракт, соединявший Петербург с западными губерниями России.

В литературное путешествие отправляются не из праздного любопытства. Это дорога для тех, кто ощущает внутреннюю глубокую потребность поклониться дорогим сердцу поэта местам.

Путешествие начинается из пушкинского “отечества” — Царского Села, через которое пролег Белорусский почтовый тракт. Проезжая по нему, поэт всегда останавливался менять лошадей в деревне Выре, это была третья почтовая станция от Петербурга. В 1972 году полуразрушенные постройки восстановили, и “Дом станционного смотрителя” стал единственным музеем в стране, посвященным дорожному быту России и литературным героям Пушкина.

Продолжается путешествие по гатчинской земле, где жили родители поэта, а также представители их рода. Суйда, Воскресенское, Кобринно — это бывшие поместья прадеда Пушкина А.П.Ганнибала. Это и родина няни Александра Сергеевича — Арины Родионовны. Здесь сохранилась старая изба няни, ставшая в 1974 году музеем — “Домиком пушкинской сказки”. Автором экспозиционных проектов “Дома станционного смотрителя” и “Домика пушкинской сказки” была Н.И.Грановская.

Заключительная часть книги посвящается Михайловскому. Здесь, в родовом имении Пушкиных, родились многие произведения поэта. В Михайловском он провел два года ссылки. Поэт завещал и похоронить себя вблизи Михайловского, на земле предков, в Святогорском монастыре. Потому и пролег сюда, “к милому пределу”, последний путь поэта.

С тех пор, как “то в кибитке, то в карете, то в телеге, то пешком” исколесил А.С.Пушкин Россию “по всем направлениям”, прошло более полутора столетия. Мы родились позже, и наши пути не пересеклись. Но путешествие по следам великого поэта удивительным образом рождает острое чувство единства нашего существования во Времени. Возникает и становится понятным ни с чем не сравнимое чувство дороги, и сам путь, долгий, как песня ямщика, проходя сквозь сердце, создает ощущение истории, перетекающей из вчерашнего дня в завтрашний.

Книга иллюстрирована множеством фотографий, среди которых и такие, которые никогда не публиковались.

Нет сомнения, что путешествие “Вместе с Пушкиным...” — это прекрасный подарок читающей публике к 200-летию поэта.

*Наталья Горскова,
редактор “Царскосельской газеты”,
г. Пушкин*

ПУШКИН И ТЕМА ДОРОГИ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

*Нам разный путь судьбой
назначен строгой...*

А.С.Пушкин. "19 октября". 1825

“ПУТЕШЕСТВИЯ БЫЛИ МОЕЮ ЛЮБИМОЮ МЕЧТОЮ”

Александр Сергеевич Пушкин много путешествовал. В повести “Станционный смотритель” он писал: “...в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям...”

“По неволе иль по воле” поэт проехал тысячи верст по дорогам центральных губерний России, Белоруссии, Украины, Бессарабии, Кавказа и Крыма, побывал в Казани, Оренбурге, Уральске, повидал многие русские города и селения.

“Путешествие нужно мне нравственно и физически”, — признавался он в письме к П.В.Нащокину в феврале 1833 года. Неустроенные российские дороги Пушкина не страшили. Как и его героем Онегиным, им овладевала “охота к перемене мест”. “Что вы вечно на больших дорогах?” — сетовал поднадзорному поэту А.Х.Бенкендорф. Но Пушкину не сиделось на месте. Он хотел совершить путешествие во Францию или Италию, мечтал посетить Китай с отправляющейся туда миссией. За пределы России поэт выехал лишь однажды, осуществив поездку в Арзрум. В рассказе о своем участии в походе 1829 года Пушкин писал: “...с детских лет путешествия были моею любимой мечтою”.

Словно Одиссей, пожелавший “увидеть мира дальний кругозор”, поэт говорит в одном из стихотворений 1829 года:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
<...>*

*К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...¹*

Как подсчитали ученые-географы И.И.Бабков и П.П.Померанцев в 1954 году, путь Пушкина равен 34 тысячам километров; это немало и для профессионального путешественника.

Среди дорог, по которым проезжал поэт, особое место занимал Белорусский почтовый тракт, шедший от Петербурга в западные губернии России. С ним связаны большие и малые странствия Пушкина, хотя через Царское Село шла дорога и на Москву, но по ней поэт ездил реже. Белорусским трактом Пушкин пользовался много раз. Это были прежде всего поездки в Царское Село, овеванные дорогими лицейскими воспоминаниями, и неоднократные путешествия в любимое Михайловское. Особенностью Белорусского почтового тракта, как отмечали “почтовые дорожники”, было наличие нескольких разветвлений. Поэтому в Опочечский уезд, в родовое имение, Пушкин мог попасть как через Порхов, так и через Псков. Пушкин предпочитал первый путь, но иногда пользовался и вторым.

Дорога через Порхов приводила в Новоржев. Этот городок был самым близким к Михайловскому. Во время одной из поездок, по дороге к Новоржеву (в 1817 году) у поэта родилось шутовское стихотворение:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.*

¹ Все цитаты из произведений А.С.Пушкина даются по изданию: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 10 т. Изд. 4-е. Л., 1977.

По Белорусскому тракту Пушкин отправился в южную ссылку и возвратился из нее. В годы михайловской ссылки по той же дороге поэт часто ездил в Псков.

Во время более поздних путешествий, проезжая через Порхов, Пушкин останавливался у порховского городничего П.А.Нащокина (однофамильца друга поэта П.В.Нащокина). Сохранилось даже вещественное доказательство этого близкого знакомства. В 1956 году правнучка городничего Ю.Н.Нащокина передала во Всесоюзный музей А.С.Пушкина ломберный стол, за которым, по семейному преданию, Пушкин и ее прадед играли в карты. Стол этот был бережно храним в семье как реликвия.

По Белорусскому почтовому тракту пролег и последний, посмертный путь поэта, в Святогорский монастырь, “к милому пределу”.

В советское время эта дорога существенно изменилась. Во многих местах она была спрямлена, расширена; новые участки Киевского шоссе пролегали несколько в стороне от населенных пунктов, через которые когда-то проезжал Пушкин. Но старые участки Белорусского почтового тракта сохранились, так же как и памятные пушкинские места, расположенные вдоль него. Вот как писал о них гатчинский краевед А.Н.Лбовский: «Возле Суйды проходит старая дорога, по которой не раз ездил Пушкин. <...> ...Вы идете по дороге среди старых берез от Суйды в Кобрино... Здесь сохранился в перестроенном виде дом Пушкиных... К дому, окруженному парком справа и лесами слева, ведет красивая аллея. Этот парк посажен родной бабушкой великого поэта — Марьей Алексеевной Пушкиной-Ганнибал. <...> По преданию, Пушкин, проезжая мимо этих мест, всегда выходил из брички и забирался на курган, сохранившийся и доныне близ озера у Кобрино... На этом кургане — памятнике седой старины — Пушкин любил посидеть... До сих пор на этом месте растет сосна, которую народ называет “Пушкинской сосной”».

В наши дни по этим старым дорогам проложены туристские маршруты для желающих совершить путешествие “вместе с А.С.Пушкиным” от Царского Села до Михайловского. В городе Пушкине (бывшем Царском Селе) можно посетить Музей-Лицей и “Дом Китаевой”, в деревне Выре — “Дом станционного смотрителя”, в Кобрине — “Домик няни А.С.Пушкина”, а в бывшей усадьбе прадеда поэта А.П.Ган-

нибала — музей истории Суйды. От Святогорского монастыря, где похоронен великий русский поэт, начинается знакомство с памятными местами Пушкинского заповедника.

КАК ПУТЕШЕСТВОВАЛИ В СТАРИНУ?

Когда не было железных дорог, путешествия на лошадях по почтовым трактам, поневоле медлительные, с неизбежными задержками в пути, становились важным событием. Не случайно тема дороги заняла большое место в произведениях поэтов и прозаиков той поры. Свои дорожные впечатления путешественники широко отражали в переписке и воспоминаниях.

Главный герой романа “Евгений Онегин” в начале повествования едет в деревню дяди, “летя в пыли на почтовых”. Далее Евгений отправляется в странствие по России:

*Он собрался, и, слава Богу,
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.*

Ехать “по почте” — означало использовать для поездки почтовых, то есть казенных, лошадей, которых путник менял на почтовых станциях.

Слово “почта” (от латинского *posita, statio* — остановка для смены лошадей) пришло в Россию из немецкого языка (*die Post* означает: новость, корреспонденция, почтовая контора). В XVII веке дело доставки корреспонденции было, как правило, в руках иностранцев, “немцев”, однако Петр I превратил почтовое дело в государственную службу. По его указам были упорядочены старые и проложены новые почтовые маршруты, приводились в порядок дороги, организована регулярная посылка указов, писем, депеш из столицы в крупные города, а для связи с войсками учреждена военно-полевая почта; особая, нарочная, почта использовалась для срочных донесений, которые доставляли чрезвычайные посыльные, им вне графика запрягались лучшие лошади. Уже при Петре I кроме доставки корреспонденции почта обслуживала путешествующих по казенной надобности; право пользоваться почтовыми лошадьми получили

Почтовый тракт. С картины неизвестного художника (М.Н.Воробьев?). Начало XIX в.

затем и частные лица за двойные прогоны — поверстную стоимость проезда.

С середины XVIII века почта все более использовалась как средство передвижения. Высокие почтовые тарифы и низкие оклады почтовых служащих делали ее доходной статьей государства. С этого времени быстро увеличивается число почтовых трактов.

В конце XVIII века стали использоваться специальные почтовые тройки (три лошади, везущие почтовую кибитку). На них в первую очередь перевозилась государственная спешная корреспонденция, пересылаемая с нарочными фельдъегерями и курьерами. Езда на тройках позднее широко вошла в быт людей, но на первых порах так ездили только из Петербурга в Царское Село и до Нарвы (по самым лучшим в то время дорогам). К дуге коренной (средней) лошади привязывали колокольчик. А в первой трети XIX века была изобретена особая троечная упряжь с колокольцами и бубенцами.

Звон колокольчиков на больших дорогах помогал не сбиться с пути, предупреждал, когда надо было разминуться со встречной почтой. Для той же цели в Западной Европе

пользовались почтовым рожком, а к лошадям привязывали погремушки. Вспоминая прусских извозчиков, Н.М.Карамзин в “Письмах русского путешественника” писал: “Длинные фуры цугом; лошади пребольшие, и висящие на них гремушки производят несносный для ушей шум”.

Русские почтари также обязаны были извещать о своем приближении почтовым рожком. Однако чисто национальным изобретением, накрепко вошедшим в дорожный быт России, стал почтовый колокольчик. Быстрая езда под его мелодичный звон, воспетая многими русскими поэтами XIX века, стала достоянием бытового романса и народной песни. Поэт П.А.Вяземский писал о звоне колокольчика в стихотворении “Еще тройка”:

*Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.*

На всех почтовых трактах для перемены лошадей и отдыха были устроены почтовые станции. Каждая из них имела определенное количество лошадей и почтовых экипажей в зависимости от разряда, к какому она принадлежала. Станции первого разряда строились в губернских городах, второго — в уездных. Небольшие населенные пункты имели станции третьего и четвертого разряда с небольшим количеством лошадей.

Почтовая станция находилась в ведении чиновника — станционного смотрителя. В обязанность его входило проверять подорожные (так назывался документ, в котором обозначался маршрут, чин и звание путешественника), получать плату, так называемые прогоны, и отпускать лошадей.

Прогоны взимались за каждую лошадь и версту. Пробег одной версты стоил, в зависимости от тракта, восемь—десять копеек. Исчисление верст начиналось от городских почтамтов.

Первый почтамт в России (“Почтовый двор”) был открыт в Петербурге в 1714 году, когда новая столица стала центром регулярной связи. Вначале деревянный, он был построен у Троицкой пристани, вблизи нынешнего Марсова поля. Это место и считалось центром города.

Все главные дороги государства были размечены верстами. Через каждую версту (1067 м) ставился столб с цифрами. На одной стороне столба обозначались версты пройденные, на другой — оставшийся путь до конечной станции.

С конца XVIII века почтовые станции начинают строиться по типовым проектам. В центральной России они располагались примерно на расстоянии от 18 до 25 верст друг от друга. Проехав этот путь и доставив почту или людей до следующей станции, ямщик с лошадьми возвращался обратно. Почта работала по эстафетному способу.

Чтобы путешествовать с большим комфортом и не перекладывать (отсюда выражение: “ехать на перекладных”) на каждой станции багаж в другую кибитку, путешественнику было удобнее пользоваться своим экипажем и менять на станциях только лошадей.

В зависимости от времени года использовались разные экипажи. Летом ездили в почтовых кибитках, двухместных и четырехместных колясках, бричках и каретах; зимой — в санях и возках (сани с кузовом в виде низенькой кареты с небольшими окошечками).

Для русских дорог самыми удобными экипажами были по летнему времени телега и коляска, для зимы — простые сани или сани с кибиткой — навесом из кожи, натянутым на прутья.

Род экипажа свидетельствовал о большем или меньшем благосостоянии путешественника.

В очень громоздких, но комфортабельных дорожных каретах были предусмотрены самые разнообразные принадлежности для путешествия. Описание такой кареты дано Пушкиным в отрывке задуманного, но неосуществленного “Романа на Кавказских водах”: “...что за карета! игрушка, заглядение — вся в ящиках, и чего тут нет: постеля, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервиз...”

Громоздкие экипажи лошади везли цугом — по две в ряд. В один такой экипаж нередко запрягались от шести до восьми лошадей. Число их зависело и от важности путешествующей персоны, но из-за плохих дорог часто являлось настоятельной необходимостью. Даже летом путешествовать оказывалось нелегко, не говоря уже о весенней и осенней распутицах.

Пушкин писал 20 августа 1833 года жене из Торжка: “Ямщики закладывают коляску шестерней, стращая меня

грязными, проселочными дорогами”. И позднее ей же из Москвы: “...меня насилу тащили шестерней”.

Из-за плохих дорог часто ломались экипажи, особенно заграничные, “выписанные”, не рассчитанные на большие расстояния и плохие дороги.

Пушкин писал жене 25 сентября 1832 года: “Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось”. Несколько ранее ей же поэт описывал свое путешествие в Москву на “выписном” дилижансе: “Велосифер, по-русски поспешный дилижанс... поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. <...> ...Отроду не видывал ничего подобного”.

В 1816 году в России начали строительство первого шоссе между Петербургом и Москвой. Дорога была окончена в 1834 году. Теперь расстояние между двумя столицами покрывалось в четыре дня вместо прежних пяти-шести суток. Современникам это казалось чудом. Но в 1820-х годах, когда создавался “Евгений Онегин”, шоссеиные дороги были еще мечтой. В седьмой главе романа Пушкин писал:

*Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем...
<...>*

*...дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.*

Далее поэт посвящает строки русским дорогам и трудному быту путешественников:

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи*

*Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.*

С какой же скоростью путешествовали в ту пору? Несмотря на состояние дорог, ездили относительно быстро благодаря необыкновенному искусству русских ямщиков. Скорость передвижения на дорогах России поражала и пугала иностранцев. Аббат Жоржель в своем “Путешествии в Петербург в царствование императора Павла I” особо отмечал, что русские ямщики везут крайне быстро, почти все время лошади несутся вскачь; постоянно рискуешь сломать экипаж и опрокинуться, и приходится угрожать им для того, чтобы заставить их ехать медленнее.

Но у Пушкина герой одной из незавершенных повестей (“В 179* году возвращался я...”) по дороге на родину, в Лифляндию, говорит: “Я погонял почтаря, хладнокровного моего единоплеменника, и душевно жалел о русских ямщиках и об удалой русской езде”. А современник поэта Г.В.Гераков писал в “Путевых записках по многим российским губерниям”: “...дороги одна другой хуже, мосты еще дурнее, ямщики молодцы, лошади хороши”.

Существовали правила, с какой скоростью ямщики могли возить “обыкновенных проезжающих”. Так, в осеннее время полагалось проезжать восемь верст в час, в летнее — десять, а в зимнее, по санному пути, — двенадцать. Эти правила не распространялись на курьеров и фельдъегерей, которые, как сказано о них, “имеют быть возимы столь поспешно, сколько сие будет возможно”.

Обычная скорость при гоньбе на почтовых днем и ночью составляла около ста верст в сутки. Но, договариваясь с ямщиками, путешественники проезжали по зимней дороге в сутки и по двести верст.

О такой быстрой езде Пушкин говорит в седьмой главе

“Онегина”, сравнивая русского ямщика с Автомедоном — возницей Ахилла из “Илиады” Гомера:

*Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают как забор.*

Последние строки поэт снабдил в примечании услышанным анекдотом о быстрой фельдъегерской и курьерской езде: “К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу”.

Для путешествия на почтовых выписывалась подорожная. Без нее или иного документа, удостоверявшего личность путешественника и цель поездки, нельзя было выехать за черту города. Караульные офицеры у застав записывали проезжающих в особые списки. Только после проверки документов поднимался шлагбаум и путник мог покинуть город или въехать в него. Данные о дворянах, выехавших или въехавших в столицы и губернские города, публиковались в газетах.

“Подорожные выдаются, — говорилось в почтовых правилах для проезжающих, — в городах: губернских — от начальников губерний, областных — от начальников областей, а в уездных — от городничих; без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей”.

В том случае, когда помещик отправлял своих слуг за покупками в город, он также выписывал им нечто вроде подорожной — “Билет”. Тогда вместо чина и звания сообщались приметы крепостных.

Подобный документ сохранился в бумагах А.С.Пушкина. Он написан рукой самого поэта измененным почерком. Получив известие о смерти императора Александра I (эта весть дошла до Пушкина 29 ноября 1825 года), поэт, накануне восстания декабристов, решил ехать в Петербург, для чего и написан был этот “Билет” сильно измененным по-

черком, будто бы от имени соседки, тригорской помещицы П.А.Осиповой. Текст его таков:

“Билет

Сей дан села Тригорскаго людям: Алексею Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темнорусыя, глаза голубыя, бороду бреет, лет 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3¹/₂ в. волосы светлорусыя, брови густыя глазом крив, ряб лет 45, в удостоверение что они точно посланы от меня в С.Петербург по собственным моим надобностям и потому прошу господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск. <...>”¹.

Текст “Билета” свидетельствует о том, что под именем Алексея Хохлова скрывался сам Пушкин. Приметы Хохлова совпадают с приметами поэта. Годы себе Пушкин прибавил, очевидно считая, что на вид ему можно дать больше.

План побега осуществлен не был. Вскоре пришла весть о поражении восстания и арестах в столице.

Почтовые лошади отпускались согласно указанным в подорожной чину и званию путешественника, что строго регламентировалось “Высочайше утвержденными расписаниями”. Начало этому положено было петровской “Табелью о рангах”. Едущему по казенной надобности прогоны оплачивались.

Чем выше был чин путешественника, тем больше лошадей ему полагалось. Например, генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер и другие особы 1-го класса могли при надобности потребовать на станции 20 лошадей; митрополиты, архиереи, действительные тайные советники, члены Государственного совета, сенаторы и придворные особы, состоящие во 2-м классе, — 15 лошадей; генерал-лейтенанты, вице-адмиралы, тайные советники, придворные особы 3-го класса — 12 лошадей и так далее. Все же особы с 9-го по 14-й класс — капитаны, штабс-капитаны, лейтенанты, титулярные советники, все военные и морские обер-офицеры и прочие чины имели право только на трех лошадей. Нижним же чинам и служителям полагалось по две лошади.

¹ Здесь и далее в документах и письмах XVIII—XIX веков сохранены орфография и пунктуация того времени, за исключением замены буквы “ять” буквой “е” и удаления твердого знака в конце слов.

Нитть лошадей... [Готире поитиресе съ подорожной по собственной надобности]—

“С подорожной по собственной надобности”. С рисунка П.И. Челищева (копия А.Ф.Новикова). 1830-е гг.

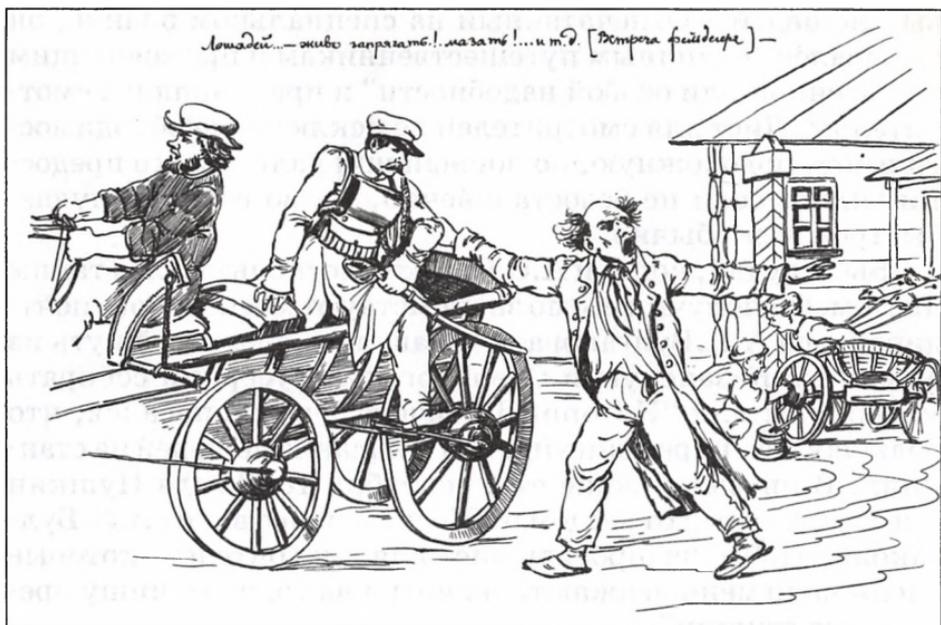
Пушкин по выходе из Лицея получил чин коллежского секретаря (13-й класс), а позднее, с 1831 года, имел чин титулярного советника (10-й класс). У него было право только на трех лошадей.

Сохранилась подорожная поэта, с которой он ехал по Белорусскому почтовому тракту, когда его под видом служебной командировки отправили в первую ссылку.

“По указу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского. И прочая, и прочая, и прочая. Показатель сего, Ведомства Государственной Коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к Главному попечителю колонистов Южного края России, Г. Генерал-лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге с мая 5 дня 1820-го года”.

Когда через четыре года поэта по приказу царя вновь выслали, уже в псковскую деревню, он получил прогоны согласно чину также на три лошади от Одессы до Пскова. “На прогоны к месту назначения по числу верст 1621, на

Лошадей... живо запрашивают!..мазатъ!...и т.д. [Встреча фельдъегера]—

“Встреча фельдъегера”. С рисунка П.И.Челищева
(копия А.Ф.Новикова). 1830-е гг.

3 лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.”, — писал в донесении в июле 1824 года одесский градоначальник.

Фельдъегери и курьеры получали лошадей на почтовых станциях вне очереди. Для них должны были всегда стоять готовые тройки. Но если курьерские лошади были в разгоне, фельдъегерям отдавали любых, бывших в наличии. Затем получали лошадей путешественники в порядке чинов. Человек нечиновный, незнатный гóлоса на почтовом тракте не имел. Ему порой подолгу приходилось просиживать на станциях в ожидании лошадей. “Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей”, — говорит у Пушкина один из персонажей неоконченного “Романа в письмах”.

Но всего хуже было путешественнику, когда он не имел подорожной. “Кто ездил по почте, — писал А.Н.Радищев в “Путешествии из Петербурга в Москву”, — тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, будет накладно”.

Кроме подорожной для особых случаев в дорожном обиходе существовал лист “О безостановочном отпуске почто-

вых лошадей”. Отпечатанный на специальном бланке, он выдавался “отличным путешественникам и проезжающим по казенной или особой надобности” и предъявлялся зрителям. Лист для зрителей не исключал необходимости иметь подорожную, но лошади при наличии его предоставлялись если не безостановочно, то, во всяком случае, быстрее, чем обычно.

Был случай, когда и А.С.Пушкин воспользовался таким листом. Он получил его по знакомству от московского почт-директора А.Я.Булгакова. Отправляясь в дальний путь из Москвы в Казанскую и Оренбургскую губернии собирать материалы для “Истории Пугачева”, поэт опасался, что большая часть времени уйдет на ожидание лошадей на станциях. В письме к жене от 2 сентября 1833 года Пушкин писал, что перед отъездом из Москвы нанес визит А.Я.Булгакову, чтобы “выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки”.

Такие листы о безостановочном отпуске лошадей сохраняются и поныне в Российском государственном историческом архиве, в делах Главного почтового управления. А.Я.Булгаков, приятель А.И.Тургенева, одного из друзей Пушкина, безусловно располагал такими бланками и смог выручить поэта. Листы для зрителей обычно выдавали чиновникам особых поручений.

История с листом, выданным Пушкину, имела продолжение. Александр Сергеевич 18 сентября 1833 года прибыл в Оренбург и остановился здесь у оренбургского военного губернатора В.А.Перовского — брата писателя А.А.Перовского, с которым поэт был близко знаком. В.А.Перовский в эти дни получил письмо от нижегородского губернатора, в котором тот предположил, что поэт приехал собирать не документы о пугачевском бунте, а сведения о неисправностях. Письмо рассмешило поэта: его принимали за ревизора. Потом он подал Гоголю мысль о возможности такого сюжета и считал себя крестным отцом его комедии “Ревизор”.

Если путешественник не имел подорожной, он должен был заботиться о себе сам, нанимать ямщиков и лошадей по вольной, договорной, цене или пытаться получить их на тех же почтовых станциях, но за все платя втридорога. Это называлось путешествием “на вольных”.

О трудностях езды без подорожной рассказывала кавалерист-девица Н.А.Дурова, описывая свою поездку в Петербург 1836 года в автобиографической повести “Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения”:

“Поезжайте без подорожной... ..Вольные повезут дешевле... Я последовала этому необдуманному совету... С подорожной я заплатила бы от Казани до Петербурга не более трехсот рублей; без нее я издержала ровно шестьсот. Вольные ямщики очень подробно вычисляли, чего бы мне стоило проехать на почтовых станцию, и требовали с меня гораздо более.

Несколько станций пробовала я брать лошадей почтовых, и меня очень забавляли кривлянья и миганья, с таинственным видом, некоторых зрителей, приведенных в восторг тем, что к ним прикатил без подорожной человек, вид которого показывал не имеющего понятия ни о каких хитростях... ..Смотритель садился за стол, развертывал книгу, оборачивал голову к двери и, крикнув: “Проворнее лошадей!” — оборачивался тотчас ко мне: “Вашу подорожную?” “У меня нет ее”, — отвечала я откровенно. <...>

После нескольких станций, на которых надобно было платить налево и направо, за все и про все, да еще и очень дорого, поехала я опять на вольных, но тут было еще хуже...”.

Некоторые путешественники предпочитали вольных лошадей, так как боялись гоньбы на почтовых, которая шла от станции к станции круглые сутки. Путешествия не всегда бывали благополучны. Из-за плохой дороги либо по причине быстрой езды, к которой часто ямщика побуждал сам нетерпеливый путник, на дорогах опрокидывались экипажи.

Об одном таком случае Пушкин писал 1 декабря 1826 года из Пскова в Москву В.П.Зубкову: “...выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать... ..Жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых”.

Самым спокойным был еще широко распространенный в то время старинный способ езды “на своих”, или “на долгих”. Лошадей тогда обычно не нанимали, а пользовались своими и на одних и тех же лошадях ехали всю дорогу от места до места, давая им отдохнуть в пути. В таких случаях

путники, не имея необходимости в казенных, почтовых лошадях, делали остановки там, где находили нужным, не завися от расположения станций. Езда на долгих с длительными остановками для кормления и отдыха лошадей и без ночной гоньбы, характерной при пользовании почтовыми, действительно была медленной, долгой, но обходилась дешевле.

Пушкин писал в седьмой главе “Евгения Онегина”:

*...Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих...*

При езде на долгих помещики снаряжали целый обоз из карет, колясок, повозок, телег для себя, слуг и множества везомых с собою вещей, продуктов и корма для лошадей. Такой, по тем временам скромный, выезд экономной помещицы Лариной изображен в романе Пушкина:

*Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.*

<...>

*Ведут на двор осьмнадцать кляч,
В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают...*

Все три способа передвижения были известны Пушкину и испытаны им не раз. Он много ездил на своих, а во время странствий нанимал и вольных ямщиков. Свидетельства об этом сохранились среди приходо-расходных записей в его бумагах и записных книжках.

Из всех перечисленных способов самым верным было путешествие на почтовых. Государственная почта с ее эстафетным принципом перевозок от станции к станции гарантировала надежность передвижения. Свой экипаж в пути мог сломаться, лошади — устать, заболеть, расковаться.

Сколько раз приходилось путешественникам, оставя свою поврежденную карету и лошадей, отправляться далее на почтовых.

Пушкин жаловался С.А.Соболевскому в письме из Михайловского в Москву от 9 ноября 1826 года: “Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных”. По почте можно было вернее, а главное, быстрее добраться до места.

Издавна путешествие считалось полезным и целительным занятием. Пушкин писал шутя знакомому — М.О.Судиенко в январе 1830 года: “Ты пишешь, что потерял аппетит и не завтракаешь так, как бывало. Это жаль, делай больше физических упражнений, приезжай на почтовых в Петербург, и аппетит вернется к тебе”.

Позднее писатели XIX века много говорили о благотворном действии дороги. С.Т.Аксаков в своей хронике “Детские годы Багрова-внука” писал: “Дорога удивительное дело! Ее могущество непреодолимо, успокоительно и целительно. Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, все равно, любезной ему или даже неприятной, от постоянно развлекающей его множеством предметов, постоянно текущей разнообразной действительности, она сосредоточивает его мысли и чувства в тесный мир дорожного экипажа, устремляет его внимание сначала на самого себя, потом на воспоминание прошедшего и, наконец, на мечты и надежды — в будущем...”

Полезной считалась и быстрая езда как придающая энергию и отвагу встряска для организма. О ней говорит Н.В.Гоголь в поэме “Мертвые души”: “И какой же русский не любит быстрой езды? <...> Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное?”

ДОРОГА — ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И СУДЬБА

Путешествия на лошадях, как бы их ни совершали люди — на почтовых, на вольных, на долгих, — делали дорогу запоминающейся. При таком способе передвижения Россия казалась бескрайней. У Пушкина: “От финских хладных скал до пламенной Колхиды”; у Гоголя: “...хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь” или “...ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты...”

Н.В.Гоголь. Автолитография А.Г.Венецианова. 1834 г.

Путешествующий по России близко видел и ощущал родную землю; образ дороги и образ России соединялись. И потому так особенно характерна для русской литературы с конца XVIII и до середины XIX века связь темы дороги с образом родины. У Радищева в его “Путешествии из Петербурга в Москву” дорога — это и сама Россия. Через путешествие познает Русь пушкинский герой:

*Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.*

Гоголь саму Русь сравнивает с “бойкой необгонимой тройкой” и, чтобы показать страну, в “Мертвых душах” отправляет в дорогу своего героя — Чичикова.

Дорога порождает образ отчизны в стихотворении М.Ю.Лермонтова “Родина”:

*Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...*

У И.С.Тургенева русский путешественник, созерцая “нивы печальные, снегом покрытые”, думает свои грустные думы,

*Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

С дорогой была также связана тема разлуки и неизвестности, ожидающей путешественника на чужбине. Грусть расставания, которой полны памятники народной поэзии, находит особое выражение у русских писателей.

Н.М.Карамзин в “Письмах русского путешественника” обращается к друзьям: “Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться! <...> Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? <...> Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете...”

В седьмой главе “Евгения Онегина” Пушкин описывает, как грустит, покидая родной дом, Татьяна:

*“Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!*

*Увижу ль вас?..” И слез ручей
У Тани льется из очей.*

Было ли путешествие желанным или вынужденным, оно таило неведомое. Что же ждет путника впереди?

*На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?
<...>
Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры? —*

размышляет П.А.Вяземский в стихотворении “Еще тройка”.

Вернется ли путник в покинутый дом и к своим друзьям и найдет ли их прежними после долгой разлуки? Какова будет судьба его?

Дорога переосмыслялась как “жизненный путь”, превращалась в “дорогу судьбы” у Гёте, Байрона и многих других поэтов в XIX веке. Как символ человеческой судьбы, быстро текущей жизни и невозвратно уходящего времени, она волновала поэтов со времен античности. У истоков этой темы лежал античный миф о Фаятоне. Сын бога солнца Гелиоса умолил отца доверить ему управление солнечной колесницей на один лишь день, но не смог справиться с конями и погиб. Поэтический миф о Фаятоне (именем его потом был назван особый вид легкой коляски) по-своему воспроизводился разными авторами.

Великий немецкий поэт Гёте писал в книге “Из моей жизни. Поэзия и правда”: “Словно бичуемые незримыми духами времени, мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими, сворачивая то вправо, то влево, чтобы не дать колесам там натолкнуться на камень, здесь сорваться в пропасть. Куда мы несемся, кто знает?”

В русском языке, народном поэтическом творчестве и произведениях литературы темы дороги (пути) и человеческой судьбы сближались с давней поры.

В стихотворении “19 октября” 1825 года Пушкин, обращаясь к лицейскому товарищу А.М.Горчакову, писал:

*Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.*

В том же году современник Пушкина Е.А.Баратынский написал стихотворение “Дорога жизни”, в котором время сравнивает с почтовыми лошадьми:

*В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы.*

Дорожные термины в стихотворении — “годы почтовые”, “прогоны жизни” — усугубляют ощущение драматизма человеческой судьбы. Стихи позднее получили и второе название — “Путевые расходы”: путник платит за проезд “снами золотыми” юности. По-своему нашла здесь отражение тема безумца Фазтона, заплатившего жизнью за путешествие на солнечной колеснице.

Античный миф ожил и в наши дни, получив своеобразное преломление в поэзии поэта и певца Владимира Высоцкого. Тему человеческой жизни, в образе несущихся по краю бездны коней — судьбы, воплотил он в песне “Кони привередливые”. В ней есть такие строки:

*Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы — допеть!
Я коней напою,
я куплет допою —
Хоть мгновенье еще постою
на краю...*

Песня Высоцкого о конях и дороге — судьбе человеческой — яркий пример связи времен и того, как живы традиции мировой литературы. Еще в 1823 году А.С.Пушкин написал стихотворение “Телега жизни”. В нем образ, заимствованный из мировой поэзии, получил иное, русское, выражение. Вместо солнечных коней и легкой колесницы судьбы Гёте у Пушкина — телега и ямщик лихой:

*Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.*

*С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!.....*

*Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!*

*Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.*

У Гёте “колесница судьбы” мчит в неведомое, “бичуемая духами времени”: “Куда мы несемся, кто знает?” У Пушкина путник, совершающий в “телеге жизни” свой обычный человеческий путь, проезжает в ней утро, полдень и вечер своей жизни, а гонит лошадей “седое время”.

ПУШКИН И ЦАРСКОЕ СЕЛО

*Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал...*

А.С.Пушкин. “Воспоминания
в Царском Селе”. 1829

Вся жизнь нашего великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина связана с Царским Селом.

Когда он был еще младенцем, родители, Сергей Львович и Надежда Осиповна, возили его в Михайловское, родовое имение Опочецкого уезда Псковской губернии, чтобы показать внука дедушке О.А.Ганнибалу. В конце лета 1799 года они приехали в Михайловское из Москвы, а глубокой осенью 1800 года отправились в Петербург по Белорусскому почтовому тракту. Доехав в своей дорожной карете до Царского Села, они остановились здесь на почтовой станции София.

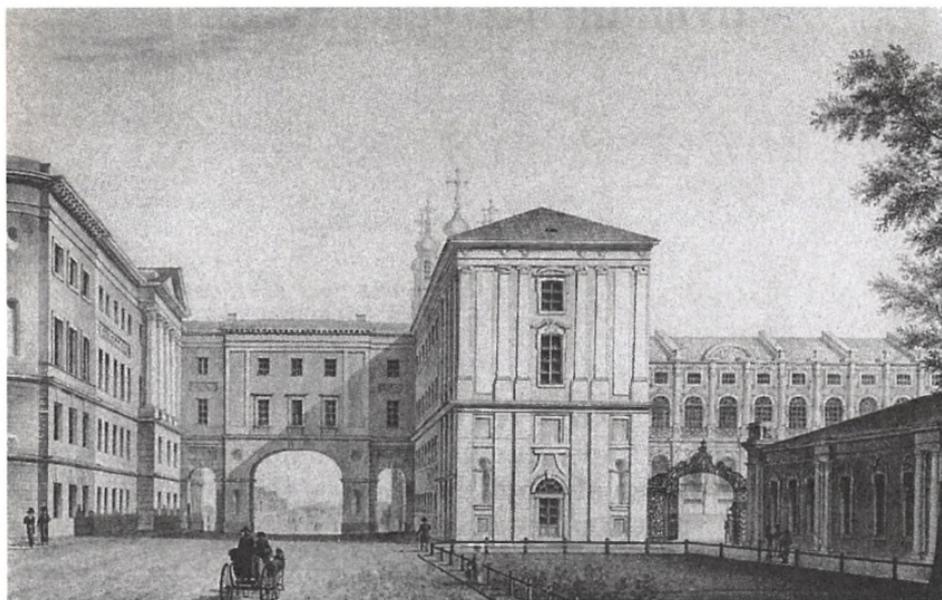
С Белорусским почтовым трактом и с Царским Селом были связаны большие и малые странствия Пушкина, которые он совершил, как писал в своем стихотворении “Дорожные жалобы”,

*То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком.*

Поэт бывал в Царском Селе множество раз. Среди петербуржцев тогда был даже обычай провожать в дальний путь родных и друзей, следовавших по почтовому тракту, до Царского Села. Известно, что поэт, бывало, приходил сюда даже пешком.

Но прежде всего для поэта Царское Село было овеяно дорогими лицейскими воспоминаниями.

В 1811 году двенадцатилетнего Александра Пушкина привезли в Царское Село для поступления в открывшееся здесь новое учебное заведение — Лицей.

Лицей и Большой (Екатерининский) дворец. Вид со стороны Александровского парка. С литографии А.Тона. 1822 г.

Разместился Лицей во флигеле Екатерининского дворца, построенном в конце XVIII века архитектором Ильей Нееловым, а в 1811 году архитектор Василий Стасов перестроил дворцовые помещения флигеля, приспособив их для нужд школы. То, что Лицей был размещен при самом царском дворце, имело особенное значение.

Название учебного заведения — Лицей — было связано с классической древностью. Ликеем называлась древнегреческая философская школа в Афинах. Привлекало и то, что шестилетний лицейский курс приравнивался к университетскому. Возникновение Лицея было связано с планами прогрессивного преобразования России, “приготовлением юношества к важным частям службы Государственной”.

19 октября 1811 года в Большом зале Лицея в присутствии императора Александра I состоялось торжественное открытие нового учебного заведения, запомнившееся лицеистам на всю жизнь. Огромное впечатление произвела на воспитанников речь молодого профессора нравственных и политических наук Александра Петровича Куницына о задачах нравственного и патриотического воспитания в Лицее. В 1836 году в стихотворении “Была пора — наш праздник молодой...” Пушкин вспоминает об этом дне:

Лицей. Рисунок А.С.Пушкина на рукописи VIII главы романа
“Евгений Онегин”. 1829—1830 гг.

*Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.*

Обращаясь к лицеистам, Куницын провозгласил: “Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями”. Эта высокая цель служения Отечеству прозвучит и через шесть лет в прощальной песне лицеистов, текст которой был написан другом Пушкина поэтом-лицеистом А.А.Дельвигом:

*Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятых сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!*

Многие из лицеистов стали людьми замечательными, прославившимися в русской истории. Здесь возрос и сформировался великий русский поэт А.С.Пушкин.

В Царском Селе был пережит поэтом и его товарищами огромный патриотический подъем, связанный с войной

А.С.Пушкин. С портрета
неизвестного художника
(С.Г.Чириков?). 1810-е гг.

А.А.Дельвиг.
С акварели П.Л.Яковлева.
1818 г.

1812 года и победой над Наполеоном. Ведь через Царское Село двигались к театру военных действий народное ополчение и гвардия. Войска проходили мимо Лицея. В лицейском стихотворении 1815 года поэт говорит об этих памятных событиях:

*Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.*

Здесь, в Царском Селе, под сенью старинных парков, среди мраморных статуй и памятников русской воинской славы Пушкин впервые почувствовал себя поэтом. В стихотворении “Воспоминания в Царском Селе”, которое юноша прочел на лицейском экзамене 8 января 1815 года в присутствии Г.Р.Державина, приведя в восторг маститого поэта, он писал:

*Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?*

<...>

И.И. Пушкин. С портрета
Ф.Верне. 1817 г.

А.М.Горчаков. С портрета
Ф.Верне. 1817 г.

*Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...*

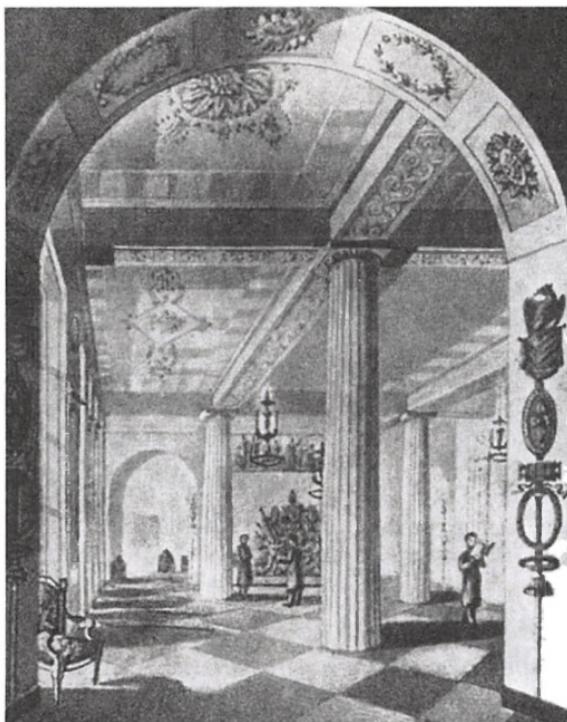
По словам Пушкина, здесь, в Лицее, для него и его товарищей была “чистая лампада возжена”.

Царское Село и Лицей навсегда остались для Пушкина среди непреходящих ценностей жизни. Здесь сложилось лицейское братство, был избран жизненный путь.

Еще в Царском Селе произошло его знакомство со многими писателями старшего поколения. Город этот был возвеличен теми, у кого Пушкин учился. Царское Село воспели Ломоносов, Богданович, Державин. Его любили, в нем жили или часто посещали Жуковский, Дмитриев, Батюшков, В.Л.Пушкин (дядя поэта), Вяземский, Карамзин. Глубокий след оставило в его жизни общение здесь с Н.М.Карамзиным и В.А.Жуковским.

В 1825 году на титульном листе написанной в Михайловском трагедии “Борис Годунов” он выведет слова: “Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает А л е к с а н д р П у ш к и н”.

“Милым чудотворцем” называл Пушкина Жуковский. Здесь началась дружба поэтов. Вся жизнь Пушкина была озарена теплотой и любовью старого друга.

Лицей. Большой зал.
С акварели В.П. Лангера. 1820 г.

О Царском Селе и Лицее поэт говорит в “Лицейских годовщинах”, вспоминает в других произведениях.

В 1825 году, посвящая стихотворение “19 октября” товарищам, сохранившим верность лицейской дружбе, Пушкин писал:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

Поэт стремился в Царское Село во все периоды своей жизни: и когда он был счастлив, и особенно в ее трудные времена. Он находил здесь облегчение и успокоение.

А.С.Пушкин, В.А.Жуковский, Н.В.Гоголь в Царском Селе
летом 1831 г. С картины П.Геллера. 1880-е гг.

Сохранилось его необработанное черновое стихотворение (в его рукописях оно находится среди набросков 1829 года) “Воспоминания в Царском Селе”. Пушкин сравнивал себя в нем с библейским блудным сыном, возвращающимся в отчий дом, каким для Пушкина было Царское Село:

*Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок Библии, безумый расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.*

*В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.*

В день открытия музея “Дача Китаевой”. В центре директор Всесоюзного музея А.С.Пушкина М.М.Калаушин. 1958 г.

Позднее же, в 1830 году, он посвятил Царскому Селу и Лицею стихотворение, начинающееся строкой “В начале жизни школу помню я...”. В этом стихотворении он описал чудотворную икону “Знамение Божией Матери”, которую он видел здесь, рядом с Лицеєм, в Знаменской церкви, посещаемой лицеистами:

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.*

Эта необыкновенная, прекрасная чудотворная икона не раз, по воспоминаниям старожилов, спасала Царское Село от пожаров и других бедствий, когда жители Царского Села крестным ходом с этой иконой обходили весь город. Так было и на памяти Пушкина в 1831 году, во время пребывания поэта в Царском Селе.

Пушкин вновь захотел вернуться в город лицейской юности после женитьбы, когда произошла столь важная перемена в его жизни. 18 февраля 1831 года в Москве состоялась свадьба поэта с Н.Н.Гончаровой. Пушкин 26 мар-

Дача Китаевой, где А.С.Пушкин вместе с женой провел лето 1831 года. Современная фотография.

та писал своему другу П.А.Плетневу: "...хотелось бы... остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном... в кругу милых воспоминаний..." Плетнев нанял для Пушкина в Царском Селе дачу в небольшом деревянном доме Анны Китаевой, вдовы придворного камердинера, на углу Колпинской улицы и Кузьминской дороги. Дом был построен в 1827 году архитектором А.М.Горностаевым "под смотрением" В.П.Стасова.

Пушкины приехали в Царское Село 25 мая 1831 года. Здесь поэт посещал Лицей, где учились воспитанники уже шестого курса, по утрам, вставая рано, он ходил купаться, потом работал в своем кабинете, расположенном в мезонине дома. По воспоминаниям современников, вечерами Пушкины гуляли по Екатерининскому парку, вокруг озера. Поэт совершал частые прогулки в Павловск, где жили на даче его родители. В Царском Селе брата и невестку навещала сестра поэта Ольга Сергеевна. В это время Пушкин готовил к печати произведения, созданные осенью 1830 года в Болдине. Здесь было написано и "письмо Онегина к Татьяне".

яне”, включенное в роман “Евгений Онегин”. Тогда же был начат “Рославлев”. Откликом на политические события того времени, размышлениями о судьбах России и Европы явились написанные в Царском Селе стихотворения “Бородинская годовщина” и “Клеветникам России”.

На даче Китаевой вечерами появлялись гости — В.А.Жуковский, живший в это время в Царском Селе, и Н.В.Гоголь, приходивший сюда из Павловска. Здесь Гоголь, начинающий писатель, читал своим старшим современникам “Вечера на хуторе близ Диканьки”. В дружеском литературном соревновании Пушкин написал в это время “Сказку о царе Салтане...”, а Жуковский — “Сказку о царе Берендее...”. Василий Андреевич тогда писал: “Пушкин мой сосед, и мы видимся с ним часто”.

В Царском Селе “среди святых воспоминаний” Пушкины прожили до глубокой осени 1831 года. Поэт бывал в Царском Селе неоднократно и позднее, когда ездил в Михайловское по Белорусскому почтовому тракту.

Кажется примечательным то, что через Царское Село прошел и последний, посмертный путь поэта к “милому пределу” — в Святогорский монастырь, где он завещал себя похоронить. После отпевания в Конюшенной церкви в Петербурге похоронный поезд провез его прах через Царское Село в ночь с 3 на 4 февраля 1837 года. Тогда Пушкин словно простился с этим “пределом благословенным”, своим духовным отечеством.

Судьба сохранила в Царском Селе и здание Лицея, и дачу Китаевой, несмотря на все перипетии истории и годы фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны. В 1949 году, к 150-летию со дня рождения Пушкина, Лицей был уже частично воссоздан как музей.

В 1974 году, к 175-летию со дня рождения поэта, Лицей был восстановлен полностью, стал мемориальным пушкинским музеем, филиалом Всесоюзного музея А.С.Пушкина. Много труда в воссоздание этого уникального памятника нашей культуры вложила Мария Петровна Руденская — первый хранитель Лицея, научный сотрудник музея А.С.Пушкина, посвятившая изучению и восстановлению Лицея многие годы.

В наши дни Музей-Лицей это один из культурных центров нашей страны, где ныне Всероссийский музей А.С.Пушкина (директор С.М.Некрасов) проводит различные куль-

Памятник А.С.Пушкину в Лицейском саду.
Скульптор Р.Р.Бах. 1900 г. Современная фотография.

турные мероприятия, связанные с памятью о великом поэте и предстоящими юбилейными торжествами.

Музей-дача А.С.Пушкина в доме Китаевой был открыт как филиал Всесоюзного музея Пушкина в 1958 году. Экспозиция его, развернутая в прежде занимаемых поэтом комнатах, подробно рассказывает о жизни Пушкина в Царском Селе в 1931 году. Над этой экспозицией работали научные сотрудники Всесоюзного музея Пушкина Н.М.Чернецкая,

ставшая хранителем дачи Пушкина, Р.Е.Теребенина и автор этой книги.

В 1981 году кроме главной экспозиции Музея-дачи А.С.Пушкина появилась дополнительная. Она развернута в помещениях, позднее присоединенных к дому Китаевой. Эта экспозиция посвящена старшим современникам Пушкина — Н.М.Карамзину и В.А.Жуковскому, жизнь и творчество которых были тесно связаны с Царским Селом. Эта экспозиция была разработана научным сотрудником экспозиционного отдела Всесоюзного музея А.С.Пушкина, писательницей Т.К.Галушко.

Продолжением традиций стали в наше время литературные вечера, посвященные поэтам прошлого и современным поэтам, которые организует на даче Китаевой председатель Пушкинского клуба “Орион” А.Н.Марков.

В 1937 году, когда отмечалось столетие со дня гибели поэта, Царское Село (с 1918 года — Детское Село) было переименовано в город Пушкин.

В 1949 году, когда после победы в Великой Отечественной войне к 150-летию со дня рождения А.С.Пушкина стали восстанавливать пушкинские места нашей Родины, в Пушкине решено было создать Центр пушкиноведения, наподобие Веймара, Гётевского центра в Германии. Эта идея принадлежала президенту Академии наук СССР Сергею Ивановичу Вавилову. Сюда, в город Пушкин, должен был переехать Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР вместе с рукописями Пушкина и книгами его библиотеки. Именно здесь решено было разместить и центральную экспозицию Всесоюзного музея А.С.Пушкина, главного пушкинского музея страны.

Для этой цели в Пушкине после войны и оккупации из руин был поднят прекрасный Александровский дворец, знаменитое творение Джакомо Кваренги.

На основе богатейшей коллекции Всесоюзного музея А.С.Пушкина в Александровском дворце была создана потрясающая своим объемом и содержанием пушкинская экспозиция. Организаторами ее были заведующий литературным музеем Пушкинского Дома М.М.Калаушин и его заместитель Б.В.Шапошников.

В городе Пушкине был тогда отпразднован 150-летний юбилей при огромном стечении народа, в присутствии многочисленных зарубежных гостей. Однако центральная пуш-

кинская экспозиция, созданная здесь, просуществовала недолго, всего три года. Александровский дворец в 1952 году был отобран у Всесоюзного музея А.С.Пушкина и передан военному ведомству.

Но на основе уникальной пушкинской коллекции была создана новая экспозиция. Большая заслуга в этом деле принадлежала Марине Николаевне Петай — директору Всесоюзного музея А.С.Пушкина. Благодаря ее активной деятельности в 1967 году в городе Пушкине был открыт центральный филиал музея в церковном флигеле Екатерининского дворца. Здесь научные сотрудники при участии хранителя музея — автора этой книги, под руководством заведующего экспозиционным отделом С.С.Ланды, совместно с художницей Т.Н.Воронихиной, создали огромную литературно-монографическую экспозицию, где были представлены ценнейшие экспонаты Пушкинской эпохи из собрания музея.

Эта экспозиция просуществовала 21 год, вызывая многочисленные восхищенные отзывы посетителей; но в 1988 году она была закрыта, так как администрация Екатерининского дворца решила больше не сдавать музею в аренду церковный флигель. Фонды были перевезены на Мойку, 12.

А мечты о пушкинском музейном центре в городе, носящем имя поэта, продолжают жить. Возможно, когда-нибудь они осуществятся, ибо Царское Село для Пушкина было самым дорогим местом на земле. Этот небольшой, уютный город ежегодно посещают тысячи паломников, чтобы поклониться поэту, и начинают отсюда свое путешествие по дорогим сердцу памятным пушкинским местам, по дорогам, которыми ездил сам Александр Сергеевич Пушкин.

МУЗЕЙ ДОРОЖНОГО БЫТА “ДОМ СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ”

*...Редкого зрителя не знаю я
в лицо, с редким не имел дела...*

А.С.Пушкин. “Станционный
зритель”

*...Сословие ямщиков, сам не
знаю почему, для меня в особенно-
сти любезно.*

А.С.Пушкин. “История села
Горюхина”

ПОЧТОВАЯ СТАНЦИЯ ВЫРА

Деревня Выра на Белорусском почтовом тракте была третьей остановкой от Петербурга, где переключивали почту из одной почтовой кибитки в другую и где путники меняли лошадей.

Почтовая станция здесь появилась в 1800 году, когда вышел указ о переносе ее сюда из соседнего села Рождественно. С этого времени деревня Выра стала обозначаться в “Почтовых дорожниках” и на картах России. Название деревни, вероятно, произошло от старославянских слов “выр” — пучина, омут и “Вырей” — сказочная заповедная страна древних славян. Корень слова встречается в финском и эстонском языках, что свидетельствует о глубиной древности заселения этих мест. С десятого века в этом краю жили в мирном соседстве со славянами финно-угорские племена. “Выра при реке Оредеже” входила в Новгородскую пятину, упомянута в новгородских писцовых книгах.

Позднее Выра — удельная деревня. Вместе с землями, близлежащими к Гатчине, она была подарена Петром I царевичу Алексею, а по кончине его причислена к дворцовым именьям.

В пушкинское время в деревне было пятнадцать дворов и около ста тридцати жителей. Из них почти все мужское

население занималось ямщицким и извозным делом. И это понятно: через деревню пролегла одна из самых больших дорог России. Куда бы ни отправлялся путешественник из Петербурга по Белорусскому тракту, он проезжал через Выру. Не случайно кроме почтовой станции в деревне был и постоянный двор. Однако гостиницы в Выре не было, и потому почтовая станция, открытая здесь, считалась третьеразрядной. Невзирая на это, Выра принадлежала к категории больших станций. На маленьких обычно имелось от шести до двадцати лошадей, здесь же было пятьдесят пять лошадей для перевозки почты и путешественников и пять курьерских троек.

Как же выглядела почтовая станция в Выре в пушкинское время? В почтовых описаниях тех лет упоминается “дом станционный”, то есть не простая изба, а типовая постройка. Но так было не всегда. Вначале для станции наскоро был приспособлен обыкновенный жилой дом. Но вскоре он был перестроен, к нему добавлен второй, а также и другие строения. Расположение почтовых станций и всех их служб подчинялось необходимой специфике.

По типовым проектам (они сохранились в Российском государственном историческом архиве) можно представить, какой была третьеразрядная почтовая станция на Белорусском тракте. Чаще всего встречается комплекс, состоящий из трех одноэтажных домов одинаковой архитектуры: средний — побольше, крайние — поменьше; один из крайних иногда предназначался для гостиницы. Встречаются также проекты станций, включающие две постройки, как это было в Выре.

Минуя 69 верст, путник, едущий из Петербурга, видел в стороне от деревни два небольших одноэтажных домика в стиле русского классицизма — корпусá станции, соединенные между собой оградой с воротами посередине.

В главном, северном, корпусе находились смотритель станции и ямщики. Второй, южный, корпус был всецело связан с транспортировкой почты. Домик этот имеет во всех проектах одну и ту же планировку, он состоял из двух помещений, разделенных сенями. Одно служило чуланом (складом). Сюда сносили, здесь оставляли почту, пока ее перекладывали из одной почтовой кибитки в другую.

Вторая половина дома носила название “избы для почтальонов и почтарей”. Функции у этих служащих были раз-

ные. Почтальоны отвечали за казенные пакеты, экстренную ценную почту, сопровождая ее на протяжении всего пути, от места до места. Почтарям же (часто эту функцию выполняли ямщики) доверялись “партикулярные”, то есть простые письма и посылки, которые они перевозили только от станции к станции.

* * *

Почты разделялись на три рода: легкую, тяжелую и экстренную. Легкие почты ходили между Петербургом и Москвой до шести раз в неделю в зависимости от погоды и времени года; на больших трактах центральной России по два и по одному разу в неделю, также в зависимости от погодных условий. В некоторые места империи, такие, как Архангельская губерния, Сибирь, по причине затруднительности доставки, — один раз в месяц, а между Охотском и Камчаткой — “при удобных только случаях”.

Тяжелые почты между Петербургом и Москвой ходили два раза в неделю, на остальных же больших трактах — “по мере стечения тяжеловесных посылок”.

Экстра-почта для срочной доставки казенных пакетов, денег, документов, ценных посылок и писем ходила почти ежедневно между Петербургом и Москвой, а летом также между столицей и Царским Селом, а по большим трактам империи — по мере надобности. Телеграфа еще не было, и люди часто прибегали к этой, тогда самой быстрой, форме связи.

“Отвечай мне по extra-почте!” — писал А.С.Пушкин П.А.Вяземскому 19 августа 1823 года.

Услуги почты, доставляемой на лошадях, стоили дорого. За них взималась весовая такса, в зависимости от расстояния до места, куда она отправлялась. Экстренная стоила вдвойне дороже.

Письма принимались только запечатанные сургучом с оттиском печати отправителя и взвешивались на весах. Марки появились в России уже в конце 1850-х годов.

Плата за письма принималась с лота (1 лот = 12,797 г); только за расстояние до 250 верст за лот взимались 20 копеек. Чем дальше посылалась корреспонденция, тем дороже она стоила, писались же письма на тряпичной бумаге и часто бывали тяжелее одного лота.

Дом станционного смотрителя
до создания в нем музея. 1960-е гг.

Письмо из Петербурга в Москву шло неделю, и стоила отправка его около 70 копеек. Скорость доставки зависела от времени года. Так, Пушкин писал в декабре 1835 года П.А.Осиповой, что ее письмо из Тригорского, помеченное ноябрем, он получил через четыре недели.

Корреспонденция из Барнаула в Петербург даже летом шла не менее сорока дней, и письмо могло стоить около двух рублей. Из-за дороговизны почты люди в пушкинские времена предпочитали пересылать письма с оказией.

Кроме основных корпусов на Вырской почтовой станции был еще целый комплекс строений.

Путешественник въезжал на широкий двор, имевший форму большого прямоугольника. Его со всех сторон замыкали постройки. Это были конюшни, навесы для экипажей, амбары, сарай, коновязи. Здесь имелись также кузница и шорная, колодец и погреб; позднее появилась пожарная вышка.

Постройки небольших станций обычно были деревянные. Они быстро ветшали, и приходилось их часто возобновлять. В конце первой трети XIX века на больших трактах станционные корпуса стали строить каменными, деревянными оставались лишь мелкие надворные постройки. Почтовая станция в Выре также была деревянной, но в конце 1830-х — начале 1840-х годов ее корпуса возвели в камне, при этом типовая внутренняя планировка помещений станции сохранилась.

Прошло более ста лет. Постепенно старые постройки разрушались. Но нашлись энтузиасты, которые не дали им исчезнуть с лица земли. Один за другим восстанавливались корпуса бывшей почтовой станции, и наконец в 1972 году в них открылся музей дорожного быта начала XIX века “Дом станционного смотрителя”. Среди инициаторов и создателей уникального музея были токарь Иван Дмитриевич Ларин, председатель первичной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в Ленинградском оптическом институте им. С.И.Вавилова; председатель местного колхоза Павел Семенович Терещенко и архитектор того же колхоза Александр Александрович Семочкин, который восстановил в 1972 году по проекту архитектора В.В.Экк главный корпус почтовой станции. В нем 15 октября того же года была торжественно открыта первая экспозиция музея (совместно с Гатчинским краеведческим музеем)¹, созданная научными сотрудниками Всесоюзно-

¹ Ныне музей находится в ведении областного музейного центра.

Правнук А.С.Пушкина Г.Г.Пушкин (крайний справа) на открытии музея "Дом станционного смотрителя". 15 октября 1972 г.

го музея А.С.Пушкина; из его фондов в музей были переданы многие необходимые экспонаты.

Большую помощь в создании музея оказали члены районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры города Пушкина Н.М.Берлович, М.Г.Шплет, В.П.Лазорева. С особым интересом и любовью отнеслись к возрождению исторического памятника местные жители, многие принесли в дар музею старинные вещи. Поиски предметов дорожного быта пушкинского времени продолжила Валентина Максимовна Якушева, завершившая работу по восстановлению почтовой станции и ставшая первым хранителем, а затем бессменным директором музея в Выре.

"Дом станционного смотрителя", музей литературных героев А.С.Пушкина и дорожного быта России, сразу и на долгие годы стал одним из любимых и посещаемых музеев Ленинградской области: в 1997 году он отметил свое 25-летие.

Экспонаты его рассказывают не только о Пушкине и героях его повести "Станционный смотритель". Они словно

иллюстрируют произведения многих современников поэта; известно, что в литературе той поры часто встречаются описания постоянных дворов, придорожных трактиров и почтовых станций. Сами названия произведений говорят об этом. Например: водевиль Р.М.Зотова “Приключение на станции, или Который то час”; комедия Н.М.Загоскина “Роман на большой дороге”, роман А.Степанова “Постоялый двор”, водевиль Н.П.Грекова “Еще роман на большой дороге”. Дорожный быт эпохи давал возможность для неожиданных встреч главных героев и различных персонажей, направлявших развитие событий. Дорога как место действия (не говоря о жанре путешествий, где она является самой темой повествования) — распространенный прием в русской и западноевропейской литературе начиная с XVIII века.

Повесть А.С.Пушкина, несмотря на малый объем, настолько точно передает бытовые особенности почтовых станций и их обитателей, что стала основой для создания музейной экспозиции.

В ОЖИДАНИИ ЛОШАДЕЙ...

Посетитель, переступивший порог музея, попадает в обстановку типичной почтовой станции пушкинского времени. О планировке ее в архивных документах говорится следующее: “Парадный крылец и сени. Направо комната для проезжающих с кафельной печью, при оной другая комната” (имеется в виду смотрительская).

В небольших сенях мы видим на стене старинный фонарь и коромысло. Чтобы предъявить подорожную, путник из сеней проходил в смотрительскую комнату. Здесь смотритель записывал документ, имя и чин проезжающего в специальную шнуровую книгу (в ней велась регистрация всех проехавших, и можно было узнать, кто бывал здесь и когда). Согласно подорожной смотритель отпускал полагающееся количество лошадей. Если же свободных лошадей не было, предлагал отдохнуть на станции. Для этого в станционном доме имелось специальное помещение — “чистая половина для господ проезжающих”. В этом же доме, слева от сеней, находилось помещение для ямщиков — “ямщицкая половина”.

В экспозиции музея учтены все детали пушкинской повести. Вырин — смотритель станции, бедный чиновник,

Музей “Дом станционного смотрителя”. Чистая половина для проезжающих. Современная фотография.

вдовец. Человек, не имеющий своего угла, он живет на самой станции, терпя постоянное беспокойство от проезжих. Вместе с ним в каморке за перегородкой ютится и его единственная дочь Дуня (ее комнатка — это та самая смотрительская, вход в которую из сеней закрыт). Путешественник входит прямо в чистую половину. Она теперь одновременно и смотрительская.

Следуя повести Пушкина, здесь прибрано, уютно. На окнах — “горшки с бальзамино́м”, цветы, будто выращенные героиней повести; все говорит о присутствии хозяйки, дочери смотрителя Дуни, которая была, по словам отца, “такая разумная, такая проворная... <...> Ею дом держался...”.

Обычно же на станциях редко можно было встретить чистоту и комфорт. Вспомним, что, когда Дуня покинула отца, картина изменилась. “Ветхость и небрежение” поселились на станции, и “на окнах уже не было цветов”. Пушкин говорит о таких же неуютных станциях в “Евгении Онегине”. Современники его также оставили нам несколько описаний. Например, в “Путевых записках...” Г.В.Герасова находим такие строки: “...пили кофий у смотрите-

лей почт. Иные живут чисто... а иные — войти нельзя”. Герарков описывает ночлег на одной из почтовых станций: “Были у Хивинцов, где ужасно не чисто и по десяти вместе спят; от дурного запаха мы скоро вышли...”.

П.А.Вяземский, вспоминая ночлег на почтовой станции по дороге в Пензу в январе 1828 года, когда ему пришлось провести в холодной избе около пятнадцати часов, писал в “Записных книжках” (№ 3): “...кучера и люди перемерзли... <...> Здешние жители, пускаясь и на малую дорогу, берут с собою не только провиант, но и дрова на всякий случай”.

Отправляясь в путь, люди кроме еды брали с собой и свечи, чтобы осветить на станции.

Чистая половина Вырской станции — большая продолговатая горница в четыре окна, имеющая два входа: один — из сеней и второй — из комнаты Дуни. Большая часть помещения предназначена для ожидания лошадей господами проезжающими. В красном углу — образ: Николая Чудотворца — покровителя плавающих и путешествующих и святых Фрола и Лавра — покровителей лошадей.

Войдя в горницу, путешественник мог сразу обратиться к смотрителю станции. Стол смотрителя помещается справа, у окна. На нем книга для записи подорожных, гусиное перо, старинные чернильница с песочницей и шкатулка для хранения прогонных денег. Здесь же рядом такой же старинный окованный железом сундук для денег и документов. Над столом портрет царствующего императора. Справа от двери “Постановления, до всеобщего сведения относящиеся”. Главное из них — какому чину и по сколько выдавать лошадей. Здесь же “Правила, изданные для проезжающих на почтах, станционных чиновников и почтарей”.

В одном из пунктов говорится, что “путешествующим запрещено чинить станционному смотрителю притеснения и оскорбления, или почтарям побои”. Если же проезжающий недоволен чем-либо, сказано в другом пункте, то он “в обидах, учиненных на станциях... если желает, приносит жалобу, напишет письмо и оставляет оное на станции для отсылки при первом случае... или в шнуровую книгу, для сего на каждой станции имеющуюся...”

Далее один из пунктов гласит: “Станционные смотрители, которые не имеют классных чинов, но, находясь при

своих местах, в ограждение от обид пользуются по Высочайшей воле 14 классом”.

“В ограждение от обид” смотрители носили форменную одежду — зеленый сюртук и треугольную шляпу (ее мы можем видеть на столе смотрителя). Но если не было лошадей, то их не спасал от гнева раздраженного проезжего чин коллежского регистратора — 14-й класс, самый маленький чин в России.

Вспомним, как в повести Пушкина ротмистр Минский при известии, что лошади все в разгоне, “возвысил было голос и нагайку”, но тут к отцу поспешила на помощь Дуня, “привыкшая к таковым сценам”.

Обстановка чистой половины рассчитана на долгое сидение, часто и ночлег, на станции в ожидании лошадей.

В горнице стоит залавок — широкая лавка со спинкой, подобие дивана — типичная мебель почтовых станций; обитые кожей банкетки и потертый мягкий диван первой трети XIX века. Когда постояльцы останавливались на ночлег, в горницу им еще приносили сено.

Почти посредине комнаты гряда дорожных вещей, которые брал с собой путешественник, отправляясь в дальний путь. Часть багажа на время ожидания лошадей вносилась на станцию. Прежде всего здесь мы видим дорожную шкатулку для денег, выполненную из красного дерева в первой трети XIX века. Вновь прибывший проезжий входил в станционный дом с такой шкатулкой. Для уплаты за лошадей нужны были не любые деньги. По правилам, требовалось, чтобы платились “прогонные деньги ассигнациями и медною монетою”, они-то и припасались в шкатулке.

Вслед за хозяином слуга вносил сундук. Многие дорожные вещи были красивы и изящны.

Перед нами дорожный сундук 1820-х годов светлого кипарисового дерева с двумя ручками, легкий и удобный в дороге. Здесь же большой кожаный чемодан того же времени, имеющий длинные ремни, которыми его привязывали к коляске. Такой дорожный чемодан хотел иметь Пушкин, судя по письму его к брату в апреле 1825 года.

Необходимыми в пути считались погребец (специальный сундучок для снеди и приборов) и дорожный несессер — изящный ящичек красного или кипарисового дерева с крышкой. Несессер внутри имел множество отделений с набором самых различных предметов. Здесь были дорож-

ный стакан из толстого стекла и флакон с “нюхательной солью” (если путешественник в пути почувствует себя дурно), предметы для бритья, дорожное зеркальце, вставляемое во внутреннюю часть крышки, и прочее. Могло быть здесь и все необходимое для письма. Но существовали в то время и специальные дорожные шкатулки для письменных принадлежностей.

Бытовали даже шкатулки наподобие маленьких бюро. Их можно было привинчивать внутри кареты и во время пути писать. Такое дорожное бюро имеет крохотную столешницу, оклеенную суконцем, как у настоящего письменного стола, набор очиненных гусиных перьев, миниатюрную чернильницу и песочницу (письмо, чтобы чернила высохли, посыпали песком).

Мы видим здесь же дорожный непромокаемый саквояж, поместительный, внутри имеющий несколько отделений. Он специально предназначался для перевозки рукописей, документов, ценных бумаг. Дорожные вещи были разнообразны. Например, существовал кожаный футляр “для портрета близкого человека”, который путешественник брал с собой в путь.

Прогонные деньги взимались как за проезд людей, так и за провоз багажа. За лишнюю лошадь, если она не полагалась по подорожной, платили вдвойне.

На каждой станции вывешивалось “Расписание, в какое время, по сколько почтовых лошадей и в какие экипажи запрягать для проезжающих”. В зависимости от времени года и экипажа (кибитки, брички, коляски, кареты) и багажа количество впрягаемых лошадей (отсюда и взимаемых прогонов) было разное. Например, в четырехместные кареты с одним чемоданом и сундуком или двумя сундуками без чемодана полагалось впрягать в летнее и зимнее время по шести лошадей, а в осеннюю и весеннюю распутицу — по восьми. “Если же будет и наверху сундук, — сказано в “Расписании”, — и на задней оси сверх сундука чемодан, то припрягать еще по одной лошади”.

Путешественники, ожидая лошадей, располагались на станции у голландской печи за большим столом. Не случайно мы видим здесь тульский самовар и чайную посуду 1820-х годов. Смотрители держали для проезжих чай, кофе, сахар, молоко, сливки, баранки и другие продукты. Их можно было спросить на станции.

Один из пунктов дорожных правил гласил: “Не записав подорожной и не расплатясь за все забранное у смотрителя, проезжающий не должен съехать с почтового двора”.

Постой обходился проезжим недешево. Гераков в “Путевых записках...” вспоминал: “...обедали и ужинали все почти свое; но за сено, ночлег, хлеб и сливки заплатили очень дорого”.

По другим воспоминаниям, “за обед на станции заплатили пять рублей, за ужин — два с полтиной”.

В случае ночлега спать можно было на широких лавках и просто на полу, на сене. В этой же горнице спал и сам смотритель. Мы видим здесь его “кровать с пестрой занавескою”, прибранную по старине, с подзором, с домотканым покрывалом и горой подушек.

По тем же дорожным правилам, если путник заболел в дороге, смотритель обязан был приютить его, предоставить даже свою постель. Мы помним, как в повести смотритель Вырин уступил свою кровать “молодому обманщику” Минскому — мнимому больному.

Более всего в ту пору люди боялись заболеть и умереть на почтовой станции, в дороге.

В стихотворении “Дорожные жалобы”, полном грустных размышлений, Пушкин писал:

*Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил...*

В основной текст не вошли строки:

*Или ночью в грязной луже,
Иль на станции пустой,
Что еще гораздо хуже —
У смотрителя, больной.*

Стены почтовых станций украшали народные лубочные картинки, изображающие “нравственно-аллегорические предметы”, события истории, героев сказок и притчей. Лубок — труд безымянных мастеров — был самым демократическим и массовым видом искусства. Картинки напоминали героев и декорации народного театра и были связаны

с даваемым под ними текстом. Когда читались надписи, картинки словно оживали. В народе их называли “потешными”. На почтовых станциях они развлекали путешественников, которые во время ожидания рассматривали их от скуки.

О лубочных картинках как украшении почтовых станций и придорожных трактиров писал Н.М.Карамзин в “Письмах русского путешественника”.

У Пушкина в начатой повести “Записки молодого человека” герой, узнав от смотрителя, что лошадей нет, “занялся рассмотрением картинок, украшающих его смиренную обитель”. Картины, которые “не имеют рам и прибиты к стене гвоздиками”, говорится о них в “Записках...”, “...изображают погребение кота, спор красного носа с сильным морозом и тому подобное...”. (Имеются в виду популярные лубочные картинки XVIII века — “Погребение кота, или Небылица в лицах” и “Похождение о носе и о сильном морозе”).

Но наибольший интерес героя вызывают четыре лубка “История блудного сына”. Рассказ об этих картинках Пушкин из “Записок молодого человека” перенес потом в повесть “Станционный смотритель”.

В музее кроме перечисленных выше есть еще один лубок на текст “Романса”, написанного в 1814 году 15-летним А.С.Пушкиным. Это стихотворение стало в конце 1820-х годов популярной народной песней:

*Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.*

Эта народная картинка с назидательным сюжетом здесь как нельзя к месту: ведь героиню увозит гусар. Перед нами будто один из вариантов судьбы Дуню.

П.А.Вяземский, припоминая позднее типичные черты Пушкинской эпохи, называл кроме блестящих балов, нежных стихов и дуэлей “похищения кисейных барышень”.

Красавиц без приданого, девиц из бедных семей часто похищали, а затем покидали именно гусары. Такая же судьба могла ожидать и Дуню. Понятными были переживания ее отца. “Всяко случается, — говорит он. — Не ее первую,

не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою”.

Но, описав типичный случай похищения, Пушкин наделил Дуню нетипичной судьбой (по первоначальному замыслу в нее влюбляется писарь, но затем сюжет получает иное развитие).

Из чистой половины входим в небольшую комнатку. Все здесь говорит о героине повести. Мы видим старинный комод, скромное зеркальце, небольшую шкатулку, пяльцы, вязанье. Есть также и рукодельный столик с начатой работой, так как известно, что она “за перегородкой шила себе платье”. Вспоминаются слова Самсона Вырина, сказанные о дочери:

“Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. ...Курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались”.

В музее литературных героев Пушкина “Дом стационарного зрителя” словно оживают все образы повести: голубоглазая красавица Дуня, молодой, стройный гусар с черными усиками — Минский и Самсон Вырин, главный герой повествования. С рассуждения о нем начинается повесть:

“Кто не проклинал стационарных зрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подъячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое стационарный зритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли

каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на зрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват зритель.

Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!

В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий зритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием”.

До Пушкина станционных зрителей наделяли лишь чертами отрицательными.

Такое традиционное изображение дано П.А.Вяземским в стихотворении 1825 года “Станция”:

*Досадно слышать “Sta viator!”¹
Иль, изъясняясь простей:
“Извольте ждать, нет лошадей”, —
Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(Ему тупун бы на язык!),
Сей речью ставит вас в тупик.
От этого-то русским трактом
Езда не слишком веселит;
Как скачешь — действие кипит,
Приедешь — стынет за антрактом.*

Но Пушкин увидел станционного зрителя, самого маленького чиновника на Руси, иным. Прежде чем занять в одной из повестей Белкина центральное место, этот образ появился в “Записках молодого человека”. Вот как говорится о нем в сохранившемся отрывке задуманного произведе-

¹ Стой, путник! (лат.)

ния: “Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города * до Петербурга едущий шестого класса чиновник с будущим ¹ взял двенадцать лошадей, генеральша Б. — восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик. На станции стояла одна курьерская тройка, и смотритель не мог ее мне дать. Если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что с ним тогда будет, беда — он может лишиться места, пойти по миру”.

В “Доме станционного смотрителя” образы повести словно обретают реальность. Местные легенды утверждают даже, что именно здесь и жил герой повести; что будто бы отсюда проезжий гусар увез его дочь Дуню и что Самсон Вырин похоронен на местном кладбище. А в публикации Е.Вожовой “В гостях у Самсона Вырина” утверждается, что прототипом главного героя повести был Тимофей Садовский, “вдовый станционный смотритель в Выре”, “служивший... 20 лет”, что Пушкин был знаком с ним и останавливался у него отдыхать. Однако согласно архивным данным “Тимофей Иванов сын Садовский” служил на Вырской почтовой станции с сентября 1823 года до октября 1835-го, то есть всего двенадцать лет; продолжительного знакомства Пушкина с Садовским быть не могло — в те годы поэт не совершал частых поездок через Выру; Садовский не был вдов, он имел жену, сына и дочь, которой, когда ее мог видеть поэт, было 10 лет; Садовский был поляк, уроженец Варшавы, до службы на тракте — “канцелярист Санктпетербургского почтамта”, Вырин же — старый солдат.

Скорее всего, в образе Самсона Вырина Пушкин соединил черты многих смотрителей. Недаром же он пишет: “...редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени...”

Просматривая архивные документы — формулярные списки чиновников и служащих почтовых контор, можно заметить, что смотрители были из разных сословий: из купцов, мещан, вольноотпущенных крестьян, иногда из обед-

¹ “С будущим” — почтовый термин, обозначающий намерение или согласие путешественника взять в пути еще седока — “будущего”.

“Вырин у подъезда Минского”. Иллюстрация М.В.Добужинского к повести А.С.Пушкина “Станционный смотритель”. 1905 г.

невших русских дворян, солдатских детей и приказных, шляхтичей и казаков. Но чаще всего шли в смотрители отставные унтер-офицеры и отслужившие свой срок грамотные солдаты. Поэт говорит о Вырине: “Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти... его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах”.

Медали — боевые награды на зеленом сюртуке (форменной одежде) дорисовывают портрет смотрителя. Он участник наполеоновских войн, а возможно, и недавно прогремевшей Отечественной войны 1812—1814 годов. Может быть, дав своему герою имя библейского силача Самсона, Пушкин хотел подчеркнуть силу русской армии, ее рядовых воинов, носящих простые неказистые фамилии — такие, как Вырин, по названию местности, где расположена почтовая станция. Возможно, не случайно и рассказ начинается с 1816 года — времени, когда недавно “война со славою была кончена” и наступило, по словам Пушкина, “время незабвенное! Время славы и восторга!”. Оттого-то и носит постоянно старый солдат боевые награды. Носит, чтобы снискать уважение, защититься от угроз и ругательств, “крика и толчков раздраженного постояльца”.

Пушкин называет и полк, в котором служил смотритель.

“Дуня на могиле отца”. Иллюстрация М.В.Добужинского к повести “Станционный смотритель”. 1905 г.

Когда тот отправился в Петербург на розыски своей Дуни, увезенной гусаром, он остановился в Измайловском полку, у “отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца”.

В литературе того времени часто почтовые станции изображались в комедиях и водевилях и станционные смотрители представлялись как комические персонажи. В пушкинской же повести разыгрывается не комедия, а трагедия, и бывший воин, а ныне чиновник 14-го класса, в ней — трагическое лицо.

Действие повести происходит на такой же, как Выра, маленькой станции Белорусского почтового тракта (вспомним, что “ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург”), и находится она тоже недалеко от столицы, так как Вырин, выпросив “отпуск на два месяца... пешком отправился за своею дочерью”.

В повести звучит тема социального неравенства. Минский полюбил красавицу Дуню, но ее отец для него — всего лишь “нижний чин”. И Дуня, защитница и опора отца в его трудной жизни на станции, покинула его ради любви к Минскому и надежды на свое будущее счастье.

Вырин тяжело переживает неблагодарность дочери, муки отвергнутой родительской любви, свою ненужность

ей: “А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?”

В повести показана не только социальная, но и общечеловеческая трагедия. Большая роль в ее раскрытии отведена Пушкиным лубочным картинкам “История блудного сына”. Они описаны подробно: “В первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой... приличные немецкие стихи”.

Почему “немецкие”? Потому что в повести говорится о немецких лубочных четырехлистных картинках. Автором лубка был венский художник XVIII века Иоган Венцель Энгельман. Завезенные неизвестным коммивояжером в Россию в конце XVIII века, картинки получили широкое распространение.

Позднее русские мастера скопировали их, создав русский вариант четырехлистной лубочной сюиты. В России же в первой половине XVIII века был широко распространен и двухлиственный вариант этого лубка. Тогда же была издана книжка “Комедия притчи о блудном сыне с 37 картинками”, гравированными с голландского оригинала. Все это говорит о необыкновенной популярности сюжета. Сцены из “Комедии притчи о блудном сыне” разыгрывались на подмостках народного театра буквально по этим картинкам.

Кроме этой притчи вспоминается в строках повести и другая — о заблудшей овечке (“Авось, — думал зритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою”). Обе притчи созвучны рассказу Самсона Вырина о его дочери, хотя внешне история Дуни будто и не совпадает с “Историей блудного сына”.

Художник М. В. Добужинский, иллюстрируя в 1905 году повесть “Станционный смотритель”, использовал принцип лубочной сюиты “История блудного сына”. Рисунки его последовательно раскрывают сюжет, начиная с “Приезда Минского на почтовую станцию”. Последняя иллюстрация изображает Дуню на могиле отца. “Она легла здесь и лежала долго”, — говорится о ней в повести. Так в народе выражалось самое глубокое и истинное горе. Работы Добужинского до сих пор справедливо считаются лучшими иллюстрациями к “Станционному смотрителю”.

Закончив осмотр чистой половины и комнаты Дуни, посетители музея возвращаются в сени и оттуда проходят в помещение для ямщиков.

НА ЯМЩИЦКОЙ ПОЛОВИНЕ

Ямщицкая — большая комната с выходом в сени и в коюшни, где ямщики ожидали очереди на выезд, обедали, грелись и чинили сбрую.

Помещение восстановлено по старинным изображениям и описаниям. На гравюрах конца XVIII века в ямских избах изображались посредине комнаты большой стол и широкие лавки, полаты под самым потолком, хомуты и сбруя. То же самое видим и на рисунках первой половины XIX века. Еще более точно можно представить ямщицкую пушкинского времени по картине К. А. Зеленцова. Художник изобразил как ямщиков, так и различные предметы их быта.

“...Несколько поколений ямщиков мне знакомы”, — писал А. С. Пушкин в повести “Станционный смотритель”. Возможно, поэт знал кого-то и в Выре.

В ямщицкой посетители видят старинную русскую печь, просторные полаты, продолговатый крестьянский стол и лавки; в красном углу — икона с изображением святого Власия, покровителя животных.

На столе глиняная и деревянная посуда, чашки и ложки, рядом два кисета — один из бересты, другой из яркого кумача с вышивкой. На стене балалайка.

У русской печи глиняные горшки, деревянные ведра, кадки, коромысло, ухваты — утварь, необходимая для стряпухи, готовящей пищу ямщикам. Здесь же медный рукомоийник и корыто. Все как на рисунке художника.

У входа в конюшни несколько железных фонарей “для запряжки лошадей в ночное время”.

На стенах ямщицкой развешены хомуты и уздечки, расписные дуги с колокольчиками, а также “всякая хорошая ямская исправная запряжка”.

По указу 1800 года на станциях полагалось на каждые три лошади “иметь ямщика не старого, не молодого и хорошего поведения, одетого пристойно в ямском платье и в сапогах и чтоб ямщики... были присылаемы к станционному смотрителю здоровые и не моложе осемнадцати и не старше сорока лет, доброго поведения, трезвые и ни в чем не подозрительные, с указанными паспортами и письменными свидетельствами на утверждение о благонадежности их поведения, а буде замечены в дурном поведении, ямщиков переменить...”.

На стенах и лавках ямщицкая одежда: зимние и летние шапки, кафтаны, овчинный тулуп, кожаные рукавицы — голицы.

Форма ямщиков была особенной. По одежде их можно было сразу отличить. Впервые она введена для них в середине XVII века. Первоначально ямщики носили “зеленый суконный кафтан с нашитым на правой стороне груди гербом России — двуглавым орлом, а на левой — почтовым рожком”. Форма затем переменялась на “белые сермяжные кафтаны с красными орлами на груди”. После этого ямщики носили “лазоревый зипун, шапку вишневую с пухом, полусуконный подлазоревый кафтан с бумажным кушаком”.

В пушкинское время у ямщиков были суконные синие или черные кафтаны, для зимы же — овчинный тулуп, а от прежней формы долго сохранялись вишневые шапки и красные бумажные кушаки. Вспомним строки Пушкина в пятой главе “Евгения Онегина”:

*Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.*

Ямщики носили также на груди медную бляху с государственным гербом, а через плечо, на шнуре, — рожок. Подъезжая к станции, они, по правилам, должны были тру-

Внутренний вид почтовой станции. Ямщицкая половина.
С рисунка К.А.Зеленцова. Первая четверть XIX в.

бить в рог, однако делали это редко. Чаще о своем приближении, по свидетельству современников, ямщики извещали свистом. В черновых отрывках “Путешествия Онегина” Пушкин писал о них:

*Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.*

Круглый год — в зимнюю стужу, в осенние и весенние распутицы — несли свою нелегкую службу на дорогах Российской империи ямщики. Издавна они представляли “особое сословие” и передавали свое ремесло из поколения в поколение. Слово “jamsy” (ямщик) пришло из тюркских языков от слова “jam” (ям) — почтовый двор — и было известно в России с XV века, еще до основания в середине XVI века Ямского приказа.

В старину выбирали в ямщики грамотных крестьян, которые давали клятву честно нести службу, не пропивать деньги, не играть в карты и не совершать преступлений против государства. Односельчане должны были поручиться за выбираемого ямщика.

С начала XVII века в России создаются ямщицкие поселения — слободы. Ямщики имели свою пашенную и сено-

косную земли, различные промыслы и были освобождены от уплаты податей, за что отбывали повинность “ямской гоньбы”.

Позднее, уже в пушкинское время, ямщиками могли стать государственные крестьяне, а также вольноотпущенные, выкупившиеся на волю от помещика. Всего же в одной Петербургской губернии было их более четырех тысяч. Ямщиком мог стать не каждый. Для этого требовались и большая выносливость, и сноровка. Они славились удалью и расторопностью, способностью не теряться в трудной обстановке в дороге, находчивостью и умением найти общий язык с любым путешественником.

Восхищаясь смелостью и смышленостью, переимчивостью, проворством и ловкостью русского крестьянина, Пушкин писал в “Путешествии из Москвы в Петербург”: “Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают...”

Труд ямщика был тяжел. Он правил лошадыми, сидя на облучке или козлах в незакрытой части экипажа (иногда даже не сидя, а стоя), мок под дождем, находился на ветру и морозе. Седоки поминутно погоняли ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями. И хотя в почтовых правилах сказано, что “никто не имеет права принуждать почтаря... к скорой езде”, часто путешественники пренебрегали ими. Ямщик же более всего опасался загнать лошадей. В случае их порчи и падежа по его вине он был в ответе.

Пушкин привел в “Капитанской дочке” поговорку, услышанную им от ямщика: “Лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой”. Этой поговоркой ямщики отвечали на требования седоков погонять быстрее.

Духовный мир ямщиков был тесно связан с миром народных представлений, примет и поверий. Суеверно полагали они, когда зимой в пургу сбивались с пути, что их “водит бес”; опасались порчи, верили в ведьм, колдунов и считали, что если дорогу перешла баба с пустыми ведрами или перебежал заяц, это не к добру. Вместе с ними в дурные предзнаменования верили и путешественники.

В навеянном дорожными впечатлениями и народными поверьями стихотворении Пушкина “Бесы” путник в пургу сбивается с пути и реальность превращается в фантастику:

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

Ямщики тонко разбирались в лошадях, умели подбирать к сложной конной упряжи колокольчики и бубенцы с согласным звоном, но главное — умели ездить быстро и по плохим дорогам. Они не только погоняли, но и воздействовали на лошадей уговорами и покрякиванием — кони их слушались.

Не случайно “Песня ямщика”, написанная А.Гурилевым на слова К.Бахтурина, содержит строки:

*Не кнутом
Поведем,
Только рукавицей,
И по пням,
По холмам
Мчат лошадки птицей...*

Вот что говорит В.А.Соллогуб в повести “Тарантас” о русском ямщике и почтовых лошадях:

“— ...Ну, сивенькая... Ну, ну... вывези, матушка... Уважь господ... Ну!.. Ну!..”

И ямщик ударил по чахлым клячам, которые по необъяснимому вдохновению, свойственному только русским почтовым лошадям, вдруг вздернули морды и понеслись, как вихрь. Тарантас прыгал по кочкам и рытвинам, подбрасывая улыбавшихся седоков. Ямщик, подобрав вожжи в левую руку и махая кнутом правой, покрякивал только, стоя на своем месте; казалось, что он весь забылся на быстром скаку и летел себе напропалую... Такова уж езда русского народа”.

В “Мертвых душах” Н.В.Гоголь писал: “Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?... С одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем... только дрогнула дорога... и вон она понеслась, понеслась, понеслась!..”

Ямщики были людьми талантливыми. Они изобрели “русскую троечную упряжь”. Благодаря им сказочный “конь-птица” превратился на Руси в “птицу-тройку”.

В тройке лошади подбирались так, чтобы две крайние, пристяжные, скакали галопом, а коренник бежал рысью. Сочетание в одной упряжке двух разных аллюров — рыси и галопа — создавало неповторимость троечной езды, одновременно и быстрой и красивой. Бег тройки отличался от любой другой упряжки даже на слух. Приближение тройки узнавалось по своеобразному топоту копыт.

В стихотворении Пушкина “Зимняя дорога” будто слышится этот бег. Поэт передал в нем не только свои дорожные мысли и впечатления, но словно и ритм езды на быстро скачущей тройке:

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.*

<...>

*Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне...*

Этим стихотворением Пушкин ввел в русскую поэзию и русскую музыку тему лихой тройки и удалого ямщика. На слова “Зимней дороги” вскоре был написан романс композитором Александром Алябьевым, а после него еще сорока семью авторами. В романсе, созданном уже в советское время известным композитором Георгием Свиридовым, тоже будто слышится бег тройки — ритм пушкинского стиха.

После “Зимней дороги” на протяжении всего XIX века одна за другой начали появляться песни о тройке и ямщике, поющем удалую или заунывную песню. В пушкинское время текстами для них послужили стихи Ф.Н.Глинки, П.А.Вяземского и других поэтов. Песни эти имели огромную популярность, вошли в песенники, породили вариации, стали народными песнями.

Одной из самых популярных русских песен о тройке и ямщике стали строки из стихотворения поэта-декабриста Ф.Н.Глинки “Сон русского на чужбине”:

*И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему взгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи
Про очи девицы-души...*

Песни сочиняли и сами ямщики. Когда служивший на Сибирском тракте ямщик Иван Макаров замерз на перегоне, в сумке у него нашли стихи. Они были положены на музыку композитором Александром Гурилевым. Так родилась знаменитая песня “Однозвучно гремит колокольчик...”.

Позднее появилась на стихи крестьянского поэта Ивана Сурикова народная песня “Степь да степь кругом...”.

Ямщики умели петь песни и рассказывать сказки. Под звон колокольчика во время долгого и скучного пути они развлекали и себя и своих седоков песнями, сказками, поговорками. Путешественники заслушивались их. Иногда, по словам современника, ямщик, рассказывая сказку, забывал погонять лошадей.

Песни, которые ямщики пели, чаще всего были грустными. Это заметил А.Н.Радищев, писавший в “Путешествии из Петербурга в Москву”: “Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее”.

Пушкин записывал народные песни и собирался их издать (сохранился план задуманной поэтом статьи). Он, как и Радищев, подчеркивал грустный, элегический характер многих песен. “...Обыкновенное их содержание, — писал поэт, — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене”.

Пушкина интересовали и старинные ямщицкие песни. Одну такую он привел в романе “Капитанская дочка” в качестве эпиграфа к главе “Вожатый”:

*Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,*

*Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.*

“Замечательную тетрадь песен”, записанных в разное время, сам поэт издать не смог и передал ее П.В.Киреевскому — известному русскому фольклористу; эти песни сохранились. Среди них есть и те, которые певали ямщики.

В незаконченном черновике стихотворения 1833 года Пушкин говорит об одной такой песне, удалом ямщике и себе самом, своей любви к русской народной поэзии:

*Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.*

*Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.*

<...>

*Пой: “Лучинушка, лучина,
Что же не светло горить?”*

Так уж сложилась судьба поэта, что его последний путь “к милому пределу” пролегал по Белорусскому тракту; после отпевания в Конюшенной церкви в Петербурге тело его на простой телеге с соломой, укрывающей гроб, обернутый рогожею, на перекладных, в сопровождении А.И.Тургенева и жандармов, везли ямщики на курьерских почтовых лошадях в Святогорский монастырь. Одна из остановок была в Выре, возле домика станционного смотрителя.

УСАДЬБА ГАННИБАЛОВ В СУЙДЕ

...Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

А.С.Пушкин — П.Я.Чаадаеву.
19 октября 1836 г.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ: ОТ РОДА ПУШКИНЫХ ДО ГАННИБАЛОВ

Почтовая станция Выра, расположенная на Белорусском почтовом тракте, находится на территории, которую с полным правом можно назвать землей предков А.С.Пушкина как по отцовской, так и по материнской линии. Обширные пространства по берегам Невы и ее притоков носили название Ижорской земли. Они с давних пор входили в состав одной из его административных единиц — Водской пятины. Расположенная на северо-западном рубеже новгородских владений, у выходов к Балтийскому морю, Водская пятинна претерпевала много бедствий, часто подвергаясь нашествиям со стороны немцев — ливонцев и шведов.

Пушкины (одна из ветвей рода) переселились сюда из Подмосковья и центральных губерний вскоре после присоединения Новгорода к Московскому государству. В Водской пятине с конца XV века они уже владели погостами Собельским, Передольским, Ярославским, Ижорским, Сакульским, Радужским, Никольским и другими.

Земли Суйдинского, Никольского погостов принадлежали одному из далеких предков поэта — Василию Константиновичу Пушкину, в 1498 году он владел здесь тридцатью семью обжами ¹ территории.

¹ *Обжа* — мера земли, равная пяти десятинам.

Известно также, что в 1500 году Андрей Никитич Пушкин имел поместье в Сакульском погосте Водской пятины и в городе Карелы (Кексгольме) у него был “на острове двор”.

Евстафий Михайлович Пушкин был в 1591 году “первым воеводой в Копорье”, Иван Михайлович, по прозвищу “Большой”, в 1571 году — “осадным головой в Ивангороде”, а Иван Михайлович “Меньшой” в 1581 году — “первым воеводой в городе Карелы”.

Потерпев поражение в войне со шведами, по Столбовскому договору 1617 года эту исконно русскую землю — Водскую пятину, Россия вынуждена была отдать Швеции взамен захваченных ею русских городов. Были отданы Ивангород, Ям, Копорье, Орешек “со всеми принадлежащими к ним землями и уездами, погостами и деревнями”. Взамен Швеция возвратила Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Гдов.

Пушкины и другие дворяне должны были либо срочно покинуть свои деревни и нажитое добро, либо принять шведское владычество, поменять затем и свою веру — православие на лютеранство. Жителям городов предоставлялось право в течение двух недель перейти в “русские пределы”, но “уездные обязывались остаться под свейскою короною”. Известно, что ушли в Россию все, кто мог, и по истечении этого срока.

Пушкины под “свейскою короною” не остались. Но вынужденное переселение и связанные с ним лишения в значительной степени способствовали оскудению их рода.

Шведы владели Водской пятиной около восьмидесяти лет и переименовали ее в Ингерманландию.

В начале XVIII века Петр I освободил этот край и вернул его в состав Русского государства. С этого времени здесь поселились предки А.С.Пушкина по двум линиям — Головиных и Ганнибалов. Прадед поэта Александр Петрович Пушкин — капитанармус лейб-гвардии Преображенского полка — женился в 1720 году на Евдокии Ивановне Головиной, дочери генерал-кригскомиссара Ивана Михайловича Головина. Пожалованные Петром I Головину земли в Ингерманландии (имение Тайцы) позднее частично перешли во владение Ганнибалов.

С другим владельцем этих мест, ставшим также прадедом поэта, — Абрамом Петровичем Ганнибалом, генерал-аншефом, крестником Петра I, Пушкины породнились

трижды: в середине 1750-х годов Андрей Павлович Пушкин, инженер-капитан, сослуживец А.П.Ганнибала по Инженерному корпусу, женился на его дочери Елизавете Абрамовне; в 1773 году Мария Алексеевна Пушкина (дочь Алексея Федоровича Пушкина, ставшего прадедом поэта) вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала, сына Абрама Петровича; а в 1796 году Сергей Львович Пушкин, капитан-поручик лейб-гвардии Егерского батальона женился на Надежде Осиповне, внучке А.П.Ганнибала (к ней после замужества перешла часть его имения). Они стали родителями великого поэта. Таким образом история этого края тесно переплелась с судьбой предков поэта, а по бракам — даже с его родителями и ближайшими родственниками. Пушкины словно вернулись на свою родину и стали жить здесь вместе с Ганнибалами.

А.П.Ганнибал стал владельцем Суйды в начале 1759 года. Он приобрел поместье у графа Федора Алексеевича Апраксина, внука прославленного “ладожского воеводы”, одного из полководцев Северной войны — Петра Матвеевича Апраксина. Ему, как и Головину, земли в Ингерманландии были пожалованы Петром I после обратного завоевания края у шведов. Ганнибал приобрел у Апраксина мызу Суйда вместе с селом Воскресенским и деревней Мельница, а затем постепенно расширял свои владения, прикупая близлежащие земли.

Абрам Петрович не сразу поселился в поместье. В это время он еще служил и постоянно жил в Петербурге. После выхода в отставку в 1762 году он занялся своими имениями, начал их благоустраивать и создал обширное поместье с подъездной березовой аллеей к усадьбе и парком.

“Инженер Ганибал”, как он именовал себя, был не только фортификатором, строителем крепостных сооружений, но и гидротехником. Сохранились сведения, что со скудных земель этих мест он получал высокие урожаи (интересно, что в наше время в Суйде, при вспашке земли, было обнаружено дренажное устройство времен Ганнибала).

Сохранился план Суйды¹, “отмежованной”, как сказано в тексте, “при Ингерманландском межевании в 1746 году, а по указу Межевой канцелярии... межевание вновь

¹ План найден в 1986 году С.Р.Долговой. Копия снята в том же году режиссером К.В.Артюховым для хроникально-документального фильма о Суйде “Под сенью липовых аллей”.

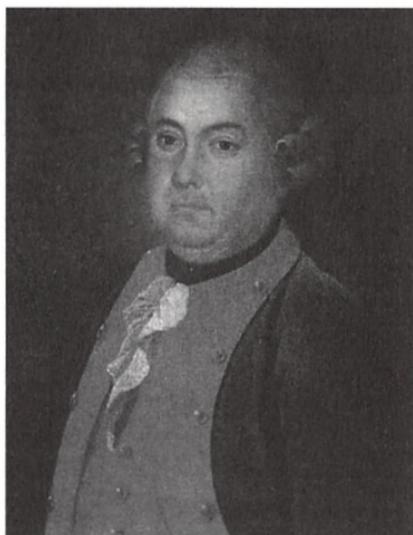
сочинено в ноябре 1857 года...”. На нем явственно обозначены земельные участки, где расположены мыза Суйда, село Воскресенское, деревни Мельница и Пижма, и все постройки, появившиеся здесь за сто с лишним лет.

Этот план позволяет нам представить себе местность в периоды до и после Ганнибалов. Особенно интересно обозначение парка. Четко выписана планировка его центральной части, показан большой пруд. По местному преданию, выкопали его пленные шведы, работавшие в усадьбе Апраксина после освобождения края от шведов, пруду они придали форму лука, направленного в сторону Швеции. Очертания пруда на плане действительно напоминают лук.

Помогает представить мызу А.П.Ганнибала и второй документ, найденный автором в Московском государственном историческом архиве древних актов: “...Места двора Его превосходительства Господина Генерал аншефа инженера Ганнибала”. На плане, датированном 1765 годом, показаны “большие хоромы, которые имеют пять покоев”, “лубяная изба с кухней”, “ледяной погреб с сушильной наверху”, “конюшня с 10 стойлами”, “сарай”, “анбар с погребом”, “место под огородом...”. Это типичная для данных мест барская усадьба середины XVIII века — мыза, как называли загородные дачи в Ингерманландии. Интересно, что симметричное и рациональное размещение построек двора в виде замкнутого прямоугольника, характерное для той поры, мы видим в Суйде и в наше время.

Сохранилось и более позднее описание Суйды, выполненное Анной Семеновной Ганнибал, правнучкой А.П.Ганнибала. В статье, опубликованной в 1912 году в “Новом времени”, она писала: “Мыза Суйда лежит в небольшом расстоянии от села, к ней ведет аллея, бывшая, вероятно, когда-то густой и тенистой. В парке стоял большой дом, с обширной террасой, выходящей в сад... Большой дом сгорел, недавно только разобрали его фундамент. Нынешний владелец Геймбюргер живет в старинном флигеле, неоднократно перестроенном. От старины уцелели, может быть, только резные украшения на флигеле, в виде полотенец. Под парком и теперь еще до сорока десятин; его вековые дубы и липы в два обхвата существуют несомненно со времени старого Ганнибала”.

Нам неизвестно, что представлял собой главный барский дом, построенный им в Суйде; точного описания его не со-

А.Ф.Пушкин. С портрета неизвестного художника.
Третья четверть XVIII в.

хранилось. Судя по фундаменту суйдинского дома, который можно было видеть еще в 1950-х годах, один фасад его выходил на подъездную дорогу, второй — прямо в сад. “Старинный флигель”, о котором пишет А.С.Ганнибал, дошел до нас в перестроенном виде. Первоначально он был деревянным. Во флигеле, до постройки большого дома, проживало все семейство Абрама Петровича, а позднее — сыновья, дочери, зятья и внуки. Вероятно, именно во флигеле, а не в большом доме жили по приезду в Суйду после женитьбы Осип Абрамович и Мария Алексеевна. Здесь, в Суйде, родилась 21 июня 1775 года Надежда Осиповна, будущая мать великого поэта. Во флигеле также размещали гостей, а известно, что в Суйду к А.П.Ганнибалу и его сыну Ивану Абрамовичу неоднократно приезжал Александр Васильевич Суворов. О том, кто жил и бывал в Суйде, рассказывают две мемориальные доски на фасаде этого здания, текст которых был сочинен в 1954 году гатчинским краеведом Ангелием Николаевичем Лбовским.

Что находилось внутри большого барского дома и флигеля? Можно представить, что при Абраме Петровиче здесь была мебель петровского и елизаветинского времени — добротные дубовые столы и стулья с высокими прорезными спинками, большие сундуки-укладки и ларцы, тяжелые шкафы, в альковах стояли широкие кровати с множеством

Суйда. Имение А.П.Ганнибала.
Рисунок С.П.Светлицкого. 1970-е гг.

тюфяков; при Иване Абрамовиче в имении, возможно, появились пуховые кресла и диваны, обитые штофом, зеркала в золоченых рамах — мебель конца царствования Екатерины II.

О великолепии поместья Суйда можно судить по сохранившимся остаткам парка. Питомец Петра I, инженер, получивший образование во Франции, Ганнибал повидал на своем веку не только сады Петергофа и Царского Села, но и сады Версаля. Искусно используя то, что было уже при Апраксиных и что давала сама природа, он создал проекты верхнего и нижнего сада (парки в то время, и еще при Пушкине, назывались садами), которые до сих пор удивляют нас своей планировкой и неожиданными сюрпризами.

Верхний, идущий от дома, был в стиле любимого Петром I голландского барокко. Сад симметрично делился дорожками на “зеленые кабинеты”, с двух сторон обрамляемые густыми, высаженными стеной, липовыми аллеями, которые вели к большому пруду с островом посередине (остатки аллей и пруд сохранились). Нижний был разбит в стиле пейзажных садов с их открытыми видами и густыми рощами, с их особым почитанием уединенно растущих старых дуплистых деревьев, особенно дубов. Здесь среди молодых насаждений был сохранен многовековой дуб — при-

Суйда. Флигель на усадьбе А.П.Ганнибала.
Современная фотография.

мер распространенного в России культа старых деревьев. Свидетель смены веков и поколений, израненный, с большим сквозным отверстием в стволе, дуб этот до сих пор стоит как страж этих мест.

Перейдя в нижней части парка мостик через ручей, можно было попасть на широкую поляну, где в центре лежал камень-валун, занесенный сюда в ледниковый период. В этом валуне Ганнибал велел выдолбить сиденье, превратив его в огромное садовое кресло. Такая парковая мебель (в Европе были распространены кованые садовые кресла) в России называлась тронem, или сиделкой, и предназначалась для “уединенного наблюдения природы”.

Интересно, что в селе Петровском (Пушкинском заповеднике на Псковщине) в центральной, самой красивой, части парка одной из достопримечательностей также является большой камень, на котором, по преданию, будто бы любил сживать Абрам Петрович. Для него, может быть, каменные скамьи были не просто сиделками, на которых он отдыхал во время прогулок: поскольку Абрам Петрович родился в Африке, он, как и его далекие предки, мог считать эти огромные камни упавшими с неба — “священными”. В то же время это могло быть и данью местным традициям: ведь поклонение камням, идущее от глубокой древ-

Скамья А.П.Ганнибала в Суйде. 1950 г.

ности, наблюдалось и на севере Европы, у финнов, которых было много среди жителей Ингерманландии.

Садовое кресло сохранилось до наших дней. Сравнительно недавно его с помощью техники перенесли на другое место, ближе к началу парка; раньше для осмотра этой реликвии туристы должны были пересечь весь парк. Сейчас в нем уже многого нет, а по рассказам старожил, еще в конце XIX века в парке были грот и беседка, “канал, по которому ходили лодки”, “большая цветочная клумба за усадебным домом” и “солнечные часы”.

Восхищение Суйдой, как “пределом желаний”, выражено поэтом Василием Львовичем Пушкиным в стихотворении, написанном в 1796 году, в год женитьбы его брата Сергея Львовича. Оно так и называется: “Суйда”. Есть в нем такие строки:

*Души чувствительной отрада, утешенье,
Прелестна тишина, покой, уединенье,
Желаний всех моих единственный предмет!*

<...>

*Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал...*

ГДЕ ЖЕ РОДИНА ПРАДЕДА ПОЭТА?

Когда Абрам Петрович Ганнибал поселился в Суйде, он “начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое”. Об этом А.С.Пушкин прочитал в “Немецкой биографии” своего прадеда, сокращенный перевод которой он записал своею рукой. Этот источник был единственным, позволившим поэту представить, какова была прежняя и суйдинская жизнь Абрама Петровича, ведь авторских воспоминаний Ганнибала не сохранилось. Пушкин свидетельствует: “Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами”.

“Немецкая биография” А.П.Ганнибала составлена после его смерти (умер в 1781 г.) — она написана на бумаге с водяным знаком 1787 года Адамом Роткирхом, мужем младшей дочери Абрама Петровича, Софьи. Свадьба состоялась после кончины Ганнибала, но жених бывал в Суйде часто и рассказы о родословной отца своей невесты слышал и от самого Абрама Петровича, и позднее — от его сыновей. Из услышанного Роткирх составил биографию А.П.Ганнибала и написал ее мелким готическим почерком на своем родном языке, отчего она и получила название “Немецкой”.

А.С.Пушкин посвятил своему прадеду роман “Арап Петра Великого”, неоднократно упоминал о нем в стихотворениях и письмах. В автобиографических записках, которые писались, вероятно, осенью 1834 года, он суммировал все, что знал о Ганнибале, и свое отношение к нему.

“Дед ее был негр... — писал Пушкин о родословной матери. — Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчаками”.

Поэт считал прадеда негром и даже называл себя “потомком негров безобразных”. В некоторых автопортретах он нарочито придавал своему профилю негроидные черты. Но был ли А.П.Ганнибал негром? В XVII—XVIII веках и еще в пушкинское время неграми, арапами называли в России всех темнокожих людей.

В “Немецкой биографии” сказано, что Абрам Петрович Ганнибал “родом был африканский арап из Абиссинии...”. В ней слово “moir” можно перевести как “арап”, как “негр”

и как “мавр”. Но здесь же говорится об Абиссинии (нынешней Эфиопии) как о его родине.

В бумагах А.С.Пушкина сохранилась копия прошения на имя императрицы Елизаветы от 1742 года, в котором Абрам Петрович называет страну и город, где он родился: “Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города...”

Родина А.П.Ганнибала разыскивалась с конца XIX века. Вначале этим вопросом занимался известный антрополог Д.Н.Анучин. Результаты поисков он изложил в работе, посвященной Пушкину, накануне 100-летия со дня его рождения. В 1971 году эти поиски были продолжены писателем Н.П.Хохловым и изложены в его книге “Присяга просторам”.

Оба автора искали родину Ганнибала в современной Абиссинии. Результаты этих поисков — деревня Лого — теперь сочтены ошибочными. Это случилось после того, как в 1996 году вышла книга французского исследователя биографии А.П.Ганнибала — Дьёдонне Гнамманку. Он впервые обратился к картам Африки конца XVII века и нашел на них место, где родился Ганнибал, — город Лагон, названный А.П.Ганнибалом в официальном документе. Город с таким названием в ту пору во всей Африке был только один.

Гнамманку пишет, что:

Абиссинией тогда называлась не современная Эфиопия, а большая часть Африки от берегов Красного моря до Занзибара;

в современной Эфиопии нет и никогда не было города Лагон или Логон, а есть только деревушка Лого;

в Африке был большой город Логон (Лагон) в районе озера Чад, на реке Логон, который в XVII—XVIII веках был столицей княжества;

там были еще два крупных города, о которых упоминает Ганнибал, — Гульфеиль и Куссери;

оттуда часто угоняли детей и продавали на рынках северной Африки и Турции;

правитель княжества князь Бруха (по-турецки Ибрагим) был знаменитым фортификатором.

Автор делает вывод, что город Лагон находился в тогдашнем центральном Судане. В наше время это северная территория государства Камерун на берегу реки Лагон.

Гнамманку объясняет и обстоятельства увоза малолетнего княжеского сына из города Лагона в Константинополь и выражает надежду, что в главных архивах Истамбула, быть может, удастся найти со временем более точные сведения о пребывании сына лагонского князя в Константинополе.

Гнамманку считает, что отец Ганнибала был негром, но определить, кто была его мать, вряд ли возможно: следуя древней традиции, князь Бруха брал в свой большой гарем девушек из разных этнических групп, этим обеспечивая национальное единство всей страны. Автор подчеркивает, что Пушкин не ошибся, говоря о негритянском происхождении своего предка.

В связи с этим представляет интерес портрет арапчонка работы голландского художника конца XVII века, изобразившего юного Ганнибала. Портрет сохранился в собрании Всероссийского музея А.С.Пушкина, однако до сих пор он не привлекал к себе внимания. Подробнее об этом портрете будет рассказано ниже.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ, ИМЕНИ И ВОЗРАСТЕ А.П.ГАННИБАЛА

А.С.Пушкин называет Ганнибала “сыном владетельного князька”. О знатности рода Абрама Петровича в “Немецкой биографии” сказано более значительно: “Сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима”. Налицо стремление возвеличить род, что характерно для многих родословных, основанных на семейных преданиях.

“Немецкая биография” Абрама Петровича, главы рода Ганнибалов в России, составлялась в 1785 году, вскоре после появления закона о переписи русского дворянства. При переписи разграничивалось “дворянство потомственное и службой приобретенное”. Естественно, что прямые наследники Ганнибала, его сыновья Петр и Осип, стремились считаться потомственными дворянами и начали хлопотать о внесении их в почетную дворянскую книгу. Но при всей очевидности некоторых домыслов и склонности к преувеличениям в “Немецкой биографии” присутствуют следы живых рассказов самого “старого арапа”, запечатлевшиеся в памяти его близких. В период своей михайловской

ссылки Пушкин успел услышать повествование об Абраме Петровиче из уст Петра Абрамовича, его двоюродного деда. Видимо, с его слов Пушкин поместил рассказ о Ганнибале в примечании к первому изданию первой главы “Евгения Онегина”: “До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань, пльвшую издали за кораблем, на котором он удалялся”. Основываясь на семейных преданиях, Пушкин здесь же пишет о старшем брате Абрама Петровича: “Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника”.

В “Немецкой биографии” есть сведения, что этот приезжий княжеский сын после полученного отказа, “одарив младшего брата... арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал на родину”.

Если верить этой информации, упомянутый старший брат А.П. Ганнибала был не из числа тех арапчат, что были присланы Петру I русским посланником в Константинополь.

И все-таки был у Абрама Петровича в России старший брат, также крещенный Петром I и получивший имя Алексея Петровича. Об этом рассказали найденные в архивах документы, благодаря которым стало возможным более точно определить дату рождения Абрама Петровича. Но о них будет рассказано чуть позже.

А.С. Пушкин называет две даты рождения прадеда — в примечании к “Евгению Онегину”: “...на 92 году от рождения”, а в “Начале автобиографии”: “При Петре III вышел он в отставку и умер философом... в 1781 году, на 93 году своей жизни”. В “Немецкой биографии” сказано: “на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь”, а “привезен в Москву... моложе десяти лет”. Сам же Ганнибал свидетельствовал, что служит он “с 705 года”, хотя при этом возраста своего не указывал.

Вопреки этим данным долгое время было принято считать, что Ганнибал родился в 1696 или 1697 году, а в Россию приехал в 1704—1705 годах.

Однако в документах петровского времени арап Абрам

(или Аврам) Петров упоминается уже с 1698 года вплоть до 1717-го. Так, в дворцовой расходной книге, в приказе № 618 за 1699 год сказано: "...портному мастеру Якову Иванову дано на приклад к пяти венгерским суконным верхним кафтанам 1 руб. 7 алт., всего за товары и на приклад 1 рубль 29 алт. 3 д., а те кафтаны иноземцам Василью Шипилову, Авраму Петрову, Антону Мануйлову, Францу Вельмиду, Алею Афонасьеву; купил товары Мастерские полаты сторож Петрушка Аверкиев". В 1700 году в приказе № 658 читаем: "...арапу Авраму в прибавку к прежней даче к пяти рублем на рубахи да на сапоги и на чулки дано два рубли..."

Имя Аврам Петров прадед Пушкина носил довольно долго, со дня крещения и до начала 1830-х годов, пока его прозвище Ганнибал не стало официальной фамилией.

Пушкин говорит, что фамилию Ганнибал своему крестнику дал сам Петр. Однако Аврам Петрович никогда при жизни Петра I и Екатерины I эту фамилию не употреблял.

В 1873 году М.Д.Хмыров в "Исторических статьях" привел запись из иркутского архива, относящуюся к 1727 году: "В декабре месяце прибыл из Тобольска лейб-гвардии, бомбардирной роты, поручик Аврам Петров, Араб Ганнибал, для строения селенгинской крепости".

Запись эта любопытна тем, что в ней впервые встречается будущая фамилия Аврама Петровича — Ганнибал.

Можно предположить, что Пушкин был прав: знаток мировой истории, Петр I мог шутя наречь Аврама Ганнибалом и за его способности к учению, и за сходство характера с великим карфагенским полководцем. Известно, что Аннибал (Hannibal — финик. — означает "милость богов") соединял в себе обдуманность с горячностью, предусмотрительность с энергией и настойчивостью в преследовании намеченной цели.

Так же считал и историк Д.Н.Бантыш-Каменский. Он писал, что Петр его "наименовал *Ганнибалом*, в воспоминание славного Полководца Карфагенского. Полюбив крестника за расторопность, природный ум и чрезвычайную чуткость, государь сделал его камердинером..." Один из первых биографов Аврама Петровича — Гельбиг в 1809 году писал: "Молодой мавр имел светлую голову и выказал большие способности в изучении фортификационных наук". Гельбиг отмечал еще, что он был "чрезвычайно прилежен".

Если принять за истину год рождения Абрама Петровича — 1697-й, то эти свидетельства Гельбига о невероятных успехах 12-летнего мальчика покажутся весьма сомнительными. Если же прислушаться к мнению А.С.Пушкина, считавшего датой рождения своего прадеда 1688 год, то давние события обретают реальную почву.

Подтверждением правоты А.С.Пушкина в определении даты рождения Абрама Ганнибала стал документ, обнаруженный в 1969 году в Московском Центральном государственном архиве древних актов заместителем директора В.Козловым. О своей находке он рассказал в статье “Когда родился прадед Пушкина Ганнибал?”.

Найденный документ относится к 1716 году. Называется он так: “Дело об ограблении неизвестными людьми арапа Алексея Петровича, брата Абрама Петровича Ганнибала...”

В связи с необыкновенно интересным содержанием этого “Дела...” приведем его полностью. Ведь он пролил свет и на биографию старшего брата Абрама Петровича, Алексея, о котором ранее не было сведений, и позволил уточнить дату рождения прадеда поэта, и одновременно явился дополнительной иллюстрацией дорожного быта России начала XVIII столетия.

“1716 года марта в 9 день в Канцелярии Сената араплин Алексей Петров допрашиван. А в допросе сказал: крещен де он в православную христианскую веру на Москве в Преображенском тому лет с двадцать, а восприемником был царское величество. И служит в Преображенском полку в гобоистах лет с восемь. И в нынешнем 1716 году в январе месяце по указу великого государя, а по прошению брата ево Алексеева государева камардина Аврама Петрова отпущен он был в Пустозерский острог на четыре месяца для свидания с женою своею для того, что женат он из дому князя Василия Голицина¹ на послуживице на девке Авдотье. А женился он на Пенежском волоку в то время, когда к городу был его царского величества второй приход. И жила она Авдотья в Пустозерском остроге при сыне князя Василия Голицина при князе Петре. А для проезду до Пустозерского острога дано ему было пропускное письмо за рукою

¹ Князь Василий Васильевич Голицын после падения царевны Софьи в 1689 году был сослан в Пустозерский острог.

секретаря Алексея Макарова ¹ и подорожная была ему дана на две подводы за печатью и прогонные деньги дал ему он же Алексей Макаров. И как он ехал в Пустозерский острог в Олонецком уезде в Вытегорской волости напали на него воровские люди и платье с него кафтан и камзол и штаны сняли. А отпуск и подорожная у него были в том кафтане. И ево били смертным боем. И о том у него Алексея в Олонецком уезде на государевых заводах имеется словесное челобитье. И по дороге на почтовых станах все явки записаны. И с тех заводов по прошению ево Алексея горожанин, который ехал из Санкт-Петербурха, Мартын Галкин взял ево Алексея и кормил своим хлебом до Каргополя. А от Каргополя до города Архангельска ехал он Алексей один на наемной подводе. А на наем подводы дал ему Каргопольский комендант Петр Львович Касаткин два рубли. И приехав он к городу Архангельску не быв нигде на постоянных дворах явился к вице-губернатору Петру Ефимьевичу Лодыженскому того ж числа и был у него два дни, а на третий послал он вице-губернатор ево Алексея с салдатом Ульяном Скорняковым в Санкт-Петербурх и велел ево объявить в Канцелярии Сената. А кроме вышеписанных городов в иных городах он Алексей нигде не был”. Приписка: “1716 года марта в 12 день по Указу Великого государя Правительствующий Сенат приказали: Арапа Алексея Петрова отослать на государев двор и отдать его Василию Мошкову ² с роспискою”. “По сему указу в дом царского величества вышеписанного арапа Алексея Петрова Василей Мошков принял и росписался”.

В результате дополнительных розысков в этом же архиве, в фонде Правительствующего Сената, автором этой книги было обнаружено еще одно “Дело”, имеющее отношение к Алексею Петровичу Ганнибалу, а именно — “Доношение” Сенату архангельского губернатора. В нем повторяются сведения, содержащиеся в первом документе.

В найденных документах для нас прежде всего важны даты: 1716 год, которым помечено “Дело...”, и указанный в обоих источниках год второго приезда Петра I в Архангельск; мы знаем, что это произошло в 1702 году. Если в

¹ Алексей Васильевич Макаров (1675—1750) — тайный кабинет-секретарь Петра I.

² Василий Иванович Мошков — дворцовый управитель Петра I.

1702 году 20-летний Алексей женился, значит, родился он примерно в 1682 году; если в 1716 году он говорит, что Петр I крестил его лет двадцать назад, значит, это событие произошло в 1696 году; поскольку Абрам Петрович привезен был в Россию около 8 лет от роду, значит, датой его рождения следует считать примерно 1688 год. Все эти данные не противоречат приведенным в “Немецкой биографии” Ганнибала и исчислениям, выполненным Пушкиным, пушкинистом Д.Д.Благим и В. Козловым.

Ценными для нас являются и сведения об Алексее Петровиче, о котором умалчивает “Немецкая биография”. Старший брат Абрама был рядовым музыкантом-гобоистом в Преображенском полку. О его судьбе после 1716 года ничего неизвестно. Возможно, после перенесенных побоев и тяжелых испытаний, выпавших на его долю при попытке навесить свою жену Авдотью, он вскоре умер. Роткирх мог ничего не знать об Алексее Петровиче, а мог и сознательно не упоминать о нем. Правда, он пишет, что вместе с Ибрагимом (Абрамом) из Константинополя отправили “еще одного черного мальчика <знатного происхождения, его соотечественника (который в пути скончался от оспы)>...”. Возможно, что под видом этого умершего ребенка выведен брат Абрама Петровича, о печальной судьбе которого лучше было не рассказывать. Это могло помешать возвеличению рода Ганнибалов, ради чего и сочинялась биография Абрама Петровича.

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

“Немецкая биография” начинается словами: “Авраам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы...”

Путь к этому был долгим и трудным. Поначалу темнокожий мальчик был определен в Преображенский полк барабанщиком, но уже через короткое время Петр I взял его к себе в денщики. Когда царь в 1716 году отправился во второе заграничное путешествие, вместе с ним поехал и Абрам Петрович. В качестве личного камердинера, секретаря и библиотекаря он путешествовал в одной повозке с Петром (здесь он имел специальное место — седло против денщиков).

В любопытных документах по расходу “кабинетных денег” Петра во время этой поездки Абрам Петрович упомянут много раз.

В Париже Петр расстался со своим “Абрамом-арапом”, оставя его здесь для обучения военным наукам. Но прежде царь позаботился о своем темнокожем крестнике, составив ему самую высокую протекцию: как писал позднее Ганнибал, “того ради сей монарх, великий Отец Отечеству, изустно, меня рекомендовать изволил Дюку Дю Мену, принцу Домеру”. Абрам Петрович не только смог учиться у мастеров, как он выражался (одним из них был замечательный математик, фортификатор и гидротехник Бернар Белидор), но и прошел военную службу во Франции, учась артиллерийскому и фортификационному делу на практике.

А.П.Ганнибал пробыл во Франции более пяти лет, не потратив времени даром. Позднее он писал: “...я имел честь быть в службе от 1717 году, и [дослужился до капитанского рангу, на которые ранги] имею патенты за рукою его королевского величества Людвига 15 от начала моей службы”.

Чин капитана французской армии проложил ему дальнейший путь в его служебной карьере по возвращении в Россию в 1723 году. Благоприятствовало Ганнибалу и то, что с 1722 года Петром I была введена “Табель о рангах”. Отныне не только чин, но даже и дворянство ему, арапу, можно было выслужить.

Указ Петра от 4 февраля 1724 года гласил: “Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определить его поручиком в бомбардирскую роту к инженерам...” После этого Абрам Петрович был направлен на большие инженерные работы в Кронштадт; тогда же ему поручается обучение молодых инженеров математическим наукам.

Проживший несколько лет во Франции, Ганнибал считался в России знатоком не только точных наук, но и французского языка. Петр I, поручая Конону Зотову перевод книг с французского языка на русский, советовал: если что непонятно, “согласиться с Абрамом Петровым”.

Ганнибал и сам успешно занимался литературной работой. В 1726 году он составил обширный труд “Геометрия и фортификация” и преподнес его Екатерине I (ныне хранится в Рукописном отделе Российской Академии наук). В двух

томах Абрам Петрович изложил свои знания, приобретенные во Франции за время военной службы и обучения в специальной школе для инженеров при крепости Ла Фер. В конце посвящения, написанного как предисловие к книге, Абрам Петрович писал: “Того ради сия книга Фортификация и геометрия практика переведена с французского на российский, выбрана из книг славных разных авторов и ученых инженеров, в которой находятся все части геометрии и фортификации, какова есть при сем, с показанием практики со всеми циркульными примерами [приемами] и с некоторою частию вымеривания партикулярного действующего к строению фортификаций и с их пропорциею”. В заключение Ганнибал выражал надежду, что государыня Екатерина усмотрит “сию книгу, колико потребна быть может молодым людям, желающим учения, но и совершенным инженерам”.

Есть сведения, что Ганнибал по возвращении в Россию также “вступил в исполнение своих прежних обязанностей при государе, получив в свое заведывание весь кабинет царя, в котором находились чертежи, проекты разных сооружений и библиотека”.

Об этом говорит собственноручное письмо Екатерины II от 2 сентября 1765 года к Ганнибалу, уже находившемуся в отставке и жившему в Суйде. Из него мы узнаем, что императрица не только знала, что он прежде заведовал кабинетом Петра, но и предполагала даже, что в его личном архиве могли сохраниться важные документы петровского времени. Обращаясь к Ганнибалу, Екатерина II писала: “Абрам Петрович. Мне не безъизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились в то время, когда блаженная памяти Государь Петр Великий, по способности вашей, употреблял вас по многим делам; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги”.

Императрица просила Абрама Петровича разыскать в своих бумагах проект “канала от Москвы до Петербурга”, о котором “помышлял” Петр, или указать ей, “где оный отыскать можно”.

“После смерти Петра Великого судьба его переменилась, — писал Пушкин. — Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от

двора. Ганибал был переименован в майоры Тобольского гарнизона и послан в Сибирь...”

Через несколько лет у Ганнибала появилась возможность вновь применить свои знания и способности. Его высоко ценил как специалиста и покровительствовал ему Б.Х.Миних, имевший большое влияние при дворе в эпоху императриц Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны. Он помог Ганнибалу выбраться из Сибири и определиться на службу в прибалтийской крепости Пернове. В 1741 году из инженер-капитанов Ганнибал был произведен в артиллерии подполковники. Но наибольший успех ждал его в царствование дочери Петра — Елизаветы Петровны. Вскоре после ее вцарения, уже в начале 1742 года, Ганнибал получил чин генерал-майора (в этот чин его перевели через ранг из подполковников). Тогда же он был назначен ревельским обер-комендантом и эту должность занимал до начала 1750-х годов. Одновременно Елизавета пожаловала ему в Прибалтике мызу Рахола. Затем Ганнибал продолжил службу в Петербурге в Инженерном корпусе, став одним из видных его деятелей: с 4 июня 1756 года он именовался “генерал-инженер”, а с 23 октября 1759 года получил еще более высокий чин — генерал-аншефа — и должность “главного директора Ладожского канала и кронштадтских и рогервикских строений”. Имея уже к этому времени орден Св. Анны, он с августа 1760 года становится кавалером ордена Св. Александра Невского.

Ганнибал намеревался еще долго служить и дослужиться до более высоких наград, но при Петре III вынужден был уйти в отставку.

“ЧЕЛОБИТНАЯ” ГЕНЕРАЛА ГАННИБАЛА О ДВОРЯНСТВЕ И ГЕРБЕ

Служба, согласно введенной Петром I “Табели о рангах” (“патенты”, получаемые на высокие чины), сама по себе теперь давала право на дворянство, хотя, как уже было выше сказано, дворянство личное, выслуженное и родовое различались. После того как А.П.Ганнибал стал генерал-майором, он пожелал окончательно укрепить положение своего рода и обратился к императрице Елизавете с прошением от 13 января 1742 года. В нем Ганнибал впервые изложил некоторые факты своей биографии и впервые заявил о благо-

родном происхождении своей фамилии, после чего сформулировал цель своего прошения: "...в нынешнем 1742 году по Всемилостивейшему Вашего Императорского Величества Указу, за верные мои и беспорочные службы, пожалован в Генерал-майоры от Армии и в Ревель Обер-Комендантом и деревнями Всемилостивейше награжден, а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет".

Ганнибал далее просил: "И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было, дворянство мое ... подтвердить и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорского <Величества> милости, Гербом меня пожаловать".

Увы, Указа на подтверждение дворянства и пожалование герба не последовало. Но ценившая Ганнибала императрица несколько по-иному решила этот вопрос. В том же 1742 году "Именным Указом" она пожаловала Ганнибалу "в вечное владение" в Псковской губернии Михайловскую губу, а спустя четыре года, в 1746 году, закрепила ее за ним "Жалованной грамотой" с собственноручной подписью.

"Челобитная" Абрама Петровича пролежала в Сенате до 1781 года. В 1768 году по поводу нее была сделана помета, что дело отложено до сочинения нового Генерального уложения о дворянстве, а в 1781 году отмечено, что "проситель Ганибал с 1742 года хождения по делу не имеет... для чего сие дело и отдать в Архив".

А "Жалованная грамота" Елизаветы позднее помогла потомкам Ганнибала стать "родовитыми" дворянами. Право так называться было признано за ними согласно новому Генеральному уложению через сто лет после получения жалованных земель их родоначальником А.П.Ганнибалом.

Хотя Елизавета и не пожаловала герб А.П.Ганнибалу, он с 1742 года (со времени подачи прошения) стал пользоваться неутвержденным гербом. И до него некоторые неродовитые дворяне, не имевшие узаконенного фамильного герба, использовали доморощенные гербы-эмблемы. Но герб Ганнибала не только олицетворял принадлежность рода к дворянству, но и указывал на его княжеское происхождение. Сохранился акварельный рисунок герба. На нем мы видим слона, несущего на подушке княжескую корону. Слон намекал на африканское происхождение родоначаль-

ника семьи, а корона — на то, что далекие предки были князьями. Этот фамильный герб был выбит и на личной печати Абрама Петровича, а позднее на печатях его сыновей.

До конца дней Ганнибал стремился упрочить положение рода и расширить свои владения, мечтая не только о княжеском положении, но и о “княжеском состоянии”. Его немецкий биограф ошибается, говоря, что княжеское состояние могло бы быть обретено Ганнибалом, “если бы он отличался меньшей скромностью и умеренностью. <...> Однако он ни разу не воспользовался в свою выгоду представлявшимися случаями и не просил ничего для себя или своих...” На деле кроме имений, полученных в дар от Елизаветы, и тех, которые “прикупил он еще... на собственные благоприобретенные средства”, Ганнибал стремился получить более обширные и поистине княжеские владения.

По восшествии на престол Екатерины II он подал ей в июле 1762 года прошение. Ссылаясь на то, что он “службу продолжал 57 лет беспорочно”, а “от службы отстранен без награждения”, Абрам Петрович просил: “И за ту мою долготлетнюю беспорочную и усердную службу... прошу... пожаловать меня для пропитания з бедною моею фамилиею всеподданнейшего раба вашего в Ингерманландии в Копорском уезде из принадлежащих к Рождественской дворцовой мызы дач с деревнями, называемыми Старое Сиверко, Новое Сиверко, Болшево, Межно, Выра, Рыбица; в них мужеска пола по последней ревизии пять сот семь душ, с принадлежащими до оным деревнями, пустошью Куровицкою и протчим землям, санным покосам и с лесными угодьями... в вечное и потомственное владение”.

Ганнибал просил Екатерину выделить ему поместье из “удельных” дворцовых владений. Такое большое поместье, как он считал, вознаградило бы его за долговременную и верную службу и, наконец, действительно могло бы соответствовать княжескому достоинству его рода.

Но просьба Ганнибала не была удовлетворена Екатериной II. На свою челобитную он так и не получил ответа. На прошении есть помета неустановленного лица: “Резолюции не последовало”.

ЖИЗНЬ СЕМЬИ ГАННИБАЛА В СУЙДИНСКОМ ПОМЕСТЬЕ

А.П.Ганнибал был женат дважды. В Петербурге в январе 1731 года он женился на гречанке Евдокии Диопер — младшей дочери капитана Андрея Диопера. По поводу этого брака Пушкин писал: “В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин”. Вскоре после того как Евдокия, по словам Пушкина, “родила ему белую дочь”, Ганнибал с нею развелся. Задолго до окончания бракоразводного дела (а тянулось оно 21 год), в 1736 году, Абрам Петрович сочетался вторым браком с ревельской уроженкой — Христиной-Региной фон Шеберг, дочерью шведа, капитана Матвея фон Шеберга и лифляндской дворянки, урожденной фон Альбедил. Но, поскольку жених и невеста принадлежали к разным исповеданиям, их брак должны были узаконить и лютеранская, и православная церкви. У лютеран развод и вторичное вступление в брак свободно допускались, венчание по лютеранскому обряду было совершено, а вот обвенчаться в русской церкви долго не удавалось, поскольку у жениха не было необходимого документа — “венечной памяти”, доказательства его свободы. Пока нашли священника, согласившегося венчать (обряд был совершен в Ревеле по чужой “венечной памяти”), у них уже родился сын Иван.

А потом Христина Матвеевна родила еще десять детей, из которых четверо умерли в раннем возрасте. Остались четыре сына — кроме Ивана еще Петр, Осип и Исаак — и три дочери — Анна, Елизавета и Софья.

Была у Абрама Петровича и дочь от первой жены — Евдокия (Пушкин называет ее Поликсеной, автор “Немецкой биографии” — Авдотьей), которая родилась в 1731 году в Пернове. Г.А.Леец в своей книге “Абрам Петрович Ганнибал” пишет: “В перновском обществе, как и среди офицеров гарнизона, рождение у царского эфиопа белой дочери явилось сенсацией для Ганнибала весьма неприятной”. Следствием этой неприятной сенсации стал развод, принудительное пострижение Евдокии Ганнибал в монастырь, но дочь ее пришлось Ганнибалу оставить у себя. Как пишет Пушкин, он “дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза”. Судьба девушки сложилась печально: в “Немецкой биографии”

А.П.Ганнибала сообщается, что она “умерла помолвленной невестой, в расцвете лет”.

Факт, что в семье Ганнибала воспитывалась “белая дочь”, подтвердила найденная в Центральном государственном историческом архиве “Исповедная роспись Воскресенской церкви пригорода Воронич” за 1746 год. Документ относится ко времени, когда семья Ганнибала находилась в недавно пожалованном ему псковском имении. В росписи перечислены все бывшие у причастия члены семьи Ганнибала с указанием их возраста, кроме Христины Матвеевны (лютеранка, она не посещала православную церковь), старшего сына Ивана, который уже обучался в Петербургском морском шляхетном корпусе, и самого Абрама Петровича, находившегося в это время на месте службы в Прибалтике: “военные села Петровского господина генерал-майора Абрама Петровича Ганнибала дети: Евдокия — 15, Анна — 9, Елисавета — 8, Петр — 6, Януарий — 1 года 9 месяцев”.

Сохранилось очень мало сведений о семье Ганнибалов, ее интеллектуальных интересах, образе жизни, круге общения. Поэтому каждая находка, имеющая отношение к истории рода А.С.Пушкина, воистину бесценна.

В 1981 году Е.А. Прянишниковым было обнаружено в коллекции редких книг и рукописей Московского университета письмо пастора евангелическо-лютеранской церкви и общины в Петербурге Гиллариуса Гертмана Геннинга, духовника Христины Ганнибал. Письмо, написанное на немецком языке, адресовано в Галльский университет, предположительно профессору теологии Якову Баумгартену, оно датировано 21 февраля 1750 года. Значит, в это время семья Абрама Петровича проживала уже в Петербурге, где Ганнибал служил управляющим инженерной частью, хотя официально из Ревеля в столицу он был переведен только в 1752 году.

Содержание письма свидетельствует о том, что его автор хорошо знал семью Ганнибалов лично. Он, в частности, писал: “...имею честь сообщить, что здесь у одного известного знатного господина, а именно у его Превосходительства г-на генерал-майора де Ганнибала, супруга которого принадлежит к моей общине и у меня исповедуется и причащается, открылась служба, для которой требуется порядочный студент, особенно искусный во французском языке. Собственно этот господин является африканцем и урожденным не-

гром, но обладает впрочем способностью к тем наукам, которые относятся к его форуму. И потому что он сам принадлежит к греческой церкви, то по законам здешней страны также дети все без исключения исповедуют русскую религию. Но супруга — евангелическо-лютеранскую. Вот оба меня просили выписать такого студента, который, прежде всего, мог гарантировать, что покажет свои знания французского... было бы мне, а также господам, конечно, очень приятно, если бы был найден честный студент теологии, который был бы расположен к этому и захотел бы принять такое приглашение. Но поскольку такие редки и г-н генерал был бы удовлетворен, если бы он только являлся хорошим французом и при этом обладал бы хорошим кондуитом... то было бы ему все равно, будет ли он теологом, юристом или медиком. ...Студенты, которые изучают языки и другие науки, иногда имеют желание посмотреть другие страны... <...> А поскольку г-н генерал был во Франции и, значит, является любителем французского языка, а также имеет хорошую библиотеку, то мог бы тот, кто хочет совершенствоваться во французском языке, доставить себе удовольствие частыми разговорами и от такого искусного француза, каким является г-н генерал... Госпожа генеральша, впрочем, очень утонченная дама с хорошим характером и находится сейчас в самом расцвете сил”.

То, что Ганнибалы хотели иметь домашнего учителя с университетским образованием, говорит о высоком культурном уровне семьи. В письме упоминается библиотека Ганнибала. Пастор называет ее “хорошей”; он, вероятно, видел ее, возможно, пользовался книгами Ганнибалов и мог судить о достоинствах библиотеки. В основе ее были книги, изданные в XVII — первой половине XVIII века, вывезенные Абрамом Петровичем из Франции. Во время ссылки Ганнибала в Сибирь около 300 томов его библиотеки попали в Академию наук. В 1742 году он потребовал ее возвращения, и просьба его была выполнена. Благодаря составленному при этом реестру, опубликованному его правнучкой Анной Семеновной Ганнибал в 1913 году, известен состав библиотеки Абрама Петровича.

Эта частная библиотека начала XVIII века удивляет подбором книг и широтой интересов. Кроме трудов по математике, фортификации, военной архитектуре и геометрии здесь есть книги из области политики, философии, рели-

гии, языкознания; жанры тоже разнообразны — есть путешествия, мемуары, художественные произведения, публицистика. Вот некоторые названия книг (в переводе):

Озанам. Математические досуги. В двух томах.

Брантом. Мемуары знаменитых людей. В девяти томах.

Английская галантность.

Сочинения Сирано де Бержерака. В двух томах.

Сочинения Расина. В двух томах.

Метаморфозы Овидия. В двух томах.

Театр П. Корнеля. В пяти томах.

Боссуэ. Всеобщая история. В двух томах.

Можно предположить, что А.П. Ганнибал любил читать книги и собирал их. Сохранилась одна из книг с его “владельческой” надписью, относящейся к 1711 году. К середине XVIII века библиотека, вероятно, выросла; кроме возвращенных из Академии наук здесь были немецкие и русские книги.

О том, что библиотека пополнялась и позднее, свидетельствует наличие в ней, например, изданной в 1768 году в Петербурге книги “Судебник царя и Великого князя Ивана Васильевича. Законы из Юстиниановых книг. Указы. Дополнения к Судебнику и Таможенный устав царя и Великого князя Ивана Васильевича”. (Этот раритет хранился у одного из потомков А.П. Ганнибала и был приобретен в 1987 году для суйдинского музея.)

Некоторые из книг библиотеки составляли круг чтения не только А.П. Ганнибала, но и Христины Матвеевны. По словам современника, она, немка и дочь капитана, вышла из среды, в которой просвещение ценилось достаточно высоко и пользовалось общим признанием. Христина Матвеевна владела не только родным немецким языком, но, можно думать, и французским. Хуже всего она, выросшая в Прибалтике, знала русский язык и говорила на нем с немецким акцентом. Известно по словам Пушкина, что мужа своего, “негра”, с которым ее связывало, видимо, большое взаимное чувство, Христина Матвеевна ласково называла “шорн шорт”, пеняя ему за “шорни репят” и трудные для ее немецкого произношения имена детей. В результате, как известно, первоначальное имя дедушки поэта Януарий было заменено на Осипа.

Когда Ганнибалы поселились в Суйде после отставки Абрама Петровича, все сыновья его находились на службе,

лишь временами наезжая в поместье. Старшие дочери уже были выданы замуж, с родителями жила младшая дочь Софья, родившаяся в год приобретения Суйды. Об этом свидетельствует сохранившаяся до наших дней исповедная роспись суйдинской Воскресенской церкви за 1773—1774 годы. Кроме господ в ней указаны и дворовые люди Ганнибалов: 39 мужчин и 25 женщин.

Словно дорисовывает портреты Абрама Петровича и некоторых членов его семейства письмо А.П.Ганнибала, посланное им из Суйды в последние месяцы жизни.

Письмо написано на двойном листе плотной писчей бумаги без водяных знаков. Бумага обветшала и выцвела, края в обрывах, в центре листа, на месте утраченной печати, остатки красного сургуча. Почерк тождествен сохранившимся, более ранним, письмам А.П.Ганнибала. Но он менее разборчив, с большим числом грамматических ошибок. Видимо, Абрам Петрович, “искусный француз”, русскую грамоту знал хуже. Как и в более ранних письмах и документах, он писал свою фамилию с одним “н” — Ганибал.

Письмо обращено к единственному из дедов Пушкина, которого поэт знал лично, — Петру Абрамовичу. Крестной матерью П.А.Ганнибала (1742—1826)¹ была заочно сама Елизавета, а имя он получил в память царя Петра. “Служа по артиллерии”, как и все его братья, он имел чин полковника. Ко времени получения письма Петр Абрамович был уже женат (с 1777 года) на дочери коллежского советника Ольге Григорьевне фон Данненштерн. Брак его, как и брата Осипа, оказался неудачным (через девять лет супруги расстались), он жил с семьей врозь, выплачивая жене и детям содержание.

В письме к сыну Абрам Петрович, хоть и стар уже, но хлопочет о постройке в Петербурге каменного дома, желая оставить наследникам после себя дом в столице, который бы соответствовал знатности рода Ганнибалов. У Абрама Петровича был прежде дом на 1-й линии Васильевского острова, но в 1757 году он его продал Г.Г.Геннингу, уже знакомому нам пастору, духовнику Христины Матвеевны.

¹ Дата смерти П.А.Ганнибала (6 июня 1826 года) и место, где он был похоронен (село Сафонтьево Опочецкого уезда), установлены в 1977 году научным сотрудником Государственного Пушкинского заповедника Псковской области Г.Ф.Симакиной. (См.: Пушкинский край, 1977, 20 авг.)

Новый дом возводился в Литейной части, в 4-м квартале, на Сергиевской улице, под № 537 (ныне дом № 29, сохранился в перестроенном виде). О нем и пишет Абрам Петрович¹:

“Сын мой Петр Абрамович

Посланное от тебя счет столярной работы в каменных покоях я видел. Весьма безмерная цена и мне несносная. При сем посылаю табель почему оне подрядчики требуют. А почему давать на поле от меня написано в той же табели, а когда по моей цене показанной не возьмут то и нужды до их нет и наши столяры по возможности могут исправлять хотя и не скоро и невдруг.

А тебе рекомендую сколько потребно подрядить купить сухия доски сколько потребно для полов панели ставни и прочее.

Брат твой купил мне белей мех которой зимой не греит а летом неспреит, того ради, приторгуй белей мех сибирской по средней цене и ко мне отписать, что требуют за такой мех.

А Евстрату без моего письма денег ни на что.

Ваш добродетельный отец

А. Ганибал

Ежели можешь достать голанских сельдей настоящих и постарайся как можно

Ноября 10 дня

1780 года

P.S. Письмо мое твоему брату Ивану продержал у себя более двух месяцев и не уповаю чтоб оно было послано”.

На обороте:

“сыну моему Петру Аврамовичу

Ганибалу

В Санкт Петербург”.

Как опытный инженер и бережливый хозяин, Абрам Петрович находит цену на столярные работы в счете, присланном ему Петром Абрамовичем, “безмерной” и “несносной”.

Далее он сетует на неудачную покупку для него беличьего меха его младшим сыном Исааком. Известно, что Исаак Абрамович, “флота артиллерии капитан 3-го ранга”, от-

¹ Письмо находилось в архиве потомков Ганибала — семье Коротовых; ныне передано в отдел рукописей и документов Всероссийского музея А.С.Пушкина.

личался простодушием и доверчивостью, чертами характера, послужившими причиной его многих несчастий.

Из всех сыновей А.П.Ганнибала самым большим уважением и авторитетом в семье пользовался старший — Иван, но он был далеко, поэтому отец более всего мог рассчитывать на Петра. Ему он поручал делать в Петербурге покупки (просил купить голландскую сельдь) и распоряжаться какими-то денежными средствами. Однако и тут бережливый отец предостерегал сына: “А Евстрату без моего письма денег ни на что”. По всей видимости, он имел в виду своего управляющего или приказчика, в это время посланного в Петербург.

Во второй приписке Абрам Петрович сетует на то, что более двух месяцев не может отправить письмо Ивану, который в то время находился в Херсоне. Отправить туда письмо было делом сложным и дорого стоившим, поэтому отец не хотел воспользоваться почтой, а ждал верной оказии.

Иван Абрамович был гордостью отца. Он служил в морской артиллерии и, по словам Пушкина, “был столь же достоин замечания, как и его отец”. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов он стал героем Чесменской битвы, в 1770 году взял крепость Наварин и затем в сказочно быстрый срок выстроил город Херсон. В стихотворении “Моя родословная” поэт, говоря об Абраме Петровиче, вспоминал и его старшего сына:

*И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.*

Имя И.А.Ганнибала было высечено на памятнике воинской славы — Морейской колонне, установленной в Екатерининском парке. В стихотворении 1829 года “Воспоминания в Царском Селе” А.С.Пушкин упоминает своего двоюродного деда:

*...герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.*

А в “Начале автобиографии” поэт с гордостью пишет: “Его постановления доныне уважаются в полуденном краю

России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память”.

Об Иване Абрамовиче поэт еще ребенком слышал от бабушки и няни, от матери и отца. Он собирал документы и рассказы современников, намереваясь написать об этом выдающемся человеке; в одной из программ А.С.Пушкин целую главу или раздел обозначил: “Иван Абрамович”.

И.А.Ганнибал, по словам поэта, “уважаемый всеми замечательными людьми славного века”, был умен, образован и наделен чертами истинного благородства. В этом он выгодно отличался от братьев. Не случайно Иван Абрамович принял участие в судьбе Марии Алексеевны и ее дочери Надежды, покинутых братом его Осипом. Видимо, наглядевшись на неудачную семейную жизнь братьев, Иван Абрамович остался холостым. Он умер в Петербурге 12 октября 1801 года и погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Его надгробие (оно хорошо сохранилось) украшено горельефом, высеченным по мотивам герба Ганнибалов, и следующей эпитафией:

*Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил.
Стенящие о нем, родня его и ближни,
Сей памятник ему с усердием воздвигли.*

ИЗОБРАЖЕНИЯ А.П.ГАННИБАЛА — ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

Единственный в России темнокожий генерал с необычной биографией, крестник самого Петра I, без сомнения, привлекал внимание художников, писавших заказные портреты известных государственных деятелей. До наших дней дошло несколько изображений Абрама Петровича, но ни одно из них, к сожалению, на сто процентов нельзя признать подлинным. Какой бы портрет мы ни рассматривали, к каждому его описанию вынуждены добавить слова: вероятно, видимо, может быть...

Вот перед нами живописный портрет темнокожего мальчика лет восьми-девяти. Он поступил в 1925 году в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР с указанием, что на полотне изображен Абрам Петрович Ганнибал, прадед А.С.Пушкина. Позднее этот портрет поступил

в собрание Всесоюзного (ныне Всероссийского) музея А.С.Пушкина. Проведенная в Государственном Эрмитаже экспертиза показала, что полотно относится к концу XVII века и принадлежит кисти художника голландской школы. Вполне можно предположить, что это детский портрет Абрама Ганнибала, написанный по желанию Петра I одним из голландских художников.

В свое время пристальное внимание пушкинистов привлек так называемый французский портрет А.П.Ганнибала, обнаруженный в 1962 году во Франции Андре Менье, ученым, популяризатором творчества А.С.Пушкина. Живописное полотно (размером 156×112 см) в настоящее время находится в собрании парижского коллекционера Бернарда Мея; цветная фотография этого портрета прислана в Суйду из Парижа в 1978 году правнучкой А.П.Брюллова — Евгенией Павловной Мининой. По поводу этого портрета В.М.Глинка писал: “Вполне возможно, что некий французский живописец мог заинтересоваться уроженцем экзотических стран... и написать его портрет... <...> ...Возможно, что Ганнибал сохранил элементы того парадного костюма, в котором сопутствовал Петру в 1717 году на дворцовых приемах в Париже, дополнив их кирасой, свидетельством своей военной профессии, и плащом на меху”. Создание портрета можно отнести к периоду пребывания Петра в Париже с 26 апреля по 9 июля 1717 года, либо к более позднему времени, но до 1723 года.

Царский воспитанник, рекомендованный самим Петром, оставленный им для обучения и прохождения военной службы во Франции, не мог не вызвать внимания французского общества и своего рода сенсации. Пушкин писал в “Арапе Петра Великого”: “Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя le Nègre du czar и ловили его наперехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера... <...> Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами... <...> Ему было 27 лет от роду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство...”

Все возбуждало интерес к Ганнибалу: его экзотическая внешность и необычайность судьбы любимца русского царя.

А.П.Ганнибал в детстве.
С портрета неизвестного
художника. Начало XVIII в.

А.П.Ганнибал (?). С портрета
неизвестного художника.
Начало 1820-х гг.

Он был представителем страны, выходявшей на мировую арену, ставшей морской державой, мощного государства, победившего армию Карла XII, самую сильную в Европе. А потому мог быть создан и этот портрет Ганнибала, который столь же фантастичен, как и судьба изображенного на ней арапа и судьба еще непостижимой для французов России.

Костюм Ганнибала на портрете — не обычный придворный мундир, а парадная одежда, напоминающая “индийский костюм”, в который облакались арапы царской свиты при торжественных церемониях. Портрет говорит о господствовавшем в то время в европейской живописи стремлении к экзотике. Для этой цели арап Абрам Петров мог оказаться самой подходящей моделью.

До сих пор не утихают споры по поводу портрета А.П.Ганнибала, выполненного неизвестным художником в конце XVIII века и находящегося во Всероссийском музее А.С.Пушкина. Уже один из первых биографов великого поэта — П.А.Бартенев признавал в нем арапа Петра Великого. Ученый-антрополог, академик Д.Н.Анучин и известный коллекционер и знаток живописи М.А.Оболенский тоже видели в нем А.П.Ганнибала.

Поводом для сомнений стало то обстоятельство, что на мундире портретируемого художник изобразил не те ордена, которыми был награжден Абрам Петрович (он имел орден Св. Александра Невского и Св. Анны, а на портрете мы видим орден Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия второй степени). Было выдвинуто предположение, что на этом портрете изображен немец И.И.Меллер-Закомельский, генерал, любимец светлейшего князя Потемкина, имевший орден, изображенные художником. Однако невозможно с этим согласиться, поскольку Меллер был награжден еще и орденом Св. Владимира первой степени, а его на портрете нет, но главное — Меллер был белолицым и светлоглазым и носил всегда белый парик, в отличие от темнокожего А.П.Ганнибала в артиллерийском мундире.

Хотя создавший его неизвестный живописец не был первоклассным мастером, но лицо им выписано хорошо. От всего облика изображенного веет важностью, суровостью и достоинством. Его строгий пронизательный взгляд сопровождает вас повсюду, с какой бы точки вы ни смотрели на полотно. Таким, как на этом портрете, можно представить себе А.П.Ганнибала в последний период его жизни.

Проведенные в недавнее время тщательные научные экспертизы полотна установили, что оно было создано в конце XVIII века (уже после смерти Абрама Петровича), то есть в то время, когда создавалась и его “Немецкая биография”. На обороте портрета обнаружили надпись (она при реставрации портрета в 1949 году была задублирована холстом): “Аннибал, генерал-аншефа † на 92-м году от рождения”. Эта надпись словно сделана иностранцем, не вполне владеющим русским языком. Автор ее, как и автор “Немецкой биографии”, — Адам Роткирх.

Стало очевидным, что к сочиненной после смерти Абрама Петровича биографии необходимо было сочинить и его парадный портрет, чтобы прославить первого в России, а может быть, и в мире темнокожего генерала, который добился высокого положения в обществе своими трудами, познаниями и талантом.

Изображение на мундире высоких наград логически вытекает из притязаний прадеда Пушкина на княжеское достоинство: из описаний заслуг Абрама Петровича в “Немецкой биографии” и стремления его сыновей доказать древность своего рода. Портрет словно подчеркивает не-

А.П.Ганнибал (?). “Придуманый портрет”
работы неизвестного художника.
Вторая половина XVIII в.

обыкновенную судьбу романтического предка Пушкина, “биография которого сбивается на занимательный авантюрный роман”.

О наградах на портрете А.П.Ганнибала академик Д.Н.Анучин писал: “...может быть, честолюбивый “арап”, потомок владетельного князя и вместе с тем крестник-питомец Петра I, считал себя вправе присвоить себе, хотя бы только на портрете, эту привилегию принцев крови...”

Выяснилось еще одно немаловажное обстоятельство — у портрета был двойник (старинная копия). Один оставался у Ганнибалов, второй же был скопирован, вероятно, для старшей дочери Абрама Петровича, Елизаветы Абрамовны, которая вышла замуж за Андрея Павловича Пушкина. Эта копия сохранилась в роду Пушкиных — у Евгении Львовны Пушкиной (1851—1930) в усадьбе Новинки Костромской губернии. Здесь был создан домашний музей, посвященный предкам поэта. Часть коллекции в 1914 году Евгения Львовна передала в Пушкинский Дом, а портрет А.П.Ганнибала продолжал оставаться в Новинках. Григорий Львович Пушкин, племянник Евгении Львовны, прямой потомок прадеда поэта Алексея Федоровича Пушкина (родился в 1909 году), жил у тетки в Новинках и помнил

портрет А.П.Ганнибала с раннего детства. По его рассказу, дети (он и его сверстники) “боялись заходить в комнату, где висел портрет “арапа”. Его пристальный взгляд будто преследовал ребят. В страхе, убегая из комнаты, они бросали в портрет каким-нибудь предметом”.

Усадебный дом в Новинках по ходатайству А.В.Луначарского после революции 1917 года был оставлен Евгении Львовне, пользовавшейся большим уважением у населения, пожизненно. Но в начале 1930 года, вскоре после смерти хозяйки, при случившемся пожаре сгорело все, что было в доме, в том числе и портрет А.П.Ганнибала.

ЗАВЕЩАНИЕ ГЛАВЫ РОДА

В июле 1776 года, за несколько лет до своей кончины, А.П.Ганнибал составил завещание, по которому наследники должны были разделить между собой его владения и имущество. Он был строгим и требовательным отцом и надеялся на послушание. Абрам Петрович считал себя примером для сыновей в домашней жизни, успехах по службе и в весьма плодотворной хозяйственной деятельности. К концу жизни он приобрел несколько богатых имений, оставляя после себя 1400 крепостных душ и 60 тысяч рублей деньгами. Абрам Петрович хотел, чтобы и сыновья его, жизненный путь которых был не столь труден благодаря отцу, также стремились сделать карьеру, приумножить состояние и еще более укоренить свой род — род Ганнибалов. Как “знатные люди”, пользовавшиеся княжеским гербом, сыновья, по мысли отца, должны были служить и владеть поместьями под Петербургом.

Как верный последователь петровских преобразований, Ганнибал пожелал распорядиться своими имениями в Псковской губернии и в Ингерманландии, следуя закону о майоратстве, по которому главные родовые имения должен был наследовать всегда старший в роде по мужской линии. Закон этот, введенный Петром I, был отменен уже в 1731 году. Но таким образом Абрам Петрович надеялся сохранить навечно главные имения в роду Ганнибалов, рассчитывая на послушание сыновей и на то, что воля отцовская должна быть выполнена.

В завещании он писал о них: “...желаю, чтобы по смерти моей находились в неперменной братской дружбе... и

кому из них каким движимым и недвижимым имением владеть по сей духовной определяю, тому оным навсегда и довольну быть...”

Ивану — старшему в роду — отец оставлял пожалованную “от ее императорского величества в вечное и потомственное владение в Псковской губернии — Михайловскую губу с принадлежащими к ней усадьбами и деревнями, да присовокупленную мною в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Суйду со всеми ж ко оной мызе принадлежащими деревнями, что в них имеется мужеска и женска пола душ”. Сверх того Ивану отец оставлял каменный дом в Петербурге; он должен был распорядиться и капиталом, распределить его между наследниками.

Далее в завещании говорится об остальных трех сыновьях по старшинству:

“Петру присовокупленные ж мною в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Елицы с принадлежащими ко оной мызе деревнями;

Иосифу в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Рунново с деревнями, что в них состоит мужеска и женска пола душ;

Исааку в той же Ингерманландии в Копорском же уезде мызу Тайцу со всеми к ней принадлежащими деревнями, что в них состоит мужеска и женска полу душ...”

О дочерях в завещании говорится: “Дочери моей девице Софье даю из движимого имения пять тысяч рублей, до недвижимого ж ни чего ей дела нет, — а вдовствующей дочери моей Елизавете Пушкиной и замужней дочери ж моей Анне Нееловой до движимого и недвижимого моего имения совсем дела нет. Понеже они от меня выданы в замужество с довольным награждением”.

Завещание А.П.Ганнибала было необычно и тем, что по его смерти права вдовы — Христины Матвеевны — не должны были ограничиваться только “седьмой частью” наследства, ей полагавшейся. Ганнибал говорит о жене с большой любовью, требует, чтобы при ее жизни дети имения не делили и оставляли бы их во владении матери: “...всем движимым и недвижимым по смерти моей имением владеть и доходами пользоваться супруге моей Крестине Матвеевой дочери, доколе она здравствовать будет беспрепятственно, не отделяя себе однако ж ни единые души в седьмую часть, и при жизни детям моим во владение назначиваемого не

вступать, когда же по власти Всевышнего и она отыдет со сего света, тогда уж детям моим во владение вышепредписанного вступать... всю то разделить сыновьям нашим между собою полюбно...”¹.

Но Христина Матвеевна умерла раньше Абрама Петровича. В “Немецкой биографии” сказано, что он всего на один день пережил свою супругу. На самом деле Абрам Петрович скончался почти через два месяца. Видимо, он тяжело переживал смерть верной подруги жизни, с которой прожил полвека.

После смерти Христины Матвеевны Иван Абрамович писал из Петербурга своему брату Осипу Абрамовичу 25 марта 1781 года: “Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет; все наши домашние там находятся...”

Абрам Петрович Ганнибал умер, согласно записи об умерших в метрической книге суйдинской Воскресенской церкви, 14 мая 1781 года от “главной” болезни. В записи сказано: “Отставны генерал-аншев Абрам Петрович 98 лет... исповедан и причащен 9 мая еще”. В указании возраста здесь, видимо, ошибка или описка. В “Немецкой биографии” указано, что Ганнибал скончался “на 93-м году жизни”. У Пушкина, как мы уже говорили выше, — “умер... на 92 году от рождения”. Ясно, что Абрам Петрович ушел из жизни глубоким стариком. Вероятно, даты его рождения и кончины можно было прочесть на могильной плите, если бы она сохранилась.

Дети А.П.Ганнибала после его смерти поступили вопреки воле отца. Они поделили наследство на основании существующего закона и так, как это было выгодно большей части наследников. Петр, Осип и Исаак разделили между собой Михайловскую губу, ничего не выделив в ней старшему брату Ивану. Ему были отданы только Суйда да дом в Петербурге. Младшие сыновья оставили за собой и все поместья под Петербургом, однако владели ими недолго.

Осип Абрамович, дедушка поэта, удалился на Псковщину и поселился в селе Михайловском, доставшемся ему по отдельной. Под Петербургом его поместья, Кобрино и Ру-

¹ Полный текст завещания А.П.Ганнибала и подробный комментарий к нему см.: *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981. С. 151—157.

ново, перешли по указу императрицы 1784 года малолетней дочери Надежде. В 1800 году эти имения Марией Алексеевной были проданы.

Уже в 1786 году Исаак Абрамович продал свои поместья — мызу Тайцы с деревнями — и поселился на Псковщине, в селе Воскресенском.

Дольше братьев владел мызой Елицы Петр Абрамович. У него здесь жили сестра Софья с мужем Адамом Роткирхом. Мыза находилась недалеко от Суйды. Но в 1792 году и он продал елицкие земли и также уехал на Псковщину, в село Петровское.

Один Иван Абрамович остался покорен отцовской воле. Еще более двадцати лет прожил он “по большей части в Суйде”, как писал Пушкин. Он любил это поместье, расположенное так близко от столицы; продолжал его благоустраивать, обновил (капитально отремонтировал) старую суйдинскую церковь, любил принимать в Суйде гостей. Его здесь навещал А.В.Суворов. Иван Абрамович был хранителем наследия отца, его архива, библиотеки, движимого имущества, всего, что находилось в Суйде и в каменном доме в Петербурге. После его смерти брата, к тому времени запутавшиеся в долгах, продали в 1805 году и Суйду (имение купил коллежский ассессор В.В.Цыгорев), и дом в Петербурге с молотка.

По иронии судьбы все свершилось по-иному, не так, как надеялся старик Ганнибал, завещавший: “...а останется из них хоть один брат, то наследовать всеми теми недвижимыми имениями брату их родному, поступая по наследственной линии по порядку старшинства, дабы означенные недвижимые имения никогда не выходили из рода Ганнибалов... дабы никто, у кого ж имения во владении будут, не имел отнюдь власти... ни продать, ни заложить... По сему моему завещанию...”

Особо ценное “движимое имущество” (что не было продано с молотка) Петр Абрамович увез в Псковскую губернию. Известно со слов его брата Осипа, что здесь была “отцовская библиотека, целый ящик золотых медалей”, “физические и механические инструменты”, “мебели”. По смерти же и Петра Абрамовича (1826 г.) Петровское унаследовал сын его Вениамин Петрович (1780—1839). Затем все перешло к его наследникам. Ими стали не только Ганнибалы, но и Коротовы.

Вениамин Петрович женат не был, но имел от своей крепостной незаконнорожденную дочь Марию; ее он выдал в 1826 году замуж за поручика Псковского пехотного полка Федора Павловича Коротова.

В.П.Ганнибал завещал внукам от Марии, своим “крестным детям”, все движимое имущество, а недвижимое (имение) по закону переходило прямым наследникам. Таким образом, многое ценное, что наполняло дом в Суйде, а затем и в Петровском (библиотека Ганнибала, архив, предметы быта), перешло к Коротовым. Завещанное наследство они после смерти Вениамина Петровича вывезли из Петровского в село Заречье Новоржевского уезда, заранее для них купленное.

Судьба архива Ганнибалов долго оставалась неизвестной. Но в преддверии столетия со дня рождения А.С.Пушкина в “Псковских губернских ведомостях” от 13 июля 1896 года было напечатано сенсационное сообщение: “...в селе Заречье Новоржевского уезда, у дворянина Владимира Федоровича Коротова нашлись бумаги о Ганнибалах”. Это были письма Екатерины II к Абраму Петровичу и Ивану Абрамовичу. “Бумаги” тогда же поступили в Псковский археологический музей.

Только в 1969 году обнаружилась еще часть архива Ганнибалов. Она оставалась у дочери В.Ф.Коротова — Марии Владимировны, а затем была сохранена ее гувернанткой Т.В.Ягиной. Документы вначале поступили в Государственную Публичную библиотеку, позднее же были переданы во Всесоюзный музей А.С.Пушкина. Среди семейных бумаг Ганнибалов оказалось ранее нигде не публиковавшееся письмо Абрама Петровича его сыну Петру, письмо Павла I И.А.Ганнибалу, документ, связанный с разделом имущества между наследниками, — “Объявление в Санкт-Петербургской опекунский совет”, завещание В.П.Ганнибала и другие материалы.

Но ценная часть движимого имущества — библиотека, золотые медали (награды Ганнибала), инженерные инструменты и прочее — до нас не дошла. Столь важную часть архива, как “Жалованная грамота” императрицы Елизаветы на Михайловскую губу, Коротовы просто не захватили с собой, она сохранилась у соседей по Петровскому — Княжевичей и позднее была передана ими в Пушкинский Дом.

И.А.Ганнибал. С портрета неизвестного художника. 1790-е гг.

Помогли выяснить судьбу наследства Ганнибалов документы Российского государственного исторического архива. Здесь нашлись новые документы о Коротовых¹. Они затем привели к знакомству с их потомками, ныне живущими в Петербурге. Это помогло в какой-то степени проследить судьбу отдельных вещей, библиотеки и архива Ганнибалов.

По рассказам Ксении Яковлевны Коротовой (правнучки Федора Павловича и Марии Вениаминовны Коротовых), вещи из имения Ганнибалов Петровское еще в начале XX века находились на хуторе у ее бабушки, в усадьбе Заречье, на чердаке. Она помнила книги, сложенные в ящиках, и что они “были переплетены в пожелтевшую, потрескавшуюся кожу с золотым тиснением...”, вспоминала громадный кожаный сапог, который “принадлежал Петру I и каким-то образом попал к нашему предку Абраму Петровичу Ганнибалу”, помнила и “старинный обитый кожей сундук с книгами” (возможно, сундук прадеда поэта, упоминаемый в “расходных” документах Петра, сохраненный Ганнибалом вместе с царским сапогом) и многое другое. Вещи эти, по словам Ксении Яковлевны, пропали при пожаре в усадьбе. Были еще у Коротовых прежде и две печати Ганниба-

¹ Грановская Н. Новое в Пушкиниане // Псковская правда. 1969. 10 сент.

лов. Одна из них, с инициалами Петра Абрамовича, не сохранилась. Но самая ценная, с гербом Ганнибалов, самого Абрама Петровича, была 20 июня 1969 года передана К.Я.Коротовой в Пушкинский Дом.

Если бы после кончины Ивана Абрамовича движимое имущество Ганнибалов было разделено между братьями иным образом и досталось бы Осипу Абрамовичу, то самая ценная часть наследства — архив и библиотека отца, возможно, могла бы и сохраниться. Они оказались бы в селе Михайловском и в годы ссылки были бы в распоряжении Пушкина. Но поэт получил от Ганнибалов лишь немногие документы, в том числе копию письма Екатерины II Абраму Петровичу, да его “Немецкую биографию”.

О МЕСТЕ ЗАХОРОНЕНИЯ А.П.ГАННИБАЛА

На небольшом расстоянии от бывшей мызы Суйда до недавнего времени еще сохранялись фундамент суйдинской церкви, древний земляной вал и старые захоронения. Здесь, у самой церкви или внутри нее, погребен был в 1781 году прадед Пушкина А.П.Ганнибал. Сейчас на этом месте открытое поле, через него проходит дорога, и стоит вблизи дороги гранитная стела с надписью:

ГАННИБАЛ
Абрам Петрович,
генерал
Русской армии,
прадед
А.С.Пушкина
1697—1781

Памятник поставлен в сентябре 1971 года (архитектор М.Н.Мейсель). Это уже второе надгробие на могиле Ганнибала. Первое, в виде обелиска, было установлено в 1954 году Областным управлением культуры по инициативе гатчинского краеведа А.Н.Лбовского. Благодаря его разысканиям (ему помогли старожилы, помнившие расположение могил и фундаменты старых церковных построек) тогда было определено место захоронения А.П.Ганнибала.

Сохранились предания о могиле А.П.Ганнибала, услышанные от местных жителей и записанные директором суйдинского музея А.В.Бурлаковым. Столетняя старушка

Памятник на могиле А.П.Ганнибала в Суйде.
Современная фотография.

Анна Семеновна Шарапенкова передала рассказ своей бабушки “о похоронах черного барина” и вспомнила “огромную каменную плиту — могилу черного арапа”. Согласно другому преданию, на кладбище уже в наше время был найден в земле старинный чугунный крест с надписью “Ганнибал А.П.”. По рассказу старейшей жительницы Суйды Варвары Константиновны Блио (1899—1986), “...до революции... на старом кладбище, прямо против часовни, в зарослях кустов лежала покрытая мхом огромная развалившаяся плита с надписью — Ганнибал”. Другие слова на плите она не запомнила.

О суйдинском кладбище вспоминал и писатель Борис Семенов (он посетил Суйду вместе с группой ученых Пушкинского Дома в 1937 году): “Невдалеке за пределами усадьбы сохранилось старое неухоженное кладбище с черными чугунными крестами и гранитными надгробиями. Здесь долго бродили мы, читая вполне еще разборчивые и трогательные эпитафии...” Могилы А.П.Ганнибала тогда уже нельзя было найти, “она глубоко ушла в землю”.

Между церковью и мызой Суйда и прежде проходила дорога, старая еще, новгородская, которая связывала города и погосты Водской пятины с Новгородом, а уже позднее, по постройке Петербурга, и с новой столицей. Главная

почтовая дорога через Порхов и Псков (Белорусское направление) была построена в конце XVIII века. Она пролегла правее, через Гатчину, которая в старину называлась селом Хотчиным Дятловского погоста и была одним из форпостов Великого Новгорода. Позднее, в конце XVIII века и в XIX веке, старой дорогой, проходившей мимо Суйды, пользовались путешественники, когда ездили на “долгих” и “вольных” лошадях. Они проезжали мимо церкви и могилы Ганнибалы.

Очень жаль, что суйдинская церковь не сохранилась: история ее уходит корнями в далекое прошлое. Прежде на этом месте стоял “Погост Никольской Суйдовской, а при нем деревня Суйда, на левом берегу Суйды, впадающей в реку Оредеж”.

Новгородские пятины разделялись на погосты — поселения около церквей и монастырей, в которых жили “пашенные” крестьяне и “непашенные” боярские дети и торговые люди.

В новгородских писцовых книгах об этой местности упоминается так: “Погост Никольской Суйдовской. А на погосте монастырек, а в нем церковь велики Никола, а живут в том монастыре черницы”.

Когда край был отвоеван у шведов, монастыря здесь уже не оказалось (шведы насаждали лютеранство). В 1718 году на погосте Суйдовском, где хоронили воинов, павших в Северной войне, на фундаменте стоявшей здесь прежде Никольской церкви была отстроена в память освобождения края новая церковь — Воскресения Христова. Она была сооружена на средства графа Петра Матвеевича Апраксина, одного из сподвижников Петра I, освобождавшего эту землю. Название — Суйда — осталось за мызой Апраксина, но бывшая деревня Суйдинская при погосте теперь стала называться селом Воскресенским, хотя в старинных документах часто встречаются и прежние наименования — “деревня Суюида” и “церковь Суйдовская”.

В “Клировых ведомостях церквей” за 1830 год сохранилось описание суйдинской церкви: “Церковь Воскресения Христова, что в селе Суйде... построена в 1718 году, зданием деревянная, колокольня особая на столбах, как церковь так и колокольня ветхие”. Находилась она при имении; дом для священнослужителей, содержание всего причта были “от помещика”.

Существовало мнение, что церковь, стоявшая здесь на древнем погосте, была разобрана в 1850-х годах и перенесена в село Воскресенское, где заново отстроена с сохранением не только названия, но и прежней архитектуры. Воскресенская церковь, сгоревшая в 1964 году, воспроизведена во многих изданиях. На самом же деле это было не так. «Клировые ведомости» свидетельствуют, что суйдинская церковь с давних времен имела отдельно стоявшую «колокольню на столбах». Церковь и колокольня в Суйде должны были иметь совсем иную архитектуру, чем построенная в середине XIX века церковь в селе Воскресенском. Известно, что «колокольни на столбах, на особых фундаментах» появились на Руси в конце XV века. Суйдинская церковь была отстроена П.М.Апраксиным в 1718 году, а каменная колокольня могла стоять с более давних времен.

Есть сведения, что А.П.Ганнибал был погребен в самой церкви. В «Немецкой биографии» говорится: «похоронен он вместе с своей супругой в <церкви своего главного имения> Суйда <Софийского уезда...>». То же утверждал о погребении родителей и сын Абрама Петровича, Петр, впоследствии писавший: «...по отставке жили в купленной отцом моим деревне... Ингерманланде, в мызе Суйде, где и погребены в оной церкви, при селе находящейся»¹.

Эти утверждения нельзя считать правильными. Еще при Петре I по изданному им указу запрещалось хоронить внутри церквей. О невозможности захоронения внутри говорит и описание церкви в «Клировых ведомостях». Она была небольшой, имеющей всего один престол.

А.И.Ульянский в своей книге «Няня Пушкина» писал: «Абрам Петрович был погребен в Суйдовской церкви или при ней». Что же касается прабабушки поэта, Ульяновский отмечал: «Христина Матвеевна была лютеранкой, Суйдовскую церковь никогда не посещала, поэтому можно предполагать, что она похоронена была на Кобринском лютеранском кладбище».

Ошибка, а вернее, неточность, допущенная автором «Немецкой биографии» и Петром Абрамовичем Ганнибалом, объясняется тем, что по соседству находились и православная церковь, и лютеранская кирха, оба покоились в одном и том же поместье под Петербургом: Абрам Петрович — на

¹ Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С.Пушкина. Л., 1981. С. 156.

суйдинском, а Христина Матвеевна — на кобринском кладбище.

Академик Д.Н.Анучин в конце XIX века предпринял розыски могилы А.П.Ганнибала. Настоятель новой Воскресенской церкви в Суйде Алексей Быстряков сообщил ему, что "...на местном кладбище, действительно, находится могила Ганнибала, но от времени плита вросла в землю, и отыскать ее теперь трудно..." и что в течение 25 лет его служения "...никто не обращался за сведениями о могиле Ганнибала", а также что "старая церковь за ветхостью разобрана в 1845 г., и в то же время имевшиеся документы все или похищены, или уничтожены". О новой церкви села Воскресенского Анучин писал, что здесь сохранились «12 книг минеи месячной, в которых по листам сделана скрепа такого содержания: "1775 года июля 21 дня Его Высокопревосходительство господин Генерал Аншеф и разных орденов кавалер Абрам Петрович Ганнибал в Суйдовской мызе в церковь Воскресения Христова вкладу дал сию книгу, именуемую месячною минеею"».

Эти книги (возможно, они были с автографом Абрама Петровича) до нас не дошли. Остатки же суйдинского церковного архива погибли уже в наше время вместе с самой Воскресенской церковью — при пожаре 1964 года.

* * *

Всякий, кто пройдет и проедет по старой дороге мимо Суйды, остановится у стелы серого гранита. Памятник находится на месте древнего погоста. Здесь некогда стояла старинная "колокольня на столбах". Ее "благовестные" и "всполошные" звоны разносились по всей округе, их слушали предки Пушкина — новгородцы и родичи няни поэта Арины Родионовны. Здесь отпевали русских воинов, павших в Северной войне.

В этой земле нашел последнее упокоение и прадед Пушкина по материнской линии Абрам Петрович Ганнибал.

Тысячи паломников, и среди них потомки Пушкина и его прадеда, возлагают цветы к этому надгробию в день традиционного областного Пушкинского праздника, ежегодно отмечаемого на гатчинской земле.

В своем незавершенном стихотворении 1830 года великий русский поэт говорит:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*Животворящая святыня!
Земля была <б> без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.*

В рукописи второе четверостишие первоначально читалось:

*На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.*

КАК В СУЙДЕ ПОЯВИЛСЯ НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ

Суйда входит в пушкинское музейное кольцо Гатчинского района. Начиная с 1950-х годов местным краеведом А.Н.Лбовским, а затем Всесоюзным музеем А.С.Пушкина здесь устраивались пушкинские выставки, которые размещались в старинном каменном флигеле барского дома А.П.Ганнибала.

Суйдинский народный музей открылся здесь 1 июня 1986 года, когда в бывшей ганнибаловской усадьбе проходил многолюдный пушкинский праздник в честь 187-летия со дня рождения А.С.Пушкина. Почетным гостем Суйды, перерезавшим ленточку на торжественном открытии музея, был прямой правнук великого поэта Григорий Григорьевич Пушкин.

Суйдинский музей создан был на общественных началах. Кроме дирекции объединенных музеев Ленинградской области в создании музея участие приняли местные жители, художница В.И.Филиппова, дальние потомки Арины Родионовны, коллекционеры, пушкинисты, а также потомки А.П.Ганнибала. Всех их объединил краевед А.В.Бурлаков, создатель экспозиции музея, ставший его общественным директором.

В помещении музея были собраны изобразительные материалы, копии документов, предметы сельского и усадебного быта, рассказывающие об истории Суйды и связи этих мест с именами предков Пушкина, с родными и близкими великого поэта.

Музей украшали виды суйдинского парка и усадьбы — рисунки художника-архитектора С.П.Светлицкого, созданные им в 1970-х годах, и работы на темы пушкинских сказок, акварели местной художницы В.И.Филипповой, выполненные в 1980 году.

Здесь же экспонировались дары живущих по сей день в селе Воскресенском потомков родни Арины Родионовны — ее сестер и братьев: большой старинный кованый сундук — “для приданого невесты” и деревянное “хлебное блюдо” с вырезанными на нем словами молитвы: “хлеб наш насущный даждь нам днес”, а также дары земляков няни: деревянная, медная и глиняная посуда, старинные прялки, берестяные изделия, вышитые полотенца, самовары...

Хорошо освещалась тема “История Суйды”. Здесь была представлена карта Ингерманландии, “исконной русской земли, отвоеванной Петром I у шведов, составленная по материалам шведских архивов в 1827 году”, с указанным на ней погостом “Суйда”. Она была скопирована в Государственной Публичной библиотеке и передана в Суйду Всесоюзным музеем А.С.Пушкина в 1965 году. Здесь же находился гравированный портрет Петра Великого и первого владельца этих мест — П.М.Апраксина; снимки со всех предполагаемых изображений А.П.Ганнибала, портреты его сына Ивана Абрамовича, внуков Павла и Семена Исааковичей и современных потомков прадеда А.С.Пушкина. Были представлены также изображения родных великого поэта — матери, отца, сестры, дяди Василия Львовича и няни, живших или бывавших в Суйде, а также портрет гостившего здесь А.В.Суворова.

В экспозиции нашлось место для усадебной мебели конца XVIII и середины XIX века: стояли кресла, бюро наборного дерева, стол из имения Ганнибалов, а на нем — поступившие от их потомков Лабинаг и Коротовых старинная табакерка, шкатулка, книга (“Судебник” 1768 года).

Здесь были и уцелевшие предметы из сгоревшей в 1964 году Воскресенской церкви: крест XVIII века, подсвечники, метрическая книга, молитвенник, иконы, колокол.

В музее “История Суйды” — автор его экспозиции краевед А.В.Бурлаков. 1988 г.

Представлены были здесь и предметы, найденные в Суйде при земляных работах. Это русские и шведские монеты времен Северной войны, фрагменты печных изразцов и фарфора XVIII века... Силами местных энтузиастов, в особенности А.В.Бурлакова, экспозиция продолжала пополняться, с тем чтобы со временем стать большим и богатым собранием, посвященным предкам великого поэта.

С 1986 года до 1993-го в старом деревянном доме существовал музей истории Суйды. Он погиб во время большой аварии — прорвало трубы парового отопления. Есть надежда на его возрождение к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Бывший директор музея А.В.Бурлаков готовится открыть музей в мемориальном каменном флигеле Ганнибаловской усадьбы. Кроме того, в Суйде к пушкинскому юбилею будет восстановлена и суйдинская церковь. Работы ведутся по инициативе и по проекту архитектора А.А.Семочкина. В сборе средств на это святое дело ему помогают местные жители, а руководит строительством В.И.Филиппова.

Любовь и забота замечательных патриотов об этих местах дают нам надежду на их возрождение.

ПОМЕСТЬЕ РУНОВО В ЖИЗНИ И СУДЬБАХ БАБУШКИ И НЯНИ А.С.ПУШКИНА

*Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне
станет...*

А.С.Пушкин. "Сон"

ИСТОРИЯ МЫЗЫ РУНОВО И РОДА ПУШКИНЫХ

По завещанию Абрама Петровича Ганнибала его сын Осип Абрамович получил в наследство "в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Руново с деревнями...". Но случилось так, что хозяин этого поместья практически не жил в нем, зато история этих мест тесно переплелась с жизнью и судьбой матери А.С.Пушкина Надежды Осиповны Ганнибал, его бабушки Марии Алексеевны и других родственников поэта со стороны отца, Сергея Львовича Пушкина.

Мыза Руново расположена между Суйдой и деревней Кобрينو, которые соединяет старая дорога. От нее к бывшей мызе и сейчас тянется аллея белоствольных берез. Сохранилась со времен Ганнибалов также липовая подъездная аллея, ведущая к самой усадьбе. Перед домом еще в 1940-х годах росла старая развесистая липа. О ней говорит народное предание: "Когда бабушка узнала о рождении в Москве внука Александра Сергеевича, она посадила в Рунове на клумбе перед домом эту липу".

И в наши дни мы еще видим здесь двухэтажный деревянный усадебный дом с балюстрадой по краю кровли, расположенный "покоем". К нему вплотную примыкают одноэтажные флигеля той же архитектуры.

Это не прежний ганнибаловский дом, тот в 1800 году у матери поэта приобрела Шарлотта Карловна Жандр — жена известного русского мореплавателя Ю.Ф.Лисянского,

позднее у наследников Лисянского усадьбу купила Надежда Тимофеевна Карташевская, сестра писателя С.Т. Аксакова, который с тех пор часто здесь гостил. В 1887 году дом сгорел и был вновь отстроен Карташевскими на старом фундаменте. Внутренняя планировка при этом была изменена, но решение фасадов дома в стиле раннего классицизма второй половины XVIII века сохранилось. Поэтому он и напоминает нам давнюю руновскую постройку. О таком барском усадебном доме Пушкин во второй главе “Евгения Онегина” писал:

*Почтенный замок был построен,
Как замки строятся должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.*

В прежнем доме, так похожем на этот, жили дедушка поэта Осип Абрамович Ганнибал, бабушка Мария Алексеевна, их дочь Надежда Осиповна. Гостили, а затем и жили здесь Сергей Львович Пушкин, будущий отец поэта, и его брат Василий Львович, а также семья Михаила Алексеевича Пушкина, брата Марии Алексеевны.

Дом был похож на старинный боярский терем, удобный и поместительный. Чтобы попасть во флигель, не надо было выходить во двор — они находились под одной кровлей с домом. В них помещались кухня и кладовые, а также людские и девичьи для многочисленных дворовых. В самом же доме — больших хоромах — жили господа.

В доме все было заведено по старине, которую любила бабушка Пушкина — Мария Алексеевна: столы и скамьи покрыты зеленым сукном, кресла — алым сукном либо бархатом, на окнах — шелковые занавески; в гостиной — “штофные обои” и зеркала из составных частей в золоченых рамах.

Это была мебель старинных русских усадеб середины и конца XVIII века. Здесь находилось немало и предметов старинного русского народного быта: тяжелые сундуки-укладки, покрытые домоткаными коврами, расписанные узора-

ми лавки и добротные дубовые резные столы. В парадных горницах голландские печи с лежанками были украшены изразцами.

Среди старинных вещей, находившихся в этом доме, возможно, был и тот самый дубовый ларец-подголовник времен царя Алексея Михайловича, обитый кованым железом, с массивными железными ручками и узорными железными скобами на углах, в котором позднее А.С.Пушкин хранил свои бумаги. Ларец мог перейти ему в наследство, скорее всего, по линии бабушки Марии Алексеевны, отец которой в юные годы служил при царском дворе.

Поэта с раннего возраста интересовала история семьи, своего рода. Она была тесно связана с историей России. В начатой автобиографии Пушкин писал: "Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского".

В наше время доказано, что Радша, или Рача (имя, сокращенное от славянских имен Ратислав или Ратимир), происходил от палабских славян и выехал из Славонии. А Александру Невскому служил уже его правнук, "славный витязь" Гаврила Олексич, совершивший подвиг во время Невской битвы 1240 года (о нем пишет Новгородская летопись). О происхождении Пушкиных свидетельствуют старинные документы: "Герб рода Пушкиных" и "Родословное древо". Надпись под гербом говорит о родоначальнике фамилии: "...из Седмиградской земли выехал знатной славенской фамилии Муж честен Радша".

Среди предков поэта, потомков Радши и Гаврилы Олексича, были бояре, воеводы, посланники, окольниковы, стольники. Пушкин гордился тем, что его предки являлись строителями русского государства. "Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории", — с гордостью пишет поэт.

Изучая прошлое России, работая над задуманной "Историей Петра", он находил в источниках их имена.

*Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один, —*

говорит поэт в стихотворении "Моя родословная", а чуть

Руновская мыза. Бывший дом Ганнибалов—Пушкиных.
Со старинной фотографии.

дальше упоминает о печати с фамильным гербом, перешедшей к нему по наследству:

*Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил.*

Важным источником для познания истории своих предков, которую поэт не отделял от истории России, были для Пушкина семейные предания. В неоконченной поэме “Езерский” (1832—1833) он говорит:

*Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.*

Поскольку бабушка А.С.Пушкина со стороны отца, Ольга Васильевна, урожденная Чичерина, умерла, когда будущему поэту было два с половиной года, приведенные строки явно относятся к Марии Алексеевне Ганнибал, урожденной Пушкиной.

Московская она потому, что в древней столице имела многочисленную родню.

Мария Алексеевна ведала всем домом Пушкиных в Москве и занималась воспитанием внуков; она научила маленького Сашу читать и писать на родном языке и во многом положила начало формированию его личности.

“Происходя по матери из рода Ржевских, — вспоминала о Марии Алексеевне ее внучка Ольга Сергеевна, — она дорожила этим родством... и часто любила вспоминать былые времена.”

Рассказывая внуку о своих предках Ржевских, бывших “князьях смоленских”, она сообщала, что через них А.С.Пушкин в 33-м колене является потомком Рюрика. Бабушка знакомила его и с необычной судьбой семьи Ганнибалов, с которой связала свою жизнь, и о древности рода Пушкиных, к которому принадлежала со стороны отца.

Род Пушкиных привлекал поэта особо. Ему он и посвятил свое стихотворение “Моя родословная”.

В своих высказываниях о предках Пушкин вспоминал их военные подвиги, активное участие в государственной жизни и политике. Но род Пушкиных интересен и другим. Носителей этой фамилии издавна отличала образованность, тяга к литературе и поэзии. Этот замечательный дар, передававшийся из поколения в поколение, унаследовал и Александр Сергеевич.

Известным поэтом был родной дядя Пушкина — Василий Львович, отец поэта — Сергей Львович — также писал стихи. О бабушке своей Ольга Сергеевна отзывалась так: “Марья Алексеевна была ума светлого и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельви́г”.

От матери литературный дар передался Надежде Осиповне, обладавшей изящным эпистолярным стилем. А внуки Ольга и Лев Пушкины писали стихи.

А.С.Пушкин, получивший свой поэтический дар не только через отца, но и по материнской линии, соединил в себе две ветви одного рода. Случилось это так. Предок поэта в шестнадцатом колене от Радши — Петр Петрович Пушкин (1644—1692), стольник, отличившийся в войнах “с турками и крымцами”, был прямым предком поэта по двум линиям — отцовской и материнской.

Один из старших сыновей его — капитанармус лейб-гвардии Преображенского полка — Александр Петрович, женатый на Евдокии Ивановне Головиной, стал прадедом поэта по отцу. А его младший сын Федор Петрович, женатый на Ксении Ивановне Кореновой, стал прадедом Пушкина со стороны матери.

Федор Петрович Пушкин — участник Прутского похода Петра I — был родным дедом Марии Алексеевны. В лице ее дочери Надежды Осиповны Ганнибал (правнучки Федора Петровича) и Сергея Львовича Пушкина (внука родного брата Федора Петровича — Александра Петровича) породнились представители одного рода. Пушкин, имея в виду деда Осипа Абрамовича Ганнибала и бабушку Марию Алексеевну, писал в “Начале автобиографии”: “...дед мой... женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери)”.

Поэт, вероятно, много слышал от бабушки об ее отце, своем прадедушке Алексее Федоровиче Пушкине, который в юные годы был пажом при дворе царевны Прасковьи Ивановны и жил некоторое время в селе Рождествено (недалеко от Суйды), в поместье, подаренном Петром I племянникам; а также о судьбе братьев, сестер и других родных бабушки. Некоторые из них знали Пушкина младенцем. Александр Юрьевич — племянник Марии Алексеевны (двоюродный дядя поэта) стал автором воспоминаний о детстве Пушкина.

Родные у бабушки часто гостили, а то и подолгу живали в ее доме. Брат Марии Алексеевны (двоюродный дед Пушкина) — подполковник, а позднее статский советник Михаил Алексеевич Пушкин — несколько лет прожил в Рунове, здесь и женился (в 1791 году он обвенчался с девицей Анной Андреевной Мишуковой в Воскресенской суйдинской церкви). В 1792 году здесь же у него родился сын Алексей. Тогда-то и взята была в руновский дом из соседней деревни Кобринно крестьянка Арина Родионовна. Племянник бабушки Алексей из этой семьи стал первым питомцем будущей няни великого поэта.

О многом еще мог бы поведать старый руновский дом¹. В его высоких покоях, вероятно, находились и портреты представителей рода Пушкиных, и другие семейные реликвии. Возможно, было среди них изображение бабушки поэта Марии Алексеевны. Известно, что существовал прежде и портрет дедушки Пушкина — Осипа Абрамовича, который мог также здесь находиться.

¹ Один из редких в окрестностях С.-Петербурга памятников деревянного русского классицизма, ныне дом требует срочной и серьезной реставрации.

Арина Родионовна попала в руновский дом в тяжелые времена, переживаемые Марией Алексеевной. С той поры судьбы этих двух женщин тесно сплелись и стали неразрывны. Не случайно в стихотворении Пушкина “Сон” их образы (“мамушки” — няни и бабушки “в чепце, в старинном одеянье”) слились воедино. А потому и далее в рассказе об одной нельзя будет не вспомнить о другой.

НЕЛЕГКАЯ СУДЬБА МОСКОВСКОЙ БАБУШКИ ПОЭТА

Мария Алексеевна Пушкина вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала в начале 1773 года. Она познакомилась с будущим мужем, когда он приехал на липецкие заводы, откомандированный туда по службе. Ганнибал, морской артиллерии капитан второго ранга, стал бывать в Липецке, в доме отца Марии Алексеевны — Алексея Федоровича Пушкина. Старшая сестра Осипа Абрамовича — Елизавета Абрамовна — была замужем за Андреем Павловичем Пушкиным, военным инженером и подполковником, дальним родственником хозяина.

Ганнибал, образованный молодой человек 29 лет, “столичный щеголь и любезник”, посватался к Марии Алексеевне, получил согласие на брак, и была сыграна свадьба.

Известно, что вначале молодые некоторое время жили вблизи липецких заводов в Муроме. Здесь у них родился первый ребенок — мальчик, умерший младенцем. Затем супруги должны были переехать в Петербург. Еще в Муроме у них возникли материальные затруднения. Свою “приданную деревню” Мария Алексеевна вынуждена была продать “для заплаты долгов мужа”. Осип Абрамович был в ссоре с отцом Абрамом Петровичем, жившим в своем поместье Суйда под Петербургом, и не получал от него никакой помощи. Как писала потом Мария Алексеевна, “за худое его поведение находится он под гневом у отца своего, который, не токмо чтоб давать ему на содержание, запретил ему себя видеть...”. Отец сердился на сына за разгульную жизнь, неудачную карьеру, а теперь и за самовольную женитьбу. Осип Абрамович боялся показываться ему на глаза. В Петербурге молодые поселились у родной тетки Марии Алексеевны — Анны Юрьевны Квашниной-Самариной. Но Мария Алексеевна приложила все старания, чтобы помирить

мужа с его отцом, и добилась успеха. Осип Абрамович получил “прощение и позволение к нему приехать”.

Супруги теперь поселились в Суйде, в доме свекра и свекрови — Абрама Петровича и Христины Матвеевны Ганнибал.

Здесь родилась у них 21 июня 1775 года дочь — будущая мать великого поэта. Ее назвали именем старшей сестры Марии Алексеевны — Надеждой.

Но супруги к тому времени стали жить несогласно. Пушкин говорит, вспоминая деда и бабуку: “Ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом”. Мария Алексеевна впоследствии писала о муже, что он, “следуя дурным своим склонностям, часто заслуживал гнев родительской и, чтобы оно-го избавиться, бежал из дому, оставя к отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся”. Осип Абрамович скрылся и от жены. Покидая Марию Алексеевну, он без ее согласия увез с собой восьмимесячную дочь, этим развязывая себе руки.

Покинутая мужем, отнявшим у нее ребенка, Мария Алексеевна жить у свекра уже не могла. Она оказалась и безо всякой материальной опоры, ибо, если дети оставались у отца (а закон это разрешал), жене при жизни мужа из его имени ничего не полагалось, только в случае смерти супруга она получала право на “седьму часть”. Покинутая и обездоленная, Мария Алексеевна, видимо, снова нашедшая приют в Петербурге у своей тетки Анны Юрьевны, жила в беспокойстве за судьбу дочери.

В положении Марии Алексеевны, покинутой жены и несчастной матери, принимают участие ее родственники: родной брат Михаил Алексеевич — подполковник Орденского кирасирского полка, Квашнины-Самарины — семья тетки, Нееловы — родственники по мужу, а позднее даже братья мужа Иван и Петр стали на ее сторону. Под влиянием ли их советов, сама ли, но, чтобы вернуть ребенка, Мария Алексеевна отваживается на очень ответственный и решительный шаг: она обращается с письмом к Осипу Абрамовичу, в котором ради дочери отказывается от всех материальных прав в настоящем и будущем:

“Государь мой, Осип Абрамович! Несчастливыя как мои, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться: когда уже нелюбовь ваша ко мне так увели-

чилась, что вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более вам своею особою тягости вам не делать, а разстаться навек и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтобы дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под присмотром моим. Чтож касается до содержания как для нашей дочери, так и для меня, — от вас и от наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением ваша, государь мой, покорная услужница

Мария Ганнибалова”.

Мария Алексеевна предложила мужу “внезаконный развод по обоюдному письменному договору” — “отзыву”. Такие частные домашние разводы были распространены при Екатерине II среди дворян. В это время разъезды супругов стали делом обычным. Именно тогда появились “соломенные” вдовы и вдовцы. “Партикулярные разводы” получили широкое распространение, потому что законные разводы были затруднены — соединить и разъединить мужа с женой могла только церковь. Но разъезды по обоюдному согласию не могли затрагивать имущественных прав супругов и, конечно же, не давали права вступать в новый брак.

Своим письмом Мария Алексеевна не только предоставляла мужу свободу, но и отказывалась от материальных притязаний. Такое предложение, по ее расчетам, должно было устроить мужа, и она не ошиблась. Видимо зная, где находится Осип Абрамович, 18 мая 1776 года Мария Алексеевна отправляет ему это письмо.

Ответ приходит с необыкновенной по тем временам быстротой. Осип Абрамович долго не раздумывал. Уже 29 мая 1776 года, несколько задетый тем, что жена первая предоставила ему свободу, он пишет ей, охотно соглашаясь на предложенные условия: “Я издавна уже оное ваше желание и нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличившиеся ваши в досаждение мое, и несносные для меня поступки и поныне от вас носил с крайним оскорблением, и затем ныне я во всем по предписанному вашему требованию и со стороны моей согласуюсь и, в ваше удовольствие, как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня свободу навеки, а дочь ваша Надежда припорушена от меня в Красном Селе моему приятелю... Александру Осиповичу Маазу для отдачи вам, которую и можете от него получить... а кормилица при ней как не собственная моя, так я и власти не имею

С.Ю.Пушкина. С портрета Г.Сердюкова (?).
Третья четверть XVIII в.

оставить вам при дитяте, и затем желаю пользоваться вам златою вольностию, а я впоследствии называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал”.

В этом письме Осип Абрамович пишет: “...дочь ваша Надежда”, повторит то же и в других документах, делая вид, что Надежда Осиповна не его ребенок. Но когда минуют страсти и Надежда Осиповна вырастет, когда ее, так похожую на отца, в свете будут называть прекрасной креолкой, когда она выйдет замуж, Осип Абрамович переменит к ней отношение. Он будет гордиться и ею, и своим образованным зятем, Сергеем Львовичем Пушкиным.

Мария Алексеевна с дочерью вскоре уехала в деревню к родным, не имея средств к существованию в Петербурге. Здесь она повергла в отчаяние все семейство Пушкиных своими бедственным положением и поступком, от горя умер ее отец Алексей Федорович. Вот как об этом позднее писала Мария Алексеевна:

“Издав я для заплаты долгов мужа моего все мое движимое и недвижимое имение... покинута с малолетнею дочерью и оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в деревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни и скончался”.

Родные, чем могли, помогали Марии Алексеевне. Она некоторое время жила у матери, братьев, затем у московских и петербургских родственников. Но года через три ей стало известно, что Осип Абрамович женился.

9 января 1779 года О.А.Ганнибал обвенчался с псковской жительницей — новоржевской помещицей Устиньей Ермолаевной Толстой, урожденной Шишкиной, вдовой капитана Ивана Толстого. Венчание происходило в имении Толстой, в Новоржевском уезде, в церкви Амвросьевского погоста. Жених дал подписку, что вдов, и священник, не подозревавший обмана, обвенчал их. Позднее, при разборе дела, Осип Абрамович ссылался на будто бы дошедшую до него весть о смерти его первой жены, которую он проверять не стал. Судя по всему, истинное положение вещей было известно его второй жене; чтобы не остаться в проигрыше в случае раскрытия обмана и аннулирования брака, она перед свадьбой потребовала от Ганнибала “рядную запись”, в которой он расписался, что получил за ней приданого разными вещами на двадцать семь тысяч с лишним рублей.

Осип Абрамович, “сорвиголова и ужас семьи”, был горяч, легкомыслен и чрезвычайно доверчив. Пушкин писал о нем в автобиографических записках: “Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка была принуждена подать просьбу на имя императрицы...”

В отличие от доверчивого О.А.Ганнибала, “капитаншу Толстую” документы, сохранившиеся в Государственном архиве Псковской области и Российском государственном историческом архиве, характеризуют как опытную сутяжницу и ростовщицу.

Дело о двоеженстве О.А.Ганнибала разбирала Псковская духовная консистория еще задолго до решения его правительством, 11 июня 1781 года. Его брак с Толстой был расторгнут, венчавший их священник лишен прихода и заточен на полгода в монастырь. На Ганнибала наложена “семилетняя эпитимия с отправлением в монастырь в подначалие на год”.

В это время попавшему в беду Осипу Абрамовичу пытался помочь Я.Е.Сиверс, генерал-губернатор Пскова, но даже его ходатайство не имело успеха. По требованию консисто-

рии Осипа Абрамовича за двоеженство отстранили от службы в Пскове — лишили должности заседателя Совестного суда и дворянского заседателя.

Процесс же между Марией Алексеевной и Осипом Абрамовичем все еще тянулся. До решения дела правительство собирало сведения о той и другой стороне. Осип Абрамович и Толстая боролись за нерасторжение их брака. Он возводил небылицы на первую жену, обвиняя ее в безнравственном поведении, повторяя, что Надежда Осиповна — не его дочь, и дал ход “отзыву” Марии Алексеевны, в котором она первая предложила разъехаться. Толстая также “припадает к стопам” “всечеловеколюбивой матери Отечества” и в письме к императрице называет иск Марии Алексеевны “неправедной фамилии Пушкиных происками”.

Не случайно еще до решения дела Марии Алексеевны правительством старший из братьев Ганнибалов, Иван, стремился принять меры, которые помешали бы его брату Осипу продавать или закладывать деревни. Иван Абрамович опасался, что, пока решается дело его племянницы и невестки, Толстая успеет расточить имение брата. Ему стало известно, что Осип Абрамович под влиянием второй жены уже пытался заложить в Дворянском банке часть имений, полученных после смерти отца. Из дел Государственного архива Псковской области видно, что Осип Абрамович действительно добивался этого. В 1782 году контора Санкт-Петербургского дворянского банка наводила справки в Пскове, “состоят ли за ним деревни и в них души”. Всего он собирался заложить 11 деревень и 138 душ крестьян.

В феврале 1782 года генерал-поручик И. А. Ганнибал пишет из Херсона в Петербург одному из сослуживцев — влиятельному чиновнику военного ведомства П. И. Турчанинову, прося о содействии “в рассуждении дочери брата моего, которая... по непримиримому несогласию родителей своих безвинно пострадать может...”. Иван Абрамович предлагает “просить правление доставшееся на часть брата моего после отца недвижимое имение запретить ему продавать и закладывать”.

Он далее просит учесть при решении дела невестки, что если при разделе с братьями Осипу “достаются деревни и усадьбы в двух местах, то чтобы одно было отдано ему, а другое — невестке с дочерью на содержание, как единственной наследнице и всего имения”.

В другом письме Турчанинову, от 8 ноября 1783 года, Иван Абрамович осуждал поведение брата, как человека, потерявшего здравый рассудок, и стремился “к прекращению всего и недопущению фамильных... дел к обремененному важнейшими делами престолу...”. Тогда же он сообщал Турчанинову о решении своем выделить “из доставшегося... после отца нашего капитала... на содержание ея (т.е. невестки. — *Н.Г.*) и воспитание малолетней дочери брата... десять тысяч рублей”. Завещанный отцом капитал Иван Абрамович, как старший из братьев, должен был разделить между всеми наследниками. Тогда же он извещал о том брата Осипа: “Я принужденным нашелся доставить им пропитание из означенных вам денег... следственно претензий к получению сего не имеете, сие вам покажется может быть обидно, но я считаю тем исполнить долг честного человека и доброжелательного вам брата”.

Но Осип Абрамович не согласился с таким решением и позднее возбудил судебное дело против Ивана Абрамовича, которое тянулось много лет.

Наконец 17 января 1784 года вышел указ императрицы, согласно которому законной женой Осипа Абрамовича признавалась Мария Алексеевна; Осипа Абрамовича вместо “семилетней эпитимии”, наложенной на него консисторией, было приказано послать “на кораблях в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим соделанное им преступление заслужить мог”. Дочери выделялась четвертая часть имения отца.

В последнем же пункте указа говорилось: “Что принадлежит по прошению Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной в оставлении ей на прожиток из мужнего имения, то как она в письме своем к мужу ея Осипу Ганнибалу от 18-го мая 1776 г.... написала, что она от него и от наследников его на содержание свое ничего требовать не будет, то за тем ныне ей при живом ее муже, как на то и закону нет, из имения его ничего определять не следует”.

Мария Алексеевна выигрывает процесс не полностью. Большую роль при решении дела сыграл ее “отзыв”, хотя юридической силы он иметь не мог и было ясно, что писалось это письмо “только для получения дочери своей”. Возможно, оказали определенное впечатление наветы на Марию Алексеевну Осипа Абрамовича и его второй жены. Неприятные ассоциации могла вызвать у императрицы и сама

фамилия истицы — “Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной”. Известно, что представитель этого рода Лев Александрович Пушкин (родственник Марии Алексеевны, родной дед поэта) “за противодействие восшествию на престол Екатерины II был заключен в крепость, где пробыл два года”, а затем “уволен от службы за болезнями”. Об этом писал Пушкин в стихотворении “Моя родословная”:

*Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.*

После расторжения брака с Осипом Абрамовичем Толстая долго мстила Ганнибалам. В особенности пострадал младший из братьев — Исаак Абрамович, один из ее должников.

В 1796 году Толстая возбудила процесс против бывшего мужа и обратилась к императору Павлу. Она требовала с Осипа Абрамовича долг по “рядной записи”. По этому поводу в прошении от 23 марта 1797 года “на высочайшее имя” О.А. Ганнибал писал: “...она (рядная запись. — Н.Г.) действительно мною дана; но не получая за нею приданое ни малой части из означенного числа, коего она по состоянию ее до замужества, кое известно всему Псковской Губернии благородному обществу, такового немаловажного количества она иметь никогда не могла, а дана она из одной моей к ней любви и приверженности... я, живши еще с нею... построил ей в городе Пскове дом, в коем она ныне сама живет и пользуется онаго доходами; под городом купил дачу... Зделано мною ей по ее желанию довольное число бриллиантовых вещей и серебро, доставшееся мне по разделе с братьями по кончине Родителя нашего, все мною ей предоставлено, что составит суммою против рядной, и она, признав уже себя удовлетвореною по оной, дала мне в том и расписку... Но во усугублению совершенного моего несчастья она ея росписка у меня по бытности моей в ее доме похищена, а она... означенную рядную представила правительству...”

Когда много лет спустя, в 1806 году, после смерти Осипа Абрамовича, сельцо Михайловское Псковской губернии перешло к его единственной законной наследнице — Надеж-

де Осиповне, имение было обременено тяжелым судебным процессом, длившимся несколько лет.

* * *

Мария Алексеевна с дочерью до указа императрицы жила у Ивана Абрамовича Ганнибала в Суйде, затем она поселилась в выделенной им деревне Кобринно, на мызе Руново. Но Осип Абрамович не сдается и затевает новые судебные дела. Его понуждали к дальнейшим действиям и полновинчатое решение императрицы, по которому ничего не выделялось Марии Алексеевне, и то обстоятельство, что высочайший указ 1784 года был сформулирован недостаточно отчетливо. Осип Абрамович получил по наследству 323 души (считались только души мужского пола), из них в деревне Кобринно под Петербургом 107 душ и в мызе Руново 3 души. Было не совсем ясно, откуда надлежало выделить четвертую часть — из всего ли имения Осипа Абрамовича, считая и сельцо Михайловское, или только из деревни Кобринно. Опекуны держались первого толкования, а Осип Абрамович — второго.

Опекунами над малолетней Надеждой Осиповной были назначены генерал-майор Петр Абрамович Ганнибал и статский советник Михаил Алексеевич Пушкин — братья супругов с той и другой стороны. В споре с опекунами Осип Абрамович ссылался на закон о наследстве, по которому дочерям полагалась всего четырнадцатая часть. Это составило бы 23 души, примерно четвертую часть деревни Кобринно. Но этот довод Осипа Абрамовича был неоснователен, ибо такая доля дочерям полагалась при наличии братьев, а Надежда Осиповна была единственной наследницей. Дворянская опека запросила о размерах выдела Верховный земский суд, который предписал и деревню Кобринно, и мызу Руново отдать на содержание Надежды Осиповны. Осип Абрамович опять запротестовал, а когда в силу высочайшего указа ему пришлось отправиться на кораблях в Северное море (вместо первоначально определенного Средиземного), за него продолжала судиться Толстая. Она обратилась в гражданскую палату и вначале имела успех.

По новому решению деревню Кобринно предлагалось разделить на две части: одну часть оставить Осипу Абрамовичу, другую — Надежде Осиповне. Но тогда запротестовали

М.А.Ганнибал (?). С миниатюры неизвестного художника.
Начало 1770-х гг.

опекуны и обратились в Сенат. На этом дело кончилось. Деревня Кобрино с мызой Руново оставалась в ведении дворянской опеки, и доходами с них пользовалась Мария Алексеевна с дочерью. Тщетно продолжали подавать прошения на высочайшее имя Толстая и вернувшийся из дальнего плавания Осип Абрамович.

К 1790-м годам материальное положение Марии Алексеевны Ганнибал улучшилось. Доходы с имения и десять тысяч рублей, выделенные Иваном Абрамовичем из наследства отца на воспитание племянницы, дали возможность бабушке Пушкина жить безбедно. Она в то время купила собственный дом в Петербурге, “в Преображенском полку”.

Мария Алексеевна усердно занималась воспитанием дочери. Большое внимание уделял Надежде Осиповне холостой и бездетный Иван Абрамович, привязавшийся к племяннице. К ней приглашают лучших гувернанток и учителей, она обучается французскому языку, танцам — получает великосветское воспитание. Благодаря знакомствам, посещениям театра и родственным связям Марии Алексеевны мать и дочь общались с самыми образованными людьми Петербурга.

Дом Марии Алексеевны посещают сыновья ее родственника Льва Александровича Пушкина — Василий и Сергей

Львовичи (Мария Алексеевна доводилась им троюродной сестрой) — блестящие гвардейские офицеры и образованные молодые люди. Оба они писали стихи и имели обширные литературные знакомства.

Судя по программе автобиографических записок, Пушкин собирался описать их жизнь в столице до женитьбы Сергея Львовича. А в “первой программе” записок читаем: “Отец и дядя в гвардии... Их литературные знакомства...”

К сожалению, Пушкин не написал автобиографию. Какими бесценными могли бы стать страницы семейной хроники и истории — это был конец царствования Екатерины II и начало Павла II! Уцелел только крохотный фрагмент воспоминаний в пометах Пушкина на книге П.А.Вяземского о Фонвизине. Оказывается, Мария Алексеевна была на первых представлениях “Недоросля” в Петербурге и потом рассказывала об этом внуку.

“Бабушка моя сказывала мне, — писал поэт, — что в представлении Недоросля в театре бывала давка...”

Будущая мать поэта воспитывалась в блестящей культурной среде. Надежда Осиповна была умна, остроумна, необыкновенно привлекательна. Время как бы приготавливает ее к тому положению, которое она займет позднее в Москве, когда, став женою Сергея Львовича Пушкина, будет принимать у себя в доме светское общество и всю литературную Москву.

Братья Пушкины летом бывают на мызе Руново, а познакомившись с Ганнибалом, они гостят и в Суйде.

Сергей Львович, 26-летний гвардейский капитан-поручик, сватается к своей внучатой племяннице Надежде Осиповне Ганнибал, и предложение его принимается.

Сохранился документ Воскресенской суйдинской церкви, где говорится, что 28 сентября 1796 года здесь венчались “Лейб-гвардии Измайловского полку поручик отрок Сергей Львович сын Пушкин, артиллерии морской 2-го ранга капитана Осифа Абрамовича Ганибала з дочерью ево девицей Надеждой Осиповой, оба первым браком”.

Поручителями были со стороны невесты родной дядя “генерал поручик и ковалер Иван Абрамович Ганибал”, со стороны жениха — “пример майор Павел Федоров сын Малиновский” — брат будущего директора Царскосельского Лицея, известного русского просветителя Василия Федоровича Малиновского.

Н.О.Пушкина. Миниатюра
Ксавье де Местра. 1800-е гг.

С.Л.Пушкин. С портрета
К.Гампельна. 1824 г.

После свадьбы молодые поселились “в Измайловском полку”. Вскоре и Мария Алексеевна, продав свой прежний дом, купила другой, поближе к дочери и зятю, также “в Измайловском полку”.

Мария Алексеевна, которая сама была несчастлива в браке, вероятно, была довольна семейной жизнью дочери. Надежда Осиповна и Сергей Львович на редкость подходили друг к другу. По словам первого биографа Пушкина П.В. Анненкова, “они совершенно сошлись по своему знанию французской литературы и светскости”. Позднее их стали называть Филимоном и Бовкидой, по имени неразлучных и любящих супругов из древнегреческой мифологии.

Летом Пушкины и Мария Алексеевна жили на мызе Руново. Со времени замужества Надежды Осиповны деревня Кобринно и Руново становятся ее приданым. К ней позднее (с 1806 года, после смерти отца) перейдет и сельцо Михайловское в Псковской губернии.

А до замужества Надежды Осиповны Кобрином распоряжался ее дядя, брат матери, Михаил Алексеевич Пушкин, один из опекунов, в то время как юридически деревня принадлежала О.А. Ганнибалу. Так, в 1795 году “ревизскую сказку” составил “Руновской мызы староста Филип Трофи-

мов” не от имени Надежды Осиповны, а “флота артиллерии капитана второго ранга Иосифа Аврамовича Ганнибала”. В ней “с ведома господина своего” Филип Трофимов писал “о положенных по последней 1782 года ревизии в вышеописанных показанного господина моего мызе и деревнях в подушном окладе дворовых людях и крестьянах с показанием истого числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых, по самой истине, без всякой утайки...”.

Эта “ревизская сказка” интересна для нас и тем, что в ней упоминается о семье няни А.С.Пушкина Арины Родионовны, жившей в Кобрине с 1781 года.

КРЕСТЬЯНКА СЕЛА КОБРИНО АРИНА РОДИОНОВНА

Судьба Арины Родионовны, воспетой А.С.Пушкиным в ряде его произведений, теснейшим образом связана с Ижорской землей, или, как ее называли шведы, Ингерманландией, ее сложной и трудной историей, особенностями освоения и заселения.

На протяжении нескольких веков здесь сталкивались культуры разных народов — старой новгородской и финской, шведской и затем великорусской.

Ингерманландия была страной бедной и малонаселенной. После завоевания ее шведами из-за тяжелых условий иностранного господства и насаждения лютеранства множество русских людей и принявших православие карелов переселилось в Россию. По окончании Северной войны предстояло вновь заселить этот край.

Петр I, раздавая завоеванные земли государственным деятелям, полководцам и членам царской фамилии, обязывал новых владельцев заселять поместья крестьянами из великорусских губерний.

Так появились здесь в начале XVIII века русские переселенцы — “переведенцы”, как их называли, из-под Москвы, Калуги, Рязани, Костромы и других мест.

С 1715 по 1725 год сюда были переведены более четырех тысяч крестьянских семей. Теперь население Ингерманландии составляли жившие здесь со времен новгородского владычества русские, карелы, крещенные еще в XIII веке новгородским князем Ярославом, и новые русские “переведенцы”. Среди населения было много и финнов (лютеран), пе-

реселенных сюда шведами в период их господства и оставшихся здесь по освобождении края. И в каждом доме, в каждой семье сохранялись свои национальные традиции и свои памятники устного народного творчества. Так скудная Ижорская земля стала необычайно богата сказками и песнями.

На этой земле родилась талантливая сказочница, впитавшая в себя всю премудрость народной поэзии этих мест, — Арина Родионовна, будущая няня великого русского поэта.

Мать Арины Родионовны — Лукерья Кириллова — считалась “старинной села Суйды”. Предки ее были новгородцами, жили здесь с древних времен и давно сроднились с такими же старожилами этих мест — карелами.

Как вспоминал, рассказывая об Арине Родионовне, Петр Парфенов, кучер А.С.Пушкина, на родине няни сохранился и старинный новгородский диалект — “тягучая напевная речь с характерными интонациями”.

А вот отец Арины Родионовны — Родион Яковлев, вероятно, был потомком переселенцев либо крещеных карелов (чуди). Его родители рано умерли. Мальчик остался круглым сиротой и был взят приемным в семью бездетных крестьян — Петра Полуектова и его жены Вассы Емельяновой, живших в селе Воскресенском. В одном дворе с ними он остался жить и после своей женитьбы на Лукерье Кирилловой. Здесь и дети их родились: дочь Евдокия и сын Семен. Вторая дочь родилась 10 апреля 1758 года. Крестили ее в суйдинской Воскресенской церкви и назвали именем тетки — “старинной сего села” Ирины Кирилловой. В быту же ее с детства стали звать Ариной. Восприемниками при крещении были родной дядя — крестьянин Ларион Кириллов, также “старинный села”, и крестьянская дочь, девица Ефимия Лукина.

В течение первого года своей жизни Арина Родионовна была крепостной графа Федора Алексеевича Апраксина, а после того как он продал мызу Суйда и близлежащие деревни вместе с крепостными прадеду А.С.Пушкина — стала принадлежать А.П.Ганнибалу.

Через четыре года после женитьбы Родиона Яковлева скончалась Васса Емельянова — его приемная мать, и Петр Полуектов вторично женился на “пасешнице Суйдовской мызы”, вдове Настасье Филипповой, у которой были две

дочери и сын Еремей Агафонов (позднее он женился на старшей сестре Арины Родионовны).

В 1768 году, когда Арине Родионовне было десять лет, она потеряла отца. Родион Яковлев умер тридцати девяти лет от роду, оставив семь детей (двоих сыновей и пять дочерей). В 1772 году умер и Петр Полуектов, на четыре года переживший своего приемного сына Родиона Яковлева. После смерти кормильцев обе семьи, состоявшие главным образом из малолетних детей, продолжали жить вместе.

Крестьяне деревни Кобринно находились на оброке. Возможно, обе вдовы — Настасья Филиппова и Лукерья Кириллова — кормились рукоделием, к которому приучали и дочерей. Братья Арины Родионовны были еще малы, Еремей Агафонов оказался в доме единственным мужчиной-кормильцем.

Арина Родионовна с детства привыкла к самой тяжелой крестьянской работе, умела прясть, ткать, шить, вышивать, вязать и плести кружева. Вероятно, потому, что с детства сама была мастерицей, она позднее учила рукоделию дворовых девушек в Михайловском. Под ее началом там работали крепостные швеи, ткавшие и вышивавшие “господские уроки”.

И.И.Пуцин, навестивший Пушкина в михайловской ссылке, вспоминал в “Записках о Пушкине”, что в няинной комнате “стояло множество пяльцев”. “Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами...” — писал друг поэта.

Когда в 1780 году женился старший из братьев Арины Родионовны, Семен Родионов, настала и ее очередь выходить замуж (старшая сестра Евдокия уже была за Еремеем Агафоновым).

В одном из своих рисунков А.С.Пушкин увековечил молодой образ своей няни. Как бы убрав морщины с ее лица, поэт представил себе Арину Родионовну в девичестве. Он изобразил ее молодой и задорной деревенской девушкой в сарафане, с длинной косой и девической повязкой на голове. Такой, как на этом портрете, возможно, была Арина Родионовна накануне замужества.

Засватали Арину Родионовну за кобринского крестьянина Федора Матвеева. Со свадьбой родные жениха и невесты торопились. Владелец Воскресенского и Кобрин старик Ганнибал был при смерти. После него вотчину должны

были разделить его сыновья. Если один из них захотел бы продать деревню, то жених и невеста были бы разлучены и брак их состояться не смог бы.

Согласно церковной записи, 5 февраля 1781 года в суйдинской Воскресенской церкви были повенчаны “деревни Кобрина крестьянской сын отрок Федор Матфеев, деревни Суйды с крестьянской дочерью девкою Ириньей Родионовой, оба первым браком”. “По ним поруки подписались: деревни Таиц Кузма Никитин, Ефим Петров, Семен Родионов, Ларион Кирилин”. Среди поручителей со стороны невесты были старший брат Семен Родионов и крестный отец, родной дядя Ларион Кириллов.

Федор Матвеев, как и Арина Родионовна, был сиротой, избы своей в Кобрине не имел, до брака он жил в семье сестры своей Марии Матвеевой. На первых порах молодые приютились в избе Онисия Галактионова и прожили с его большой семьей несколько лет. Затем перешли в дом Давида Варфоламеева. В их деревне редкая семья жила отдельным двором. Крепостной двор состоял обычно из двух и даже из трех семей. Можно только удивляться, как помещалось в маленьких избах такое количество людей.

В семье Арины Родионовны и Федора Матвеева в 1782 году родился сын Егор, через четыре года — дочь Надежда, еще через два года — дочь Мария. Последний ребенок — сын Стефан — родился в 1797 году.

Так, в условиях крайней стесненности и скудности, не имея собственного угла, прожила семья Арины Родионовны около четырнадцати лет, до тех пор, пока она не взята была в услужение в семейство Пушкиных — Ганнибалов. Вскоре после того, в 1795 году, бабушка Пушкина — Мария Алексеевна построила в Кобрине для семьи Арины Родионовны отдельную избу. Семья состояла тогда из пяти человек. В “ревизской сказке” 1795 года, о которой говорилось выше, все перечислены и указан возраст каждого: “Федор Матвеев — 39, у него жена Иринья Родионова — 37, у них дети, писанные в последнюю пред сим ревизию, — Егор 13¹/₂, рожденные после ревизии Надежда — 7, Марья — 4”.

Живя в Рунове, Арина Родионовна часто могла бывать в своем доме. А когда на зиму она уезжала с господами в Петербург, семья ее оставалась на попечение золовки и другой родни.

КОРМИЛИЦА И НЯНЯ В СЕМЬЕ ПУШКИНЫХ

Арина Родионовна вышла замуж и переехала к мужу в Кобрин в очень трудное время: в суде решался вопрос, кому будет принадлежать деревня — малолетней Надежде Осиповне или ее отцу?

Как свидетельствуют документы, “в споре обоих супругов крестьяне Кобринно были на стороне Марии Алексеевны...”. У них был свой интерес. Больше всего крестьяне боялись раздела деревни между спорящими сторонами. Они не хотели оставаться за Осипом Абрамовичем, который мог их продать либо подарить Толстой, разлучив с близкими, с родной деревней. По воспоминаниям Ольги Сергеевны, сестры Пушкина, Осип Абрамович так и поступил с крестьянами села Михайловского: “...выселил оттуда душ шестьдесят в пустошь, подаренную им Устинье Ермолаевне...”

Кобринский крестьянин Федор Матвеев и его бойкая, красноречивая жена Арина Родионовна пользовались уважением жителей деревни, без их участия не обходились крестины, свадьбы и другие события деревенской жизни. Были они на виду и у господ.

Арина Родионовна становится “близка к дому Марии Алексеевны”. Первое их знакомство состоялось еще тогда, когда младшая сестра Арины Родионовны, Евдокия, вышла замуж за дворового человека Суйдовской мызы Семена Кононова. “Своим острым разговором и бойкостью Арина Родионовна могла обратить внимание господ на себя. <...> Всем этим объясняется, что в 1792 г. Арина Родионовна была взята Марьей Алексеевной в дом покойного опекуна Надежды Осиповны, Михаила Алексеевича Пушкина... ко времени рождения его сына Алексея”.

Всеми уважаемая крестьянка Арина Родионовна была взята, по одним сведениям, в няни, по другим — в кормилицы, что тоже было возможно. К тому времени ее младшей дочери Марии (родилась 1 апреля 1789 года) шел третий год, а прежде детей кормили грудью подолгу.

Двоюродный дядя поэта Александр Юрьевич Пушкин вспоминал: “...когда дядя мой, Михайло Алексеевич Пушкин в 1791-м году женился на Анне Андреевне Мишуковой... и в 1792-м году родился сын Алексей, то Марья Алексеевна Ганнибалова дала ему в кормилицы из Кобринна вышписанную Арину Родионовну... Ирина... оставлена была

у него в няньках до 1796-го года...” Далее в этих же воспоминаниях А.Ю. Пушкин говорит: “...дочь Ирины Родионовой, Марья, молочная сестра брата моего Алексея Пушкина...”

Положение няни, и в особенности кормилицы, считалось почетным. Они сами, их семьи находились на особом счету, часто их даже отпускали на волю.

Изда, которую специально построили для семьи Арины Родионовны, была несколько просторнее, чем обыкновенные крестьянские дома в то время. Правда, топилась она по традиции “по-черному”. “Белые” избы в Петербургской губернии строили только государственные податные крестьяне, платившие подати непосредственно государству. У помещичьих крестьян они были редкостью.

20 декабря 1797 года у Марии Алексеевны родилась внучка Ольга. После ее рождения Арина Родионовна была взята в семью Пушкиных. Жизнь ее теперь еще более тесно связывается с ними: она вынянчила всех их детей. Ольга Сергеевна вспоминала, что ее няня “Арина Родионовна, воспитая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая, по имени Улиана. <...> Между тем родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею”. Есть предположение, что к Ольге Арина Родионовна вначале взята была не в няни, а в кормилицы. В это время у Арины Родионовны был грудной сын Стефан. В беседе с Н.В.Бергом младшая дочь Арины Родионовны Марья Федорова вспоминала о матери: “...только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом уж к Александру Сергеичу была в няни взята”.

А.И.Ульянский считал, что “показание Марьи Федоровой о том, что мать ее выкормила Ольгу Сергеевну, может быть, заслуживает некоторого внимания”. И далее: “Приставленная к Ольге Сергеевне сначала как кормилица (возможно и временно), она могла остаться затем ее няней и няней последующих детей Пушкиных. Известно, что Арина Родионовна метко прозвала Ольгу Сергеевну “занавесочной барышней”, так как Ольга Сергеевна принимала кормление грудью лишь с закрытыми глазами”.

С сестрой, которая была старше всего на полтора года, Пушкин был дружен и до поступления в Лицей неразлучен. Естественно, что и Арину Родионовну, возможно бывшую кормилицу сестры и их общую няню, он стал назы-

вать мамой. А.П.Керн писала о Пушкине в “Воспоминаниях”: “Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры”.

Кучер Пушкина Петр Парфенов, дворовый села Михайловского, который Пушкина “помнил хорошо и знал”, в 1859 году так отвечал на вопросы литератора К.А.Тимофеева: «“А няню его помнишь? Правда ли, что он ее очень любил?” — “Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то... И он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: “здорова ли, мама?” — он ее все мама называл. <...> И уже чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней”».

“Была она настоящею представительницею русских нянь”, — вспоминала об Арине Родионовне Ольга Сергеевна. К детям в господские семьи брали кормилиц и нянь. К мальчикам еще приставляли “дядек” (известно, что у Пушкина был Никита Козлов, верный и преданный “дядька”, проводивший поэта до могилы). Эти простые люди любили чужих детей, как своих, отдавали им все, на что способна привязчивая и добрая русская душа. Эту восходящую к глубокой старине патриархальность отношений, любовь и преданность людей из народа Пушкин запечатлел в своем творчестве. Савельич в “Капитанской дочке”, няня Татьяны и Анисья, ключница Онегина в романе “Евгений Онегин”, няня Орина Бузырева в “Дубровском” — во всех этих героях есть черты, роднящие их с реально существовавшей Ариной Родионовной.

Великий поэт, по словам П.В.Анненкова, любил няню “родственную неизменною любовью и в годы возмужания и славы беседовал с нею по целым часам”.

По оставленной Пушкиным “программе записок” можно судить, что он собирался подробно описать события в жизни родителей и до и после своего рождения: “Свадьба отца... Рождение Ольги — Отец выходит в отставку, едет в Москву — Рождение мое”. Далее среди впечатлений детства стоит — “Няня”. “Записки” Пушкин не написал, но об Арине Родионовне поведал в своих произведениях.

Вскоре после рождения дочери Ольги Сергей Львович вышел в отставку и переехал с семейством на постоянное жительство в Москву, где жили его мать, брат Василий Львович и другие родственники. Арина Родионовна, как кормилица и няня Ольги Сергеевны, уехала вместе с ними. Из

церковной записи известно: “в Москве в 1799 году, мая 26-го дня, в день Вознесения”, родился у Пушкиных сын Александр.

Мария Алексеевна также решила перебраться в Москву, а Кобринно продать “по причине связанных с ним тяжелых воспоминаний” и под давлением желавших этого дочери и зятя. В 1804 году ею было куплено подмосковное село Захарово, здесь проходили детские годы А.С.Пушкина. Но уже в 1811 году это село было продано Марией Алексеевной, так как обстоятельства жизни родителей поэта снова изменились и они собирались вернуться в Петербург.

Кобринно Мария Алексеевна продала в 1800 году. Семья Арины Родионовны была исключена из “запродажной”. Что же стало далее с ее членами? О судьбе их некоторые сведения сообщает в “Воспоминаниях” Ольга Сергеевна: “Когда Марья Алексеевна... продала его (Кобринно. — Н.Г.)... то при этом случае отпустила на волю Арину Родионовну с двумя сыновьями и двумя дочерьми...” Няню к этому времени сестра Пушкина считала вдовой. Далее из ее рассказа следует, что Арина Родионовна, привыкнув к своим питомцам, о вольной “и слышать не хотела”. Но отказалась ли она от нее только для себя или для всей семьи — не совсем ясно. В “Воспоминаниях” Ольги Сергеевны вполне определенно сказано только о судьбе Марьи — младшей дочери Арины Родионовны: “Эта Марья... привезена была в Захарово и вскоре, по желанию ее матери, отдана замуж за одного из зажиточных крестьян захаровских”. Таким образом, Марья, выданная замуж за крепостного человека, крестьянина Алексея Никитина, сама стала крепостной. Когда Мария Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить все семейство Марьи, няня об этом “и слышать не хотела”. “На что вольная, матушка; я сама была крестьянкой”, — повторяла она. Из рассказа Ольги Сергеевны следует, что няня отказалась от вольной для дочери Марьи и ее семьи.

Из приводимых А.И.Ульянским в его книге документов можно предположить, что муж Арины Родионовны Федор Матвеев умер в период между 1801 и 1802 годами, дети же ее вольной не получили. Но по этим же и дополнительным источникам можно судить, что и она сама, и дети (дочь Надежда и сыновья Егор и Стефан) фактически пользовались свободой и в разное время подолгу жили в своей родной де-

ревне Кобрينو, но позднее оказались в селе Михайловском среди дворовых.

Отпустить на волю семью няни Мария Алексеевна, видимо, собиралась (не случайно это запомнила ее внучка Ольга Сергеевна), но не отпустила. Возможно, это уже не зависело от бабушки Пушкина, ведь деревня Кобрينو была приданым Надежды Осиповны. Не потому ли Арина Родионовна решила дочь лучше оставить среди захаровских крестьян, что положение остальной ее семьи было неопределенным — то ли они вольные, то ли нет? К тому времени няня уже хорошо знала своего нового хозяина — Сергея Львовича Пушкина, его скупость и бесхозяйственность. Семью Марьи исключили бы из “запродажной” Захарова, а затем могли бы перевести в Михайловское. Положение же крестьян в разоренном дедушкой А.С.Пушкина Михайловском поместье было гораздо хуже, чем в сельце Захарове.

Однако очевидно и то, что семья Арины Родионовны находилась на особом положении, как семья кормилицы и няни. Членам ее хотя и не дали вольную, но предоставляли какие-то льготы. На определенное время их отпускали, они могли иметь побочный заработок или помогать по хозяйству родственникам в своей деревне. Такая форма отношений барина с крепостным была распространена вблизи больших городов, особенно Петербурга и Москвы. Крестьяне (обычно дворовые помещика или его оброчные крестьяне) могли искать заработки в городах на сезонных работах. Мужчины устраивались в извозчики, кучера, дворники; женщины — в горничные, няни, кухарки. Частью заработанных денег они платили помещику оброк. Подобные отношения, видимо, существовали у Сергея Львовича с членами семьи Арины Родионовны. Но по истечении срока дети няни должны были возвращаться к помещику.

Так, в 1808 году дочь Арины Родионовны Надежда Федорова, как свидетельствуют документы, “живет в доме Пушкиных в Москве на Поварской улице, при матери, среди многочисленной дворни”. А по “ревизским сказкам” 1816 года Арина Родионовна значится в Михайловском среди дворовых Пушкиных, и с нею вместе сыновья Егор и Стефан, “жена Егора Аграфена и дочь их Катерина”. В другие же годы, как можно судить по документам, они отсутствуют среди дворни Пушкиных. Не иначе как особым положением семьи няни можно объяснить эти факты.

Мария Алексеевна, не сумевшая отпустить детей Арины Родионовны на волю, все же как-то позаботилась о них. В деревне Кобрينو оставался дом, специально выстроенный для семьи няни. Продавая в 1800 году деревню вместе с крестьянами и всеми строениями, бабушка Пушкина, очевидно, договорилась с новыми владельцами, что в этой избе останутся жить на неопределенное время муж и дети Арины Родионовны, исключенные из “запродажной” Кобрина; впоследствии же при необходимости в дом поселят односельчан из их родни.

Таким образом, няня и ее дети в любое время могли найти приют в родной деревне, что всегда было мечтой каждого крестьянина.

Кобрينو было продано, а семья Арины Родионовны продолжала жить в своей избе до 1807 года. В 1802 году после смерти мужа няни, Федора Матвеева, к осиротевшим детям подселили семью его сестры Марьи Матвеевой. Вскоре женился старший сын Арины Родионовны Егор Федоров. Теперь вместе с его женой Аграфеной Ивановой, судя по исповедным росписям суйдинской церкви, в этом доме жили еще ее отец и мать.

Так в этой избе (тогда лучшей в деревне) поселились две родственные семьи, потомки которых продолжали жить в ней до наших дней. Время от времени и после 1807 года здесь бывали Федоровы — дети Арины Родионовны, приезжая помогать родственникам вести хозяйство, косить сено и т. д. Известно, что целых два года, с 1828-го по 1830-й, прожил в Кобрине у родных, в своей старой избе, Егор Федоров вместе с семьей. И сама няня много раз бывала на родине.

Известно, что она приезжала сюда в 1800, 1803 и 1804 годах. Арина Родионовна гостила тогда не только в Кобрине, но и в Суйде, где жили ее мать и брат Семен Родионов, и в Воскресенском у старшей сестры. В 1803 и 1804 годах Арина Родионовна пробыла в этих местах длительное время в связи с печальными семейными обстоятельствами — умерла ее мать Лукерья Кириллова и овдовела сестра Евдокия Родионова.

Бывала няня в родных местах и в последующие годы, когда ее отпускали господа (например, когда в 1814—1816 годах Сергей Львович служил в Варшаве).

27 июня 1818 года, 73 лет от роду, умерла в Михайловском Мария Алексеевна. Ее похоронили в Святогорском мо-

настыре рядом с Осипом Абрамовичем. Муж и жена не виделись с 1776 года — начала их ссоры. “Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга...” — писал их внук в автобиографических записках.

Можно представить, как тяжело пережила няня Пушкина кончину столь близкого для нее человека, ее благодетельницы — Марии Алексеевны. Некоторое время после ее смерти она вновь живет у себя на родине, затем бывает здесь проездом.

В 1824—1826 годах Арина Родионовна вместе с Пушкиным жила в Михайловском, разделив с поэтом его изгнание.

Ольга Сергеевна вспоминала об этом времени так: “Александр Сергеевич, любивший ее (няню. — Н.Г.) с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском”.

А поэт Н.М.Языков, посетивший в Михайловском ссыльного поэта, написал стихи “К няне А.С.Пушкина”:

*Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!*

Воспоминания о старине и народной жизни, которыми щедро делилась Арина Родионовна со своим воспитанником и его друзьями, отразились во многих произведениях Пушкина. И в первую очередь — в “Евгении Онегине”, где Арина Родионовна стала “оригиналом няни Татьяны” под именем Филипьевны, как звали вторую жену Петра Полуектова, “пасешницу Суйдовской мызы”.

Под впечатлением рассказов Арины Родионовны Пушкин наделил няню Татьяны и судьбой Настасьи Филипповой (Филипьевны). Известно по документам суйдинской церкви, что Настасья Филиппова была выдана замуж в первый раз в тринадцать лет. Описание раннего замужества и сватовства Филипьевны Пушкин дает в третьей главе “Евгения Онегина”:

*“Да как же ты венчалась, няня?”
— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.*

Арина Родионовна немало могла порассказать и о жизни господ. Вероятно, много слышала она от родных и односельчан о прежних владельцах — графах Апраксиных. А потом и родной брат ее Семен Родионов стал служить самому Абраму Петровичу Ганнибалу, будучи взят в число дворовых на мызу Суйда. Бывая в гостях у брата и невестки, будущая няня поэта много узнавала от дворовых о хозяине этих мест, которого видала и воочию по праздникам в Воскресенской церкви. Она для Пушкина была живой свидетельницей жизни прадеда поэта и его “дедов” в Суйде.

Арина Родионовна рассказывала не только о годах своего нелегкого детства и девичества, она знала хорошо народные обычаи, помнила много различных деревенских событий, была кладезем познаний крестьянского обихода.

“Поговорим о старине”, — просит няню Татьяна. Вероятно, с той же просьбой Пушкин не раз обращался к Арине Родионовне, “наперснице волшебной старины”, “хранившей в памяти немало старинных былей, небылиц...”.

Няне поэт посвятил много душевных поэтических строк начиная с лицейских лет. Для него она была и “веселая старушка” (“Городок”, 1815), и “мамушка” (отрывок “Сон”, 1816), и муза (“Наперсница волшебной старины...”, 1822). Но после выхода в свет написанной в Михайловском третьей главы “Евгения Онегина” имя Арины Родионовны стало воистину широко известным. Но не только в перечисленных произведениях Пушкин рассказал о своей няне. Иногда поэт говорит о ней, а мы того и не подозреваем. Так, например, в “Повестях покойного Ивана Петровича Белкина”, в предисловии “От издателя”, читаем:

“Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту... поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. ...Крестьяне, коим она всем была кума, ее вовсе не боялись...”

Не вспоминает ли Пушкин в этих строках о себе и своей няне? Не передает ли он здесь ситуацию, возникшую в Михайловском? Ведь известно, что, приехав в августе 1824 года в псковскую ссылку, Пушкин поссорился с отцом, недовольным его новым изгнанием. Вскоре родители, а также брат и сестра уехали в Петербург, после чего поэт вводит в Михайловском новые порядки. Оставленную здесь матерью экономку Розу Григорьевну он самовольно отстраняет и делает вместо нее домоправительницей свою няню. Об этом Пушкин в феврале 1825 года писал брату: “У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать... А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть”. Петр Парфенов, кучер Пушкина, позднее вспоминал о поэте: “...ему, бывало, все равно, хошь мужик спи, хошь пей: он в эти дела не входил”.

И в более поздних своих творениях поэт вспоминал Арину Родионовну, “добрую подружку”, назвав ее “подруга дней моих суровых...” Точнее и сердечнее вряд ли можно было бы охарактеризовать их отношения.

Когда в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года Пушкина увезла из Михайловского фельдъегерская тройка, няня поэта осталась в большой тревоге. “Вдруг рано на рассвете, — вспоминала М.И.Осипова, — является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... Это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца... Бывала она у нас в Тригорском часто, впоследствии у нас же составляла те письма, которые она послала своему питомцу. На этот раз она прибежала вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из расспросов ее оказалось, что вчера вечером... в Михайловское прискакал какой-то — не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было”.

Ссылка Пушкина кончилась. Друг его Антон Антонович Дельвиг 15 сентября 1826 года адресовал письмо поэту из Петербурга уже в Москву, поздравляя “с переменой судьбы”. В этом письме он говорит: “Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою”. Но вскоре поэт вернулся в Михай-

О.С.Павлищева. С портрета
Е.А.Плюшара.
Середина 1830-х гг.

Л.С.Пушкин. С рисунка
А.О.Орловского. Первая
половина 1820-х гг.

ловское и еще более месяца прожил возле своей няни. Пушкин писал отсюда П.А.Вяземскому 9 ноября 1826 года: “Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване”.

После отъезда Пушкина Арина Родионовна скучала, беспокоилась о нем, побывала даже в Петербурге, но поэт тогда находился в Москве.

Сохранились два письма няни к Пушкину, написанных в это время.

Одно из них, от 30 января 1827 года, под диктовку Арины Родионовны писалось кем-то из малограмотных дворовых. “Милостивой государь Александра, Сергеевич, — обращалась к поэту его няня, — имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым, счастьем; и желаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия, а я вас уведомляю, что я была в Петербурге: и об вас никто — не может знать где вы находитесь и твои родители, о вас соболезнуют что вы к ним не приедите... а мы батюшка от вас ожидали, писма когда вы прикажете, привозить книги но не могли дожидатца: то ивозномерились по вашему старому приказу от править: то я и посылаю, больших и малых, книг сщетом — 134 книги... присем любезной

друг я цалую ваши ручки с позволений вашего съто раз и желаю вам то чего ивы желаете иприбуду к вам с искренным почтением

Аринна Родивоновна”.

Второе письмо, от 6 марта 1827 года, написано под диктовку няни в Тригорском Анной Николаевной Вульф, но в нем также переданы подлинные выражения и словно неторопливая и напевная речь Арины Родионовны. Няня сообщает Пушкину, что его родители (поэт с ними еще не совсем примирился после ссоры в Михайловском) летом не будут и что она надеется на его приезд в Михайловское:

“Любезный друг мой Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. <...> Приезжай, мой Ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербург<ские> летом не будут, они <все> едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидиться. <...> Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочик, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родивоновна”.

Няня, скучая по своем “любезном друге”, как она называла его, часто ездила на ближайшую почтовую станцию в надежде услышать о Пушкине от “проезжих” из Петербурга. По воспоминанию современника, она в своем деревенском уединении с восхищением слушала мимолетные рассказы проезжих о том, как громко в России имя Александра Сергеевича. Добрая старушка нарочно часто посещала жену знакомого ближнего зрителя и оставалась иногда по несколько дней гостить на этой станции, где останавливались и помещики, и купцы, и офицеры, и чиновники, и студенты, и кадеты, приезжавшие к родным или по делам службы. Молодежь, читавшая громко наизусть стихи Пушкина, бывшие тогда у всех на устах, особенно восхищала и радовала ее. Она говорила молодым людям, что тот, чьи стихи они теперь читают, был ею взнянчен, и плакала от удовольствия. Некоторые из проезжих любили слушать рассказы ее, и это ей очень нравилось. А иные обещали, отпра-

ляясь в Петербург, передать поклон ее Александру Сергеевичу.

Ближайшей почтовой станцией от Михайловского была Новгородка. Арина Родионовна, возможно, гостила именно на этой станции, надеясь здесь услышать вести о Пушкине. Далее дорога выходила на Белорусский почтовый тракт. Арина Родионовна хорошо знала эту дорогу. Вместе с родителями Пушкина она путешествовала по Белорусскому тракту много раз; не однажды она сопровождала в псковскую деревню и бабушку Пушкина Марию Алексеевну Ганнибал. Ездил няня по этой дороге и без господ, с дворовыми людьми Пушкиных. Обычно помещики сами отправлялись на почтовых (так как это было быстрее), а дворовых людей посылали на своих лошадях либо на нанятых “вольных”, иначе надо было вписывать их в подорожную, что стоило дороже. Если же ехали не на почтовых, то и помещики, и слуги останавливались там, где кормили лошадей, и могли найти ночлег, выбирая дорогу либо короче, либо в расчете навестить в пути родных и знакомых.

Среди дворовых в Михайловском няня занимала особое положение. Так было заведено еще при Марии Алексеевне. После отъезда Пушкина из ссылки она осталась здесь на положении ключницы, хранительницы усадьбы, и исполняла его поручения, в частности отправляла в Петербург книги и вещи поэта, о чем нам известно из письма ее Пушкину от 30 января 1827 года. В нем она сообщала и о своем приезде в столицу. В последний раз няня приехала в Петербург в 1827 году в связи с замужеством Ольги Сергеевны.

Сестра Пушкина вступила в брак с Николаем Ивановичем Павлицевым в январе 1828 года вопреки воле родителей. Молодые поселились сначала в квартире А.А.Дельвига у Владимирской церкви в доме Кувшинникова, а затем в придворных слободах (приход Владимирской церкви). Ольге Сергеевне теперь, как хозяйке, предстояло вести дом. С родными отношения оставались холодными. Только в марте они согласились выделить ей несколько дворовых. Тогда же Ольга Сергеевна решила взять к себе Арину Родионовну. Сделать это она могла только с разрешения родителей, так как своих крепостных не имела.

Итак, Арина Родионовна вынуждена была отправиться в Петербург доживать свой век в доме Ольги Сергеевны. Няня приехала к Павлицевым, по-видимому, в начале мар-

та 1828 года, еще по зимнему пути. В последний раз она повидала в Кобрине своего сына Егора, внучку Катерину и других родных.

Через несколько месяцев Арина Родионовна умерла. Ольга Сергеевна пишет в “Воспоминаниях”: “Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни”. Долгое время точная дата и место ее захоронения были неизвестны. “...Удивительно, — отмечал Ульяновский, — что о месте захоронения Арины Родионовны ничего не было известно сыну Ольги Сергеевны... Льву Николаевичу Павлицеву...”, к которому обращались по этому поводу. Только в 1940 году Ульяновский в результате кропотливых поисков в архивах узнал, что Арина Родионовна погребена на Смоленском кладбище. Так, долго существовавшая версия о том, что няню похоронили на Большеохтинском кладбище, была им отвергнута. Это он установил, что Павлицевы жили в 1828 году не в Большом Казачьем переулке, как считалось прежде (сюда Ольга Сергеевна переехала позднее), а в придворных слободах и что они и их дворовые являлись прихожанами Владимирской церкви. Исследования, проведенные В.П. Старком, позволили уточнить адрес О.С. Павлицевой: “у Владимирской в Грязной улице, в доме Мадатовой”, ныне это дом № 25 по ул. Марата.

В 1991 году на фасаде этого двухэтажного дома, сохранившего облик первой половины XIX века, появилась мемориальная доска (скульптор Р.М. Цыганов), посвященная няне А.С. Пушкина.

В метрической книге Владимирской церкви, в части, где перечислены умершие за 1828 год, А.И. Ульяновский обнаружил запись от 31 июля, № 73: “5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова 76 старостию иерей Алексей Нарбеков. В Смоленской”.

«Идя далее в наших разысканиях, — пишет Ульяновский, — мы могли обнаружить и запись церкви “Смоленския Божия Матери, что на Васильевском острове при кладбище”, того же 31 июля: “Ирина Родионова, дому 5-го клас. чиновника Пушкина служащая женщина л. 76 старость владимирской иерей Алексей Норбеков”».

Возраст Арины Родионовны в приведенных церковных книгах указан неправильно — она родилась в 1758 году, а умерла в 1828 году — семидесяти лет от роду.

Но Ульяновский ошибся, считая днем смерти няни 31 июля. Хоронили всегда на третий день, включая день кончины. Следовательно, умерла Арина Родионовна 29 июля 1828 года.

В одной из своих рабочих тетрадей Пушкин сделал запись о кончине Арины Родионовны. Эта горестная пометка сохранилась на одном из листов тетради вблизи наброска “Волнением жизни утомленный...”. На этих листах рядом черновые строки стихотворения “Предчувствие”:

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохранию ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

В книге “Няня Пушкина” А.И.Ульянский подробно прокомментировал эту запись.

Это время было для поэта чрезвычайно тяжелым. Против него возбуждается длительное политическое дело о распространении в списках отрывка из его стихотворения “Андрей Шенье” (понятого как стихи о декабрьском восстании). Затем возникает и второе дело — о написанной в 1821 году и распространившейся в списках поэме “Гавриилиада”. Пушкина по первому и второму делу вызывали, допрашивали, после чего решением Государственного совета за поэтом был учрежден полицейский надзор. Беда не приходит одна. В это время не стало Арины Родионовны. Ощущением тревоги и горестной утраты веет от набросков стихов Пушкина, соседствующих с пометой о ее кончине.

Здесь же Пушкин рисует и портреты няни (они на полях следующего листа тетради, где продолжена работа над поэмой “Полтава”). Нарисована голова старушки в повойнике, рядом с ней поясной портрет девушки в сарафане, с косой и девической повязкой на голове, какие носили крестьянские девушки в Петербургской и Псковской губерниях.

Оба рисунка напоминают известный рельефный портрет Арины Родионовны работы Я.П.Серякова (резьба по кости), хранящийся во Всероссийском музее А.С.Пушкина.

Портреты Арины Родионовны в молодости и в старости
и П.В.Киреевского. Рисунки А.С.Пушкина. 1828 г.

Поэт нарисовал няню одновременно и старой и молодой, подобно тому как не раз изображал себя молодым, каким уже не был, а рядом — пожилым, в возрасте, до которого не дожил.

Далее, правее над текстом, сделан набросок еще одного профиля — молодого мужчины, с волосами, подстриженными в кружок. По определению исследователя рисунков Пушкина Т.Г.Цявловской, это портрет известного русского фольклориста, близкого знакомого поэта П.В.Киреевского; ему позднее Пушкин передал свои записи народных песен.

Знаменательно, что, словно размышляя над няниной судьбой после ее кончины, Пушкин здесь же нарисовал портрет собирателя русского народного творчества.

В 1830 году Пушкин опубликовал в “Северных цветах” стихотворение “Зимний вечер”, которое написал в 1825 году в Михайловском и, вероятно, читал самой няне. Поэт называет ее “доброй подружкой” и просит:

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;*

А. С. ПУШКИНЪ.

А.С.Пушкин. Гравюра А. Безлюдного с оригинала
О.А.Кипренского. 1830 г.

*Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.*

О смерти няни узнали друзья и знакомые Пушкина. В 1830 году Николай Михайлович Языков написал стихотворение, посвященное ее памяти, — “На смерть няни А.С.Пушкина”. В нем он говорит:

*Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, средь чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.*

Арина Родионовна родилась и умерла крепостной. “...На кладбищах, — писал Ульяновский, — к могилам незнатных особ, тем более крепостных, не проявляли никакого внимания, и оставленная без присмотра могила няни оказалась вскоре затерянной”. Судя по стихотворению Языкова, в 1830 году могилу Арины Родионовны пытались разыскать, но уже не нашли. В Петербурге у няни не было близких родных. Дочь Марья жила в подмосковном Захарове, сын Егор

до 1830 года находился в Кобрине, Надежды и Стефана, есть основания предполагать, к 1828 году уже не было в живых. Не позаботилась о могиле няни и Ольга Сергеевна.

Что касается Пушкина, то, как писал Ульяновский, “только указанными и продолжавшимися тревогами в жизни поэта и частыми последующими и продолжительными отъездами из Петербурга можно объяснить, что могила няни оказалась забытой и уже через полтора года затерянной”.

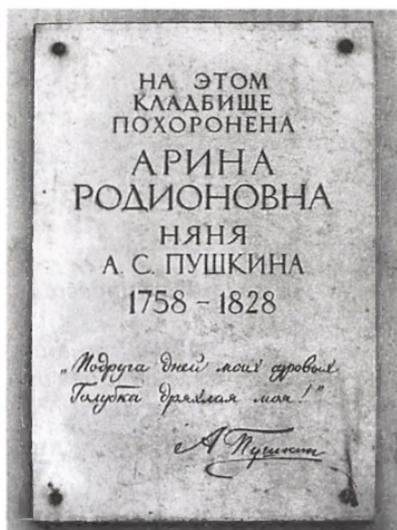
Не потому ли Пушкин так не любил огромные и тесные городские кладбища, что там затерялась могила его няни, и предпочитал скромные деревенские, где “неукрашенным могилам есть простор”? Это выражено им в полных глубоких и грустных размышлений строках стихотворений “Брожу ли я вдоль улиц шумных...” (1829) и “Когда за городом, задумчив, я брожу...” (1836).

И не потому ли в восьмой главе “Евгения Онегина” (писалась с конца 1829-го до сентября 1830 года), когда Татьяна вспоминает о могиле своей няни, поэт словно соперещивает с ней:

*...смирненное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моею...*

Со временем появилось несколько версий о местонахождении могилы няни Пушкина. По одной считалось, что Арина Родионовна похоронена в Святогорском монастыре, вблизи могилы самого поэта. По другой — в Суйде, на старом погосте, среди могил родичей и земляков. По третьей — на Большеохтинском кладбище, в Петербурге. Сохранились даже воспоминания о кресте, могильной плите и камне, будто бы имевших надпись: “Няня Пушкина”. По поводу последней версии Ульяновский писал: “Стремление жителей разных местностей присвоить себе честь погребения Арины Родионовны понятно, и в этом случае всякие предания должны уступить место документальным материалам”.

На Смоленском кладбище в июньские дни 1977 года была открыта памятная мемориальная доска (вместо ошибочно установленной в 1928 году, к 100-летию со дня смерти Арины Родионовны, памятной доски на Большеохтинском кладбище), изготовленная усилиями Государственно-

Памятная доска на Смоленском кладбище
в память о погребении Арины Родионовны.
Современная фотография.

го оптического института имени С.И.Вавилова, Василеостровского отделения Всероссийского общества охраны памятников, Института имени И.Е.Репина и завода гипсовых и мраморных изделий.

При входе на кладбище в специальной нише на мраморе высечена надпись:

«На этом кладбище похоронена Арина Родионовна, няня А.С.Пушкина. 1758—1828

*“Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!”*

А. Пушкин».

О том, что А.С.Пушкин навсегда сохранил память о своей няне, говорят строки одного из вариантов его стихотворения “...Вновь я посетил...”, написанные в 1835 году:

*Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любви и укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...*

МУЗЕЙ “ДОМИК НЯНИ” В КОБРИНЕ

Там чудеса...

<...>

Избушка там на курьих ножках

Стоит без окон, без дверей;

Там лес и дол видений полны...

А.С.Пушкин. “Руслан и Людмила”

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ ИЗБУШКИ

В Кобрине, в домике Арины Родионовны, чудом сохранившемся с ганнибаловой поры, оставались жить ее родные и владели им из поколения в поколение. Потомки сестры мужа Марии Матвеевой — Трошковы продолжали жить здесь и после Великой Отечественной войны.

Изба няни, самая старая в деревне, сохранилась, когда все кругом жгла и разрушала война. Но после того как Трошковы переехали в Ленинград, домик остался без хозяина. Ветхий и беспризорный, он мог сгореть или развалиться. В начале 1950-х годов избушку спасла добрая женщина, словно руку помощи протянула живому существу. Это была Наталья Михайловна Ныркова, деревенская учительница, наша современница, судьба которой оказалась связанной с французским Сопротивлением. Об этом свидетельствует сохранившийся в архиве документ (подлинник на французском языке):

“Мы, нижеподписавшиеся, проживающие в Лижере, Сен-Жерве де Ви (Сарт), свидетельствуем, что 25 июня 1944 года в 6 ч. утра дали убежище двум русским женщинам: Нырковой Наталье и Ефремовой Марии, которые бежали из концентрационного лагеря в Шампани (Сарт). Их привел к нам один знакомый нам испанец, нашедший убежище во Франции после подавления Республики.

Эти женщины, смертельно усталые оттого, что их вели пешком, безо всякой обуви, в лохмотьях вместо одежды, после тяжелых работ, которые их заставляли выполнять в

Группа школьников в гостях у Н.М.Нырковой — первого экскурсовода музея “Домик няни”. 1973 г.

течение длительного времени при весьма недостаточном питании, были в состоянии крайней нужды и почти полного изнеможения. Давая убежище русским пленным в то время, когда наша страна еще находилась под вражеским игом, мы знали, каким репрессиям можем подвергнуться. Ферму нашу могли сжечь, а всю семью расстрелять. Если мы это сделали, то потому, что очень пострадали от немецкой оккупации, от зла, которое немцы причинили Франции, и в лице этих русских женщин были рады выразить чувство признательности и уважения к России, т.к. только благодаря помощи, которую она оказала нашим союзникам, страну нашу удалось освободить.

Мы спрятали их в лесу и приносили им каждый день пить и есть до того дня, когда при подходе американцев эти женщины присоединились к Армии.

Председатель Комитета по оказанию помощи военнопленным в Сен-Жерве де Ви (Сарт) *Рэн Гильмо*”.

В.И.Бажанова, коллега Нырковой по работе в школе, вспоминала о ней в 1984 году: “В Кобрине она поселилась после войны, и когда узнала, что это за домик — а он тогда совсем развалился... она этот домик на свои малые деньги

купила. Стала в нем жить. А крыша текла, стены покосились. Но она тут жила, никуда не хотела переезжать, добивалась, чтобы домик сделали музеем. Понимала его ценность. Дом жив, пока в нем есть человек, говорила. Сейчас вон в нем сколько людей, каждый день экскурсии. <...> Наталья Михайловна живая такая была, жизнерадостная. К ней всегда люди заходили, особенно школьники. “Пушкинский актив” — она их называла. Она, знаете, такое правило для них завела: прочти стихотворение Пушкина, переступишь этот порог. А как она об Арине Родионовне умела рассказывать — как живую ее видели в этой избе...”¹.

Наталья Михайловна стала первым общественным экскурсоводом, как она сама себя называла... Экскурсии ее были интересными и содержательными, но она всегда стремилась к пополнению своих знаний и за методической помощью обращалась во Всесоюзный музей А.С.Пушкина. В новой деятельности экскурсовода Наталья Михайловна нашла свое призвание. В особенности ее любили дети, которым она казалась самой Ариной Родионовной. Живя в домике, Наталья Михайловна стойчески сохраняла его.

В полуразвалившейся избушке, как в настоящем музее, Натальей Михайловной были заведены книги отзывов и регистрации посетителей. Эти “книги”, простые школьные тетради, сохранились. В них люди благодарили Ныркову и выражали надежду, что избушка Арины Родионовны будет реставрирована и в ней откроется музей.

Но Наталья Михайловна до этого дня не дожила. Она ушла из жизни в начале 1974 года, всего за несколько месяцев до открытия кобринского музея.

УНИКАЛЬНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ “ДОМИКА НИНИ”

В середине 1960-х годов вопросом реставрации домика Арины Родионовны в Кобрине занялись Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Всесоюзный музей А.С.Пушкина, местный колхоз “Память Ильича” и Гатчинский краеведческий музей. В эти годы началось поистине всенародное движение за восстановление разрушенных и утраченных в годы войны памятников родной истории и культуры. В 1966 году при Центральном

¹ См.: *Ильина М.* Женщины в русских селеньях // Ленинградская правда. 1984. 6 июня.

Музей “Домик няни” в деревне Кобрино.
Современная фотография.

совете ВООПИК был создан Фонд охраны памятников истории и культуры.

Через Госбанк в Фонд поступали добровольные взносы от отдельных граждан и организаций. Особую роль в сборе средств для “Домика няни”, как и “Дома стационарного смотрителя” в Выре, взяла на себя первичная организация ВООПИК при Государственном оптическом институте имени С.И.Вавилова во главе с ее председателем, токарем мастерских этого института Иваном Дмитриевичем Лариным. Фонд стал пополняться добровольными взносами для реставрации “Домика няни” с 1969 года.

Еще шла реставрация, а Всесоюзный музей А.С.Пушкина уже организовал сбор предметов крестьянского быта среди населения Гатчинского и других районов Ленинградской области для будущего музея Арины Родионовны на ее родине. Многие старинные вещи были найдены школьниками деревни Кобрино. Ряд ценных вещей был передан новому музею из Выры, а также из Тихвинского историко-краеведческого музея. Некоторые экспонаты подарили ленинградские коллекционеры Л.П.Переверзев, Е.Ю.Мельникова, Н.П.Нератова.

Деятельное участие в организации музея в Кобрине, а перед тем и в Выре приняли общественный инспектор Управления культуры Леноблисполкома И.А.Глотов и худож-

Сотрудники Всесоюзного музея А.С.Пушкина и приглашенные гости в Кобрине в день открытия памятной доски на домике Арины Родионовны. 1973 г.

ник-архитектор С.П.Светлицкий — создатель сюиты пастельных рисунков, воспевающих пушкинские места Гатчинского района. С помощью Сергея Павловича были найдены в районе старинные вещи крестьянского быта, он же помог в художественном оформлении музеев.

Участие в организации экспозиции музея “Домик няни” приняли жители города Пушкина, члены районного отделения Общества охраны памятников и Клуба ветеранов труда: В.П.Лазорева, М.Г.Шплет, Н.Г.Феофанова, Е.С.Фридлянд, В.В.Шубина, М.Ф.Волкова, Е.В.Захарова, Е.К.Куликова, М.И.Александрова, М.В.Салунина, А.К.Уланова, М.В.Борисова. Они принесли в дар музею старинные вышитые полотенца, лапти, глиняную посуду, половики и скатерть с вышитыми на ней народными пословицами и поговорками.

Свой особый вклад внесла народная художница, скульптор Елена Степановна Волкова. В 1966 году она вылепила скульптуру “Пушкин и няня”. Созданный ею образ Арины Родионовны был одним из наиболее удачных. Мечтой Волковой стало отлить памятник с этой модели и открыть его в селе Воскресенском, где родилась няня великого поэта.

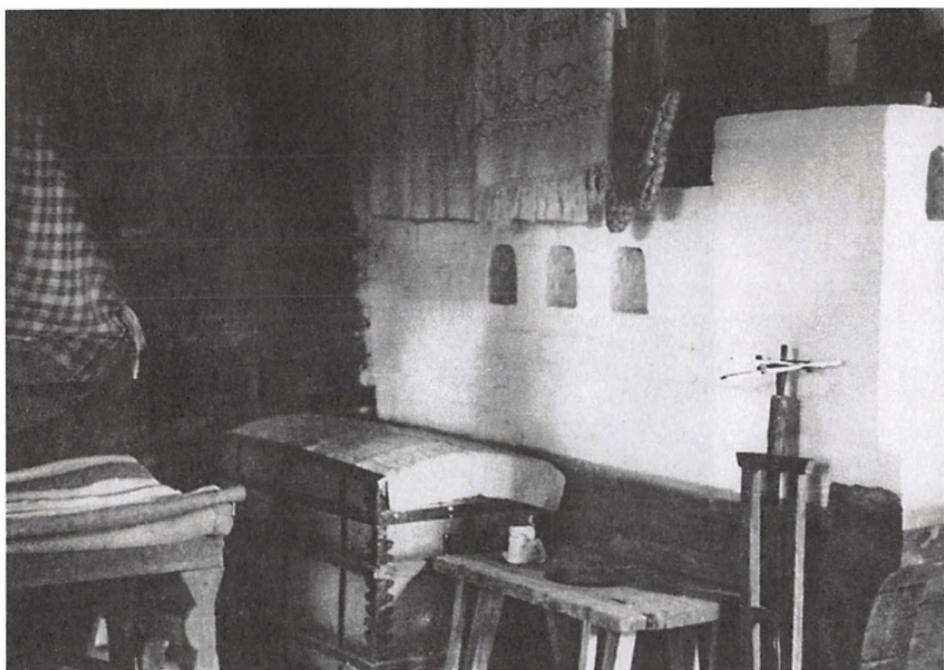

Организаторы музея “Домик няни” в деревне Кобрينو (слева направо): Е.С.Волкова, И.Д.Ларин, Н.И.Грановская. 1974 г.

Мечта художницы, ныне уже покойной, пока не осуществлена.

Реставрация домика Арины Родионовны была закончена в июне 1974 года. Открытие экспозиции, приуроченное к 175-летию со дня рождения А.С.Пушкина, состоялось 3 июля 1974 года. “Временник Пушкинской комиссии” сообщал в отделе хроники: “В деревне Кобрينو (ныне Гатчинский район Ленинградской области) жила няня Пушкина Арина Родионовна. Домик ее чудом уцелел и после тщательной реставрации (выполненной по проекту ленинградского архитектора-реставратора В.В.Экк) обрел первозданный облик. <...> “За свою долгую жизнь домик сильно обветшал, ушел глубоко в землю. Его подняли, заменили два нижних венца, химики решили пропитать сруб специальными составами, чтобы укрепить бревна. Изба наново покрыта тесовой крышей, какой она была во времена Арины Родионовны... С южного фасада к домику вновь прирублено невысокое крыльцо, обновлены небольшие сени” (Ганшин В. В гости к Арине Родионовне. — Знамя труда, Сланцы, 1974, 26 июня)...

В домике представлено убранство бедной крестьянской избы конца XVIII в. ... <...> Экспозиция подготовлена стар-

В музее “Домик няни”.
Комната Арины Родионовны. 1975 г.

шим научным сотрудником Всесоюзного музея А.С.Пушкина Н.И.Грановской. <...> ...Экспонируются портреты няни. ...Записали на магнитофон голос современной народной сказительницы — он звучит во время экскурсий”.

В музее “Домик няни” представлено несколько портретов Арины Родионовны. Один из них помещен в небольшой витрине, в сенях, где сосредоточена небольшая литературная экспозиция. Это копия горельефа, созданного в начале 1840-х годов резчиком-самоучкой Я.П.Серяковым на моржовой кости по не дошедшему до нас портрету Арины Родионовны и хранящегося ныне во Всероссийском музее А.С.Пушкина. Подлинник долгое время находился у родственников Серякова в Пскове, затем был куплен коллекционером М.Ф.Каменским. Сын его, поэт Василий Каменский, в 1911 году подарил портрет Максиму Горькому, а в 1919 году Горький передал его Пушкинскому Дому. На обратной стороне горельефа сохранилась надпись, сделанная старинным почерком: “Арина Родионовна. Нянька Пушкина”.

Арина Родионовна (?).
С портрета неизвестного художника. 1820-е гг.

Далее в экспозиции помещена фотокопия с рукописи поэта с его рисунками — двумя портретами няни, о которых уже рассказано. Здесь же находится и предполагаемый портрет няни, выполненный масляными красками одним из художников Арзамасской школы, известной своей лю-

бовью к изображению людей из народа. Портрет датируется 1820-ми годами и интересен тем, что костюм изображенной женщины — типичная одежда “нянюшек и мамушек”. Копию с оригинала, хранящегося во Всероссийском музее А.С.Пушкина, сняла для “Домика няни” в 1973 году художница Н.П.Нератова.

Этот портрет няни, помещенный на своеобразном мольберте из тонких стволов молодых берез, встречает посетителя, переступившего порог музея. Бытовая, построенная на подлинных старинных материалах экспозиция, посвященная Арине Родионовне, представляет убранство крестьянской избы конца XVIII — начала XIX века, времени, когда жила здесь няня великого поэта.

Войдя в горницу, мы видим деревянные ведра и корыта, русскую печь, ухваты и шесток для просушки одежды. Вдоль стен — широкие длинные лавки (спали тогда на полках и лавках, постилая толстый войлок). Ни кроватей, ни пуховиков, ни лоскутных одеял еще не было в крестьянском быту. Не было и ситца — все в избе домотканое: покрывало (на самой широкой лавке, в углу избы) и спускающийся с жерди полог, занавеска у печки и развешанная здесь крестьянская одежда. Мы видим кофту из белого холста, сарафан из холщевой ткани и головной убор замужней женщины — повойник. К матице (продольной потолочной балке) на длинных пеньковых веревках приделана “зыбка” (детской люлькой служило обыкновенное корыто). В этой избе выросли дети Арины Родионовны. Рядом с “зыбкой” — небольшая скамейка с круглой выемкой посередине. Сюда, в отверстие, помещали младенца, уже стоявшего на ножках. Держась ручками, ребенок должен был находиться в этом плену, чтобы не мешать взрослым. Здесь же и деревянные куклы, какими играли крестьянские дети. На лавке у окна — прялка с куделью и веретеном, моталка для пряжи, ткацкие принадлежности конца XVIII века и клубок шерсти с вязальными спицами. Рукоделием занимались обычно на “супрядках” — посиделках с прядением и вязанием, во время которых пелись песни и рассказывались сказки. Работали при лучине.

В избе мы видим высокий кованый светец с поддоном середины XVIII века. В светец вставлялись сухие лучины (тонкие полоски дерева), которых на один вечер надо было припасти очень много.

В музее “Домик няни”. Горница. 1975 г.

В красном углу — иконы. В центре старинный образ Богородицы с окладом из речного жемчуга, сохранившийся в этих местах.

На добротном крестьянском столе для большой семьи — посуда того времени. Ели из деревянных чашек. Варили пищу в глиняных горшках. Большое место в крестьянском рационе занимала капуста. Картофель в это время еще прочно не вошел в обиход и совсем не заменил традиционную репу. Но главной пищей крестьян Петербургской губернии была похлебка, или “варка”. Она готовилась из квашеной капусты, овсяных и ячменных круп, грибов и мелкой сушеной рыбы. Мясные щи, гречневая каша, пироги входили только в праздничное меню. Тогда же готовили сбитень, который варили из воды и меда. Чай в Петербургской губернии пили с начала XIX века только богатые “государственные” крестьяне, но в каждой избе обязательно стоял бочонок с хлебным квасом. Обращает на себя внимание оплетенный берестой кувшин конца XVIII века для хранения масла. Дно кувшина имеет специальный выступ, чтобы в погребе погружать его в землю для охлаждения.

Из вещей, особенно дорогих нам, есть здесь небольшой старинный мешочек из домотканого полотна — сума, или по-современному сумка. По преданию, она принадлежала самой Арине Родионовне. Сума долгое время хранилась у

псковского историка Н.Ф.Окулич-Казарина. В 1911 году он передал ее потомкам псковского уездного предводителя дворянства Н.А.Яхонтова, в имении которого Комно, под Псковом, бывал Пушкин в годы михайловской ссылки. Знаменательно, что Александр Николаевич Яхонтов, сын Н.А.Яхонтова, с детских лет знавший Пушкина, тоже учился в Лицее, стал литератором, писал стихи, очерки, занимался переводами. В 1870-х годах он был одним из организаторов музея А.С.Пушкина в Лицее. И в семье Яхонтовых в память великого поэта образовался домашний музей.

Возможно, Н.Ф.Окулич-Казарин передал Яхонтовым сумку Арины Родионовны, чтобы присоединить ее к другим пушкинским реликвиям этого дома. В 1965 году часть предметов из него была передана в дар Всесоюзному музею А.С.Пушкина А.Н.Яхонтовой-Высоцкой (правнучкой Н.А.Яхонтова). Сумка, по словам дарительницы, принадлежала Арине Родионовне и была сшита из полотенец, вытканых крепостными мастерицами села Михайловского, работавшими под ее наблюдением.

В экспозиции музея много лубочных картинок на сказочные и евангельские сюжеты — любимое украшение крестьянских изб в прошлом. Здесь они и в красном углу, и в простенках избы, и даже в сенях. По ним можно рассказывать сказки. Стены маленького домика слышали голос самой няни поэта, и до сих пор под его крышей словно витают образы ее сказок. Таков замысел экспозиции маленького музея. Когда посетители переступают порог домика, они уже в сенях попадают в сказочную атмосферу: с потолка свисают березовые веники, засушенные цветы и лекарственные травы. В комнате с лубочных картинок будто предстают перед нами герои русских народных сказок: Бова-королевич, богатырь Еруслан Лазаревич, царь Султан Султанович, королевич Гвидон, Баба Яга. Здесь же стоит деревянное разбитое корыто, словно из “Сказки о рыбаке и рыбке”. Книга для регистрации посетителей лежит на столе, покрытом “скатертью-самобранкой” с вышитыми на ней народными пословицами...

Войдя в музей, посетители останавливаются у дверей горницы, и экскурсовод включает магнитофон. И звучит сказка, словно из уст самой хозяйки Арины Родионовны, одна из тех, что была рассказана ею в этой избушке сначала своим детям и односельчанам, а потом — Пушкину.

СКАЗКИ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С.ПУШКИНА

Сказки няни А.С.Пушкин помнил с детства,

*Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит.*

Так писал он в одном из вариантов стихотворения “...Вновь я посетил...”.

Став няней в семье Пушкиных на сороковом году жизни, Арина Родионовна уже тогда знала много сказок, бытовавших на ее родине. С годами этот запас пополнялся: сначала она попала в дом господ в Суйде, где было много дворовых людей, потом жила в Петербурге, сельце Захарове, Москве и в Михайловском. Среди дворовых каждой местности были распространены свои сказки и различные чудесные, необыкновенные истории. Рассказывание их другу другу являлось иногда единственным развлечением простых людей. Сказки любили слушать и господа “на сон грядущий”.

Среди дворовых сказки не только рассказывались, но и читались. Когда господ не было дома, какой-нибудь грамотей, один на всех, читал книжки собравшимся в людской горничным и лакеям. Но что это были за книжки? Чаще всего это были лубочные издания с картинками. Они были рассчитаны на среднее и низшее сословия — купцов, ремесленников и дворовых — и представляли собой массовую литературу XVIII и первой половины XIX века. Это были литературно обработанные западноевропейские волшебнорыцарские романы, фантастические повести, а также переделанные устные народные сказки — сочинения писателей М.Д.Чулкова, В.А.Левшина, Кирши Данилова, а также неизвестных или позднее позабытых авторов. Среди последних были Матвей Комаров и Евграф Хомяков — бывшие дворовые. Их произведения — “Крестьянские сказки, или Двенадцать вечеров для препровождения праздного времени” и “Забавный рассказчик, повествующий разные истории...” — были популярны в конце XVIII века. Эти сказки затем много раз пересказывались и превращались в устные. Особенно любимы были пришедшие из книжки и переде-

ланные на свой лад сказки о Бове-королевиче и богатыре Еруслане Лазаревиче.

В семействе Пушкиных сказки и всякого рода “пиитическое творчество” особенно поощрялись. Племянник поэта Л.Н.Павлищев вспоминал, что “в передней Пушкиных находились доморощенные стихотворцы...”, что камердинер Сергея Львовича Никита Тимофеевич сочинил балладу под заглавием: “О Соловье-разбойнике, богатыре широкогрудом Еруслане Лазаревиче и златокудрой царевне Миликтрисе Кирбитьевне...”.

Но вот среди дворни появилась Арина Родионовна, знавшая устные народные сказки, настоящие крестьянские. По словам сестры Пушкина — Ольги Сергеевны, она “мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала половицами, поговорками...”.

Когда поэт находился в ссылке в Михайловском, няня разделяла с ним его досуг. В ноябре 1824 года в письме к брату он писал: “...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!” В другом же письме, в декабре того же года, поэт называет и рассказчицу: “...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны...”.

Пушкина в Михайловском интересуют сказки и песни истинно народные, те, которые рассказывались и пелись народом при особом доверии к слушателю. Это доверительное отношение поэт находит в лице Арины Родионовны.

Возможно, Пушкин знал и других исполнителей. Но из всех, с кем он встречался на пути познания народного творчества, выделил свою няню. Именно от нее он услышал первые сказки — о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче, о которых вспоминал в лицейском стихотворении “Сон”.

“Подвиги Бовы” приводили в трепет мальчика Пушкина; герои сказки являлись ему во сне:

*Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...*

Сюжет этой няниной сказки, широко известной в пушкинское время, таков: Бова-королевич заключен в тюрьму отчимом и осужден на казнь (отчим убил отца королевича и женился на матери Бовы). При помощи девушки-чернавки Бова бежит. Он странствует, побеждает соперников. Ему помогает полупес-получеловек Полкан. Бова женится на красавице, царской дочери, но разлучен с женой и возвращается к ней в тот момент, когда она должна выйти за другого; затем обстоятельства снова разлучают их; теперь сам Бова хочет жениться на другой, но являются дети от первой жены и сообщают о матери.

Сказку о Бове-королевиче Пушкин знал и по народной книжке, а также по широко распространенному лубку “Витязь Богатырь Бова-королевич”. Поэт был знаком и с поэмой А.Н.Радищева “Бова”. Пушкина заинтересовала необыкновенная популярность сюжета, и позднее он нашел литературный источник сказки — древнюю итальянскую поэму “*Vuovo d’Antone*” о невероятных фантастических приключениях героя, которая, будучи переведена в России, породила русскую сказку о Бове.

Сам он в 1814 году, еще лицеистом, начал сочинять поэму “Бова”, сохранился отрывок из нее. А в 1822 году на юге он снова задумал написать поэму на этот сюжет. Сохранились планы, фрагменты, но сказочная поэма о Бове, с детских лет пленившая воображение поэта, так и не была им создана.

В 1820 году Пушкин написал поэму “Руслан и Людмила”. Возможно, имя главного героя, переделанное из Ерусалана, в ней появилось из няниной сказки. Есть в поэме и образ чародея Финна.

Н.М.Карамзин пишет в “Истории государства Российского”: “Финские чародейства подробно описаны в северных сказках”. Он отмечает, что “финны и чудь славились волшебством”, что они издавна были склонны к “волхованиям и чудесничеству...”.

В поэме А.С.Пушкина мы читаем о “финских чародействах”:

<...>

*Наука дивная таится,
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой*

Живут седые колдуны;

<...>

*Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.*

Встреча Руслана с Финном, “предвиденная судьбой”, становится одной из главных сюжетных линий поэмы: образ Финна-чародея мог быть навеян в ней не только словами Карамзина о финнах и чуди, но также сказками и рассказами няни. Ведь она родилась и жила среди финнов и карелов — чуди, как их называли.

Финские мотивы встречаются и у современников Пушкина, например у писателя В.Ф.Одоевского, но влияние Арины Родионовны на творчество Пушкина было более ранним.

У Пушкина Финн — имя собственное. Возможно, “злой великан Финн” из скандинавской сказки превратился в его поэме в доброго волшебника Финна.

В годы михайловской ссылки (видимо, тогда же, в ноябре 1824 года, когда сообщил брату, что слушает сказки няни) Пушкин записал услышанные от Арины Родионовны семь сказочных сюжетов, в ряде случаев передавая своеобразную художественную манеру рассказчицы. По мнению известного ученого-фольклориста М.К.Азадовского, эти пушкинские записи представляют большой интерес, так как некоторые из сказок дошли до нас только в поздних редакциях.

Первая из них известна в русском и западноевропейском фольклоре как “Сказка о чудесных детях и оклеветанной жене”. Сюжет ее таков: царь выбирает себе невесту, женится и уезжает на войну; царица в его отсутствие рождает ему чудесных детей; их подменивают; царицу изгоняют; она живет с детьми на острове; слухи о разных диковинках острова привлекают сюда царя; он находит жену с детьми, и семья воссоединяется.

Совершенно оригинально, по-своему рассказывает эту сказку Арина Родионовна. Она дает целый ряд неизвестных любопытных деталей, и даже в конспективной записи Пушкина будто слышится неторопливая певучая речь няни поэта:

“Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачиха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачиха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачиха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано”.

Таково начало сказки, послужившей основой для написания Пушкиным в августе 1831 года в Царском Селе “Сказки о царе Салтане...”. Из сказки Арины Родионовны было заимствовано и оригинальное имя царя. Но “Султан Султанович, турецкий государь” превратился у Пушкина в царя Салтана, а чудеса творит царевна Лебедь, у няни же — сам царевич, уродившийся “чудом”. По мотивам этой сказки, у Пушкина также выходят из моря “тридцать три богатыря” и стерегущий их старик, названный поэтом дядькой Черномором.

Одно из чудес, о котором поведала няня в этой сказке, в записи А.С.Пушкина звучит так: “...у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет”. Но в “Сказку о царе Салтане...” поэт не включил этот сюжет, потому что тремя годами ранее использовал его, создавая пролог к поэме “Руслан и Людмила”.

В сказках Арины Родионовны много уникального, неповторимого. Например, царевич, уродившийся “чудом”, и общее число детей — 34 — в других вариантах этой сказки не встречаются (обычно сыновей у царицы трое, семеро или двенадцать). Нет в других сказках и юношей, живущих в море (обычно они обитают в лесу или на острове).

Почти во всех сказках у Арины Родионовны присутствует ее любимый эпитет — “золотой”: у царевича “ручки по локотки золотые” и т.д. Пушкин употребляет его и в своих сказках, даже в тех, что написаны им будут по книжным источникам: “золотая рыбка”, “золотой петушок”.

Высокое мастерство Арины Родионовны — сказочницы, быть может, с еще большей яркостью обнаруживается во второй записи. Сюжет ее имеет название “Чудесное богатство” или “Магическое бегство”. Герой сказки — юноша, обещанный морскому или подземному царю. Девушка — дочь царя — выручает его. Они вместе бегут и, спасаясь от погони, превращаются в животных и разные предметы.

Начинается сказка тем же, что и в первой записи, — своеобразным приемом повествования:

“Некоторый царь ехал на войну, он оставил жену свою беременную. Едучи домой, дорогою захотелось ему пить — видит он пролубь, и в пролубе плавает золотой ковшик, — но только хочет он испить воды, кто-то его хватъ за бороду и не выпускает. Царь взмолился — нет. “Подари мне, чего ты не знаешь”. Задумался бедный царь: “Как, чего я не знаю? Я все знаю. Ну, так и быть, дарю”. Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана царевича, без него родившегося. Царь догадался, что его-то он и подарил, и весьма опечалился”.

Сказка в передаче Арины Родионовны отличается и собственной замечательной характеристикой героя. Он не пассивен и растерян, как в иных вариантах сказки. Это добрый молодец, “безунывная головушка”, он не боится угрозы морского царя — “...повесить, так повесить, голова моя недорога”, — говорит Иван-царевич. Замечательна своей образностью речь и Марьи-царевны, иногда рифмованная. “Не печалься, Иван царевич, — говорит она, — скинь портки, повесь на шесток да спи...” Слово “портки”, или “порты”, означало в старославянском языке всю верхнюю одежду.

Особенно оригинальна третья, невыполнимая задача, которую задает царевичу морской царь. “Ну, Иван царевич, — сказала Марья царевна, — тут уже тебе не помогу — дело в том, чтоб ты сшил сапоги, покамест у него в руках соломинка будет гореть. Убежим”.

А в конце сказки, когда Иван-царевич, вопреки предупреждению Марьи-царевны, ослушался ее, из-за чего и позабыл свою невесту, голубка ходит за голубкой и говорит:

“Голубок ты мой, не забудь ты меня, как забыл Иван царевич свою Марью царевну”, — мы слышим словно речь самой Арины Родионовны.

Запись эта не нашла в творчестве Пушкина отражения. Он подарил ее другому поэту — В.А.Жуковскому. Она стала одним из источников его “Сказки о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери”.

Жуковский из записи Пушкина заимствовал ряд имен и деталей, в том числе последнюю задачу: сшить сапоги, пока будет гореть соломинка, — деталь, которая в мировом фольклоре встречается только в сказке Арины Родионовны.

На основе третьей записи Пушкиным создана “Сказка о попе и о работнике его Балде”. “Указатель” Андреева не дает единого сюжета этой сказки. В русской фольклористике она была зафиксирована только в 1860-х годах. Тем больший интерес представляет сказка Арины Родионовны, ее смелая социальная заостренность — рассказ про жадного попа и умного крестьянина, про сбор оброка (Балда, собирающий оброк с чертей, тогда как помещики собирают его с крестьян).

У Арины Родионовны Балда, вопреки имени, как Иван-дурачок в русской сказке, — добрый молодец, носитель народной мудрости. У нее сказка делится на две части. В первой — Балда у попа; во второй — Балда у царя, дочь которого “одержима бесом”, и Балда лечит царевну. Эту часть сказки Пушкин не использовал, но очень точно следовал первой части:

«Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: “Каков будет *щёлк*”. Балда дюж и работающ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. <...> Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. “Кого я там зашиб? старого али малого?” И вылез старый. — “Что тебе надо?” — “Оброк собираю”. — “А вот внука я к тебе пришлю с переговорами”. Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. “Что ты, Балда?” — “Да вот стану море морщить, да вас чертей корчить”».

Осенью 1830 года в Болдине Пушкин пишет “Сказку о попе и о работнике его Балде”. В ней речь героя напоминает текст няниной сказки:

— *“Да вот веревкой хочу море морщить
Да вас, проклятое племя, корчить”.*
Беса старого взяла тут унылость.
“Скажи, за что такая немилость?”
— *“Как за что? Вы не платите оброка,
Не помните положенного срока...”*

Эту и другие сказки поэт читал Н.В.Гоголю летом 1831 года в Царском Селе. В ноябре того же года Гоголь сообщал А.И.Данилевскому, что Пушкин читал ему “...сказки русские народные... совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами, и прелесть невообразимая”. Свидетельство Гоголя очень ценно. Сказку о Балде в точной передаче могли слышать тогда только друзья и знакомые Пушкина. Из-за цензуры подлинный ее текст не мог быть опубликован до 1880-х годов.

Четвертая запись — это древнейший сюжет сказки о кашеевой смерти. Ее варианты отмечены по всей Европе, на Кавказе, в Индии, Африке, Египте и Северной Америке.

В сказке герой добывает смерть Кашея с помощью благодарных животных. У Арины Родионовны она характерна необычностью деталей и тем, что в ней дан сюжет в чистом виде, не осложненный позднейшими вставными эпизодами, как в других вариантах:

“Царь Кашей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж, покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: “Где-де твоя смерть?” <...> Кашей жив. Наконец, он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван царевич идет за смертью Кашея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак. — Иван царевич говорит им каждому: “Я тебя съем”, — но оставляет им живот. Приходит к морю, волк его перевозит, баран рогами сваливает дуб, собака ловит зайца, ястреб ловит утку, рак лапами выносит из моря яйцо”.

В сказке Арины Родионовны совершенной особенностью текста является наличие дочери Кашея (в сказках этого

типа обычно речь идет о пленнице). Считается, что такая редкая деталь говорит о весьма древней редакции сказки.

Хотя этой записью Пушкин не воспользовался, но царь Кащей появился в прологе к “Руслану и Людмиле”. А слова: “на море, на океане, на острове Буяне” — породят эти образы в произведениях поэта.

В пятой сказке Арина Родионовна очень интересно соединила два сказочных сюжета. Один из них известен под названием “Сын царя и сын кузнеца”, а второй — “Царь Соломон и его неверная жена”.

Речь в этих очень древних сказках идет о царице — неверной жене и злой матери, пожелавшей убить родного сына, и подменных детях — сыне царя и сыне кузнеца. Один из них — сын царя (Соломон) проявляет мудрость, спасается от виселицы и разоблачает царицу — неверную жену и злоую мать. Но поначалу ему грозят “три виселицы: золотая, серебряная, шелковая”. Сказка кончается каламбуром няни: “На *шелковой* виселице вешает он сводника, купца *Шелковникова*...” “...Вот куда каламбуры зашли!” — так заканчивает эту запись Пушкин.

Шестая запись включает три сюжета на одну и ту же тему: неосторожное слово. Из-за произнесенного в сердцах неосторожного слова — проклятия — человек делается постоянно нечистой силы, его уносит черт. С большими усилиями, подвергая себя чрезвычайной опасности, вызволяют героев другие персонажи сказки.

В первой сказке говорится о невесте, проклятой отцом и матерью; во второй — проклят жених. В третьей сказке мать, рассердясь на сына, сказала ему: “Лукавый тебя по-бери” — и мальчик исчез.

Для сказковедения эти тексты представляют большой интерес, так как записи подобных сюжетов крайне редки.

Седьмая запись послужила Пушкину материалом для создания “Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях”. Этот сюжет, широко известный в западноевропейском фольклоре, у Арины Родионовны обрел своеобразные черты.

В “Указателе сказочных сюжетов” о содержании сказки говорится: злая мачеха приказала убить красавицу падчерицу, но она спасается и живет в лесу у разбойников, карликов или гномов; мачеха трижды отравляет ее, дважды она спасается; на третий раз девушку кладут в гроб, но ее видит царевич, берет гроб к себе, и она оживает.

На основе рассказа Арины Родионовны и известной Пушкину к тому времени аналогичной сказки братьев Гримм поэт создал в ноябре 1833 года свою “Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях”. Видимо, потому, что Пушкин хорошо знал сюжет по гриммовскому сборнику, он записал услышанную от няни лишь вторую часть сказки, привлекающую его внимание любопытными подробностями и чисто народными выражениями:

“Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. “Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной али брат названный; коли женщина, будь нам мать али сестра”... Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. “Если кровию нальются, то не жди нас”. Приезжая назад, спят они сном богатырским. <...> Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачиха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам”.

Пушкин описал в этой сказке совершенно крестьянский обиход царевны и семи богатырей. Здесь нянины рассказы стали для поэта источником познания народных обычаев:

*Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила Богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.
<...>
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: “Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися...”
<...>*

*И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.*

Свое ощущение мира сказки Пушкин выразил в прологе к “Руслану и Людмиле”, где словно собрал вместе все сказочные чудеса:

*Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...*

<...>

*Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...*

<...>

И тридцать витязей прекрасных

Чредой из вод выходят ясных,

И с ними дядька их морской;

Там королевич мимоходом

Пленяет грозного царя;

Там в облаках перед народом

Через леса, через моря

Колдун несет богатыря;

В темнице там царевна тужит,

А бурый волк ей верно служит;

Там ступа с Бабою-Ягой

Идет, бредет сама собой;

Там царь Кащей над златом чахнет;

Там русский дух... там Русью пахнет!

В “Прологе” отражены впечатления и от лубочных волшебных-рыцарских сказок детства, и от устных народных сказок, которые поэт так любил слушать от Арины Родионовны.

М.К.Азадовский писал о няне Пушкина в 1938 году: “...уже того, что мы знаем по пушкинским записям, достаточно, чтоб признать в ней незаурядную сказочницу. Арина Родионовна была не просто няней-рассказчицей, но выдающимся мастером-художником, одной из замечательнейших представительниц русского сказочного искусства”.

Образ Арины Родионовны — “мамушки” — появился в поэзии Пушкина еще в лицейском отрывке “Сон”. Позднее же, в стихотворении 1822 года, он говорит о ней:

*Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных...*

В 1833 году Пушкин написал стихотворение “Сват Иван, как пить мы станем...” (при его жизни оно не было напечатано). Здесь под именем Пахомовны поэт вспоминает покойную Арину Родионовну. В стихах, словно написанных от лица русского крестьянина, Пушкиным воссоздана атмосфера народности, окружавшая няню:

*Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
<...>
Слушай, сват, начну первой.
Сказка будет за тобой.*

У входа в музей “Домик няни”, которому в 1999 году исполнится 25 лет, все, кто пришел сюда поклониться памяти Арины Родионовны, читают высеченные на камне-валуне слова поэта:

*Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем...*

“ПРИЮТ СПОКОЙСТВИЯ, ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНЬЯ...”

*Пора, мой друг, пора!
Покоя сердце просит...*

А.С.Пушкин. 1834

РОДОВОЕ ИМЕНИЕ — СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ

На протяжении всей своей жизни Пушкин был тесно связан с родовым имением своих предков — сельцом Михайловским.

Дорога, по которой туда ездил Пушкин, шла через знакомые города и селения Санкт-Петербургской, затем Псковской губернии в Опочецкий уезд.

Владельцем Михайловского до 1806 года был дед поэта Осип Абрамович Ганнибал, а после него поместье по наследству перешло к его дочери Надежде Осиповне, матери поэта.

Пушкин приехал сюда в 1817 году, после окончания Лицея, вместе с родителями. Позднее, 19 ноября 1824 года, он писал в своих записках: “Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.“. Поэт много бродил по лесам и полям, навещал в Петровском двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала. Уже в этот приезд Пушкин близко познакомился с соседями Осиповыми-Вульф, бывая у них в селе Тригорском. Поэт провел тогда в деревне полтора месяца, с 11 июля до 20-х чисел августа. Покидая любимейшие места, Пушкин записал в альбом хозяйки Тригорского Прасковьи Александровны Осиповой эти стихи:

*Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!*

*Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!*

<...>

*От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.*

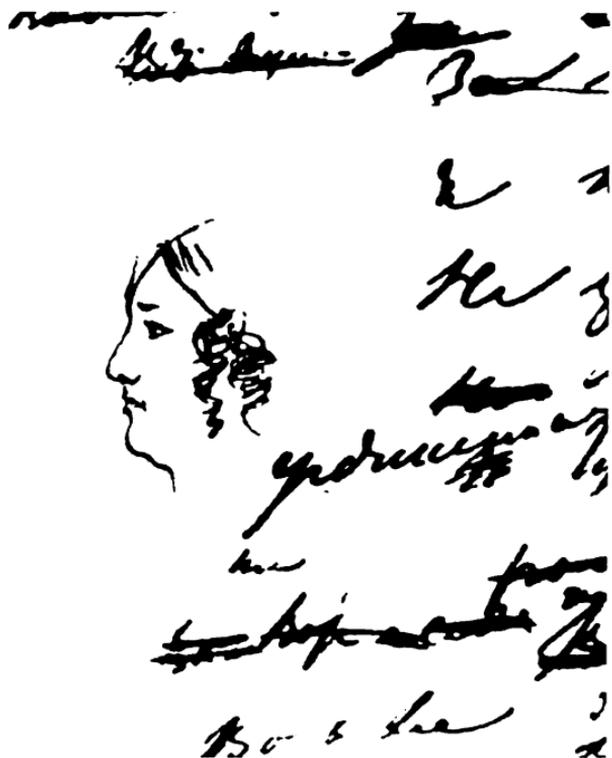
Деревня понравилась Пушкину. Он приехал сюда и в 1819 году. Поэт пробыл здесь с середины июля до середины августа.

В это время Пушкин — уже автор оды “Вольность” и послания “К Чаадаеву”, участник литературно-политической борьбы будущих декабристов. Богатый материал для своей вольнолюбивой поэзии он находит и в Михайловском. Он видит разительный контраст между прекрасной русской природой и жизнью народа в условиях крепостного права. Поэт пишет здесь стихотворение “Деревня”. Он дает в нем вначале панораму Михайловского:

*Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты...*

Далее в этом стихотворении поэт выражает гневный протест против порабощения и угнетения человека:

*Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона*

П.А.Осипова-Вульф. Рисунок А.С.Пушкина. 1824 г.

*Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.*

Пушкин назвал сельцо Михайловское приютом “спокойствия, трудов и вдохновенья”. Здесь он нашел тишину и покой, необходимые для творческого труда, для постоянного общения с родным народом и родной природой.

О вдохновляющей силе Михайловского, о значении его для своего творчества Пушкин говорит в том же 1819 году в стихотворении “Домовому”:

*Люби мой малый сад, и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!*

*Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.*

Более ста художественных произведений написаны Пушкиным в Михайловском. Особенно плодотворными были для его творчества годы михайловской ссылки (1824—1826).

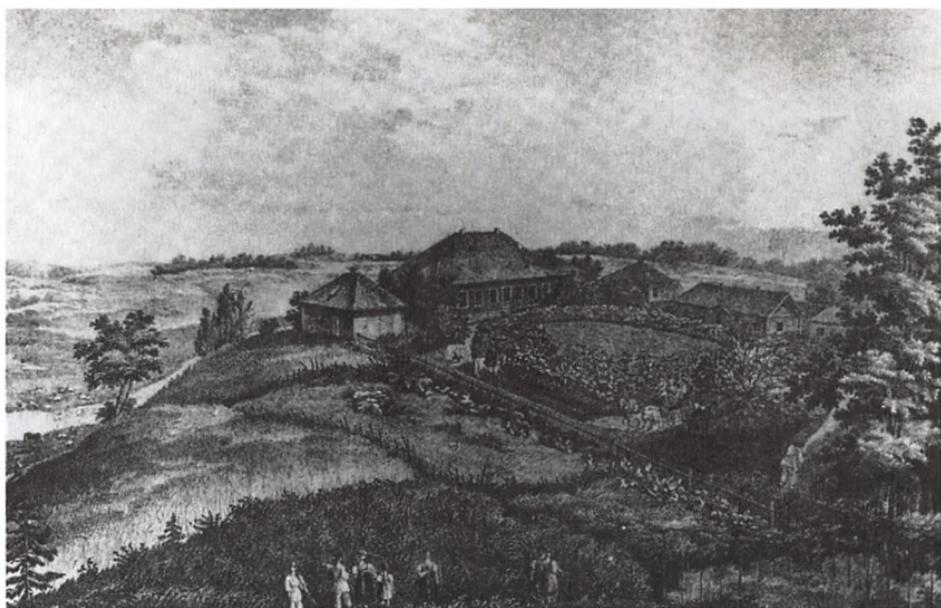
В 1820 году за вольнолюбивые стихи и эпиграммы поэт был выслан из Петербурга вначале на юг России, в Кишинев, потом в Одессу, после чего судьба поэта была еще более ужесточена. За его атеистические взгляды, выраженные в перехваченном полицией частном письме, он был сослан в глухую деревню, какой в то время было Михайловское. Пушкин приехал сюда из Одессы 9 августа 1824 года.

Позднее, вспоминая этот приезд в черновых строфах “Путешествия Онегина”, он писал:

*А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава Богу, от вельмож
Уехал в тень лесов тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.*

Приезд Пушкина действительно был печален, особенно трудными были первые месяцы ссылки. В Михайловском поэт застал все семейство Пушкиных — отца, мать, сестру, брата. Так как поэт был политически неблагонадежным, состоял под наблюдением властей, отец его, Сергей Львович, испугался, как бы это не навлекло подозрений и на него самого. Между отцом и сыном возникли натянутые отношения. После того как Сергей Львович согласился на предложение псковского начальства взять на себя официальный надзор за сыном, его поведением и перепиской, отношения отца и сына перешли в открытую вражду. Поэт был глубоко оскорблен согласием отца следить за ним. Большую часть времени он проводит в это время в Тригорском, у Осиповых-Вульф.

Когда семья Пушкиных в ноябре 1824 года уехала в Петербург, поэт остался здесь только со своей няней Ариной Родионовной. Он вздохнул свободнее. Поэт писал в это время Д.М.Шварцу, одесскому знакомому: “Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать... <...> Уединение мое совершенно — праздность

Михайловское. Вид усадьбы. С литографии П.А.Александрова с оригинала И.С.Иванова. 1837 г.

торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством... целый день верхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно”.

Пушкин теперь прочно обосновался в своем деревенском доме. Позднее, в 1837 году, михайловскую усадьбу зарисовал с натуры псковский губернский землемер И.С.Иванов. Ему принадлежит и описание усадьбы: “Деревянный и уже обветшалый одноэтажный дом Пушкина занимает середину между службами, идущими с обеих его сторон. <...> Перед домом... есть небольшой скуэр. <...> Противоположная сторона дома обращена к реке Сороти...” Пушкин неоднократно говорит о своем михайловском доме в письмах и стихах: “скромная обитель”, “ветхая лачужка”, “моя изба”, “опальный домик”. Поэт дает описание михайловской усадьбы и в романе “Евгений Онегин”, в картинах деревенской жизни Онегина:

*Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали*

Михайловское. Дом-музей А.С.Пушкина со стороны реки Сороти.
Современная фотография.

*Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад,
Приют задумчивых дриад.*

Но жизнь в Михайловском под строгим надзором, жизнь “ссылочного невольника” тяготила поэта. Политический надзор за ним осуществляли псковский губернатор Адеркас и опочецкий предводитель дворянства Пещуров. А так как Пушкина обвиняли и в атеизме, духовный надзор за ним осуществлял настоятель соседнего Святогорского монастыря игумен Иона.

Жизнь ссыльного поэта была уединенной, наполненной творческим трудом. Псаломщик церкви села Воронич близ Тригорского А.Д.Скоропост рассказывал, что “А.С.Пушкин за время этих двух лет, дома в селе вел жизнь однообразную: все, бывало, пишет что-нибудь или читает разные кни-

Пушкин и Пущин в Михайловском. С картины Н.Н.Ге. 1875.

ги. К нему изредка приезжали его знакомые, а иногда приходили монахи из монастыря Святогорского...”

В Михайловском поэт много читает: русские и иностранные книги, журналы и альманахи. “Книг, ради Бога, книг!”— просил Пушкин брата Льва Сергеевича и посылал ему в Петербург заказы с длинным перечнем названий. Среди них были сочинения Крылова, Державина, Шекспира, “Северные цветы” Дельвига, “Московский телеграф” Полевого, сочинения Рылеева, Баратынского, жизнеописание Емельяна Пугачева и Степана Разина и многое другое. Из книг, собранных здесь Пушкиным, составила́сь целая библиотека, которую после окончания ссылки поэта вывезли на двенадцати телегах.

Живительной силой, которая спасала поэта, помогала ему вынести тягости ссылки, была поэзия. Позднее, в 1835 году, переоценивая свою жизнь, он напишет в черновиках стихотворения “...Вновь я посетил...”:

*Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.*

В Михайловском Пушкиным были созданы центральные главы романа “Евгений Онегин” (III—VI), трагедия “Борис Годунов”, поэмы “Цыганы” и “Граф Нулин”. Кроме того Пушкин здесь создал несколько десятков лирических стихотворений. Среди них “19 октября”, “Сожженное письмо”, “Вакхическая песня”, “К***” (“Я помню чудное мгновение...”), “Зимний вечер”, “Жених”, “Андрей Шенья”, “Подражания Корану”, “Разговор книгопродавца с поэтом”, “Песни о Стеньке Разине”, “Пророк”... Здесь же, в Михайловском, появились замыслы и черновые наброски критических статей и произведений, написанных позднее, после ссылки: драмы “Русалка”, маленьких трагедий (“Моцарт и Сальери” и “Скупой рыцарь”), романа “Арап Петра Великого” и сказок, созданных на основе текстов, записанных от Арины Родионовны.

Пушкин признавался Пущину, что в Михайловском он, “хотя неволью, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно”.

В июле 1825 года поэт писал Н.Н.Раевскому: “Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить”.

Радостными событиями в жизни изгнанника были посещения его друзьями. В стихотворении “19 октября” (1825) Пушкин писал:

*И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я.*

11 января 1825 года первым посетил Пушкина в Михайловском его ближайший друг с лицейской скамьи декабрист Иван Иванович Пущин. Он приехал в Михайловское проездом из Пскова, где навестил свою сестру. Пущин пробыл в Михайловском всего один день. Член тайного общества, он боялся скомпрометировать ссыльного друга и вызвать нежелательное внимание местных властей. Тем не менее, по воспоминаниям Пущина, так это и случилось. Даже однодневное посещение им Пушкина вызвало беспокойство местного начальства. В Михайловское в этот день явился

Тригорское. Дом Осиповых —
Вульф. 1890-е гг.

Е.Н.Вревская. С портрета
А.А.Арефова-Багаева. 1841 г.

настоятель Святогорского монастыря игумен Иона, но, объясняя посещение монаха, поэт сказал другу: “...он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению”.

Пушкин писал: “Настало время обеда. ...Начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей... <...> Я привез Пушкину в подарок “Горе от ума”; он был очень доволен этой тогда рукописной комедией... <...> Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках, которые впоследствии вошли в состав замечательных его пьес...”

Приезд Пушкина в Михайловское был одним из счастливейших дней за время ссылки. Поэт вспоминал встречу с другом в том же стихотворении “19 октября”:

*Поэта дом опальный
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный.
Ты в день его Лицея превратил.*

Пушкин долго ждал к себе другого лицейского товарища, также близкого друга — поэта Антона Антоновича Дельвига. Он приехал в середине апреля 1825 года и провел в

Михайловском несколько дней. Пушкин и Дельвиг читали друг другу свои стихи, беседовали о литературе и политике. Одним из первых Дельвиг познакомился тогда с трагедией Пушкина “Борис Годунов”. Вечерами друзья часто бывали у Осиповых-Вульф в соседнем Тригорском.

В стихотворении “19 октября” поэт тепло вспоминает о приезде Дельвига:

*Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурю главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.*

В конце августа 1825 года Пушкин встретился и с третьим лицейским товарищем, князем А.М.Горчаковым. Узнав, что Горчаков гостит вблизи города Опочки, в имении Лямоново своего дяди Пещурова, Пушкин незамедлительно отправился туда, хотя Александр Михайлович и не был столь близок поэту, как Пущин и Дельвиг. Горчаков, блестяще окончивший Лицей, сделал затем и блестящую карьеру, став одним из видных государственных деятелей.

В стихотворении “19 октября” Пушкин писал:

*Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.*

Жизнь ссыльного поэта скрашивала тесная дружба с тригорскими соседями. Посещения Тригорского после отъезда родителей стали более частыми. Младшая дочь хозяйки Тригорского, Мария Ивановна Осипова, вспоминала: “Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обык-

Ан.Н.Вульф. Рисунок
А.С.Пушкина. 1829 г.

Ан.Н.Вульф. С портрета
А.И.Григорьева. 1828 г.

новенно верхом на прекрасном аргамаке, а то, бывало, при-
волоচিতся и на крестьянской лошаденке. Бывало, все сест-
ры мои, да и я, тогда еще подросточек, — выйдем к нему
навстречу... <...> Приходил, бывало, и пешком... Все у нас,
бывало, сидят за делом: кто читает, кто работает, кто за
фортепьяно... <...> Ну, пришел Пушкин — все пошло вверх
дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам”.

Прасковья Александровна Осипова и все ее семейство —
дочери Анна Николаевна и Евпраксинья Николаевна
Вульф, дочери от второго брака Мария Ивановна и Екате-
рина Ивановна Осиповы и падчерица Александра Иванов-
на Осипова, любили поэта, и он был самым желанным гостем
в Тригорском. Сын П.А.Осиповой, Алексей Николаевич
Вульф, учился в Дерптском университете. На каникулы он
приезжал домой в Тригорское и также подружился с
Пушкиным. Вместе с А.Н.Вульфом летом 1826 года сюда
приехал и его товарищ по университету — поэт Николай
Михайлович Языков. Теперь уже два поэта воспевали по-
любившиеся места. Воспоминания о дружеском общении с
Пушкиным и обитателями Тригорского вдохновили Язы-
кова на создание нескольких лирических стихотворений.
В одном из них — “Тригорское” — Языков писал:

*Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистой чашей
С поэтом говорит поэт?
<...>*

*Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслись наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом
В виду окрестностей живых...*

Во многих письмах и стихах Пушкин говорит о своей любви к Тригорскому и значении его в своей жизни. Почти всем тригорским обитателям он посвятил свои стихи. А старшие дочери Прасковьи Александровны Осиповой, Анна и Евпраксия, твердо считали себя прототипами героинь романа “Евгений Онегин”.

В июне 1825 года поэт записал в альбом П.А.Осиповой:

*Быть может, уж недолго мне
В изгнанье мирном оставаться,
Вдыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.*

*Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслю всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.*

А через четыре года в черновой рукописи “Путешествия Онегина” Пушкин писал:

*О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,*

А.П.Керн. С портрета
А.А.Арефова-Багаева
(фрагмент). 1840-е гг.

Н.М.Языков.
Литография по рисунку
А.Хрипкова. 1829 г.

*Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.*

<...>

*Вообразать я вечно буду
Вас, тени бережных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.*

*И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы,—
Приют, сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый...*

<...>

*Но там и я свой след оставил,
Там ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.*

В годы михайловской ссылки появились на свет многие шедевры пушкинской лирики. Одно из них — стихотворе-

ние, посвященное Анне Петровне Керн. Оно было написано после встречи с ней летом 1825 года. Эта встреча не только вдохновила поэта на создание одной из вершин поэтического творчества, Анне Петровне были адресованы также чудесные письма, признанные впоследствии шедеврами эпистолярного искусства. Эта незабываемая встреча побудила и Анну Петровну написать воспоминания о Пушкине, по праву оцененные как “самые достоверные и первостепенные” в мемуарной литературе о великом поэте.

О “Воспоминаниях” А.П.Керн о Пушкине, после выхода их в свет в 1859 году, так отзывался биограф поэта П.В.Анненков: “...только одна умная женская рука способна так тонко и превосходно набросать историю сношений, где чувство своего достоинства, вместе с желанием нравиться и даже сердечную привязанностью, отливаются разными и всегда изящными чертами, ни разу не оскорбившими ничьего глаза и ничьего чувства... Все... в одно время и очень откровенно и очень благородно... Действительно, так писать могут только женщины...”

Первая мимолетная встреча А.С.Пушкина и Анны Петровны состоялась в Петербурге в 1819 году в доме Олениных. Керн пишет: “Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей, в Тригорском, в 1825 г. в июне месяце”. Далее Анна Петровна вспоминает о посещении родовой усадьбы поэта: “...тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. <...> Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. <...> Приехавши в *Михайловское*, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, “Приют задумчивых дриад”, с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. <...> На другой день я должна была уехать в Ригу... Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы *Онегина*, в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье...”

После отъезда Анны Петровны Пушкин писал ей: “Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных”.

Поэт не переставал надеяться на новую встречу с Анной Петровной в Тригорском. В одном из писем к ней Пушкин говорит: “...если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног”.

О впечатлении от встречи с Анной Петровной в это же время Пушкин писал ее родственнице — Анне Николаевне Вульф: “Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о которой она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа...”¹.

Когда Пушкин показывал Анне Петровне свой “запущенный сад” — старинный михайловский парк, разбитый здесь его предками Ганнибалами, — самой красивой в нем была липовая аллея. Она сохранилась до наших дней и не случайно получила название “Аллея Керн”.

“Своим посланием “К А.П.Керн” Пушкин обессмертил ее так же, как Петрарка обессмертил Лауру, а Данте — Беатриче, — писал в 1900 году пушкинист Н.И.Черняев. — Пройдут века, и когда множество исторических событий и исторических деятелей... будут забыты, личность и судьба Керн, как вдохновительницы Пушкинской музыки, будет возбуждать большой интерес, вызывать споры, предположения и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами”.

Дальнейшая судьба стихотворения была связана с дорогами для русской культуры именами. Опубликовал его в 1827 году друг Пушкина, лицеист, поэт А.А.Дельвиг в своем альманахе “Северные цветы”. А в 1849 году, в год 50-летия А.С.Пушкина, великий русский композитор М.И.Глинка положил на музыку стихи великого поэта, создав в память Пушкина один из самых известных русских романсов.

¹ В 1948 году, когда в кабинете Пушкина во время реставрации дома настила ли полы, на том месте, где стоял рабочий стол поэта, в земле был найден камень — похожие на него есть в парке, на липовой аллее. Этот камень стал реликвией: возможно, он тот самый, который держал в руках А.С.Пушкин.

Во время ссылки в Михайловском к Пушкину приходит особое осознание роли поэта в обществе. В конце 1824 года свое послание “К Языкову” он начал словами:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует...*

Дальнейшее развитие эта тема получила в стихотворном послании И.И.Козлову, написанном 15 мая 1825 года. Судьба Козлова необыкновенно трогала Пушкина. Это был человек необычной судьбы. В молодости боевой офицер, потом чиновник, светский человек, он в 1821 году неожиданно ослеп. Совсем потеряв зрение, Козлов начал сочинять стихи, которые записывались под его диктовку. В нем вдруг открылся большой поэтический дар, который не мог не быть воспринят как истинное чудо, как Божий дар. Среди его произведений наибольшим успехом пользовалась его романтическая поэма “Чернец”. Козлов был горячим поклонником А.С.Пушкина и весной 1825 года послал ему экземпляр только что вышедшей в свет поэмы в Михайловское. Поэма Козлова и собственноручная подпись слепого поэта взволновали и растрогали Пушкина. Он не замедлил ответить на подарок стихами:

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.*

В конце стихотворения Пушкин говорит о себе:

*А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира,
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!*

Домик няни в селе Михайловском. 1936 г.

Эта тема — о великом предназначении поэта и бессмертии его творчества — была продолжена и развита в других стихотворениях Пушкина. В этом же году, чуть позднее, он пишет стихотворение “Андрей Шенье”. Вспоминая о поэте эпохи французской революции А. Шенье и его трагической судьбе, Пушкин говорит о себе:

*Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь...*

О том, что это стихотворение имеет автобиографический смысл, он писал после его создания своим друзьям П.А.Вяземскому и П.А.Плетневу.

О высоком, божественном предназначении поэзии Пушкин говорит и в стихотворении “Пророк”, написанном тоже в Михайловском в 1826 году:

*И Бога глас ко мне воззвал:
“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей”.*

Тема вечности и бессмертия, прозвучавшая в лирике Пушкина в годы михайловской ссылки, завершится затем незадолго до гибели поэта в его “Памятнике”.

Современники и друзья Пушкина не раз отмечали плодотворное влияние псковской деревни на поэта, здесь расцвел его творческий гений. А.И.Тургенев писал в 1837 году, посетив Михайловское после смерти поэта: “Здесь-то поэт... находил краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозою и с поэзиею сельской жизни в России...” Прежде всего это относится к “Евгению Онегину” — “энциклопедии русской жизни”.

Еще будучи в южной ссылке, поэт собирался написать трагедию “Вадим”, связанную с историей древнего Новгорода. Эта идея не была осуществлена. В годы михайловской ссылки Пушкин вновь возвращается к мысли о создании исторической трагедии. Сюжет для нее он нашел в десятом и одиннадцатом томах “Истории государства Российского” Н.М.Карамзина, вышедших в 1824 году. Пушкин писал В.А.Жуковскому 17 августа 1825 года: “Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! какая жизнь!” Конец XVI—начало XVII века — это было время царствования Бориса Годунова, крестьянских волнений, самозванцев, польской интервенции.

“Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей, — писал Пушкин, — дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени”.

Над “Борисом Годуновым” Пушкин работал с конца 1824-го на протяжении всего следующего года. Параллельно он продолжал сочинять “Евгения Онегина”. В июле 1825 года поэт сообщал Н.Н.Раевскому: “...у меня буквально нет

В.А.Жуковский. С акварели
П.Ф.Соколова. Первая четверть
XVIII в.

Н.М.Карамзин.
С портрета А.Г.Венецианова.
1828 г.

другого общества, кроме старушки няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим”.

Закончил работу над ней Пушкин уже через четыре месяца, в начале ноября. И сразу написал об этом П.А.Вяземскому: “Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!” Тогда же он послал письмо и А.А.Бестужеву: “Я написал трагедию и ею очень доволен...”

О “Борисе Годунове” Пушкин отзывался так: “любимое мое сочинение”.

“Писанная мною в строгом уединении, — вспоминал поэт позднее, — вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрения малого числа людей избранных”.

Многое способствовало Пушкину в его работе над исторической трагедией. “Дух времени”, который открывался поэту в “Истории” Карамзина и летописях, он находил и в окружавших его памятниках, руинах древних псковских укреплений. Недалеко от дороги в Тригорское находился огромный холм — Савкина горка — остаток одного из форпостов древнего города Воронича, а подъезжая к Тригор-

скому, можно было взобраться по узкой дороге, идущей вокруг воронического вала, на само древнее городище.

Не случайно и первоначальное заглавие трагедии было стилизовано под древнерусские летописи: “Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве — писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче”.

Привлекали внимание Пушкина и памятники древнего Пскова. Семь раз только за годы ссылки поэт побывал в этом городе, здесь у него было много знакомых. Обычно Пушкин приезжал сюда ненадолго, на два-три дня. Но иногда задерживался и на неделю, и на две.

Неутомимый ходок, Пушкин в Пскове не раз обходил все примечательные места древнего города. Гулял по берегу реки Великой, осматривал крепостные стены и башни, старинные псковские церкви и монастыри. По воспоминаниям современников, поэт особенно охотно посещал Кремль, площадь у Троицкого собора, где когда-то висел вечевой колокол и собиралось Псковское вече, любил сидеть на площадке соборной горы (башня Кутекрома), откуда открывался великолепный вид на Псков и реку Великую. Бывал Пушкин и внутри Троицкого собора (сохранился с небольшими изменениями). Он любовался величественной архитектурой этого храма, воздвигнутого в конце XVII века, осматривал находящиеся здесь гробницы псковских князей и примечательных лиц. Здесь Пушкин видел гробницу псковского юродивого Николая, который, по преданию, спас Псков от гнева Ивана Грозного, научив псковичей встретить царя хлебом-солью и обратиться к нему со смелыми словами: “Иванушко! Иванушко! Покушай хлеба и соли, а не христианской крови”. За это псковичи признали Николая после его смерти святым и погребли его в своем кафедральном соборе “по особому уважению”.

Есть убедительные основания предполагать, что псковский юродивый Николай явился прототипом пушкинского юродивого Николки в “Борисе Годунове”.

“Ветхий город Ольгин” — так назван Псков в трагедии. Псков с его древними памятниками послужил Пушкину источником весьма важных впечатлений, помогавших оживлять сухие исторические факты и передавать их с максимальной конкретностью и жизненной достоверностью. И шумная толпа на базарной площади возле кремлевской сте-

Псков с юго-западной стороны с изображением крестного хода через реку Великую. Литография П.Александрова по рисунку И.С.Иванова. 1837 г.

ны, и многолюдные “крестные хождения”, толпы народа, монахи, нищие, юродивые представляли несомненный интерес для автора народной трагедии из истории Древней Руси. “Во время пребывания своего в псковском уединении, — писал Н.А.Добролюбов, — Пушкин особенно обратился к изучению русской народности. Он неоднократно посещал в это время Псков... рассматривал памятники его исторической древности... и тем приготавливал уже себя к тому делу, которое потом ему должно было выполнить в отношении к поэтическому и историческому изображению судеб России”.

Святогорский монастырь, который находился рядом с селом Михайловским, был овеян также историческими и романтическими легендами; дух старины жил в его стенах, гармонируя с душевным настроем и творческими устремлениями Пушкина. Часами поэт беседовал в Святых Горах с монахами и читал летописные книги. Они рассказывали о том, как небесная сила ниспослала благодать на земли древнего Воронича; как произошло явление чудотворных икон пресвятой Богородицы “во области града Пскова на Синичьей горе, ныне завома Святая Гора”. Псковский на-

местник Юрий Токмаков донес царю Ивану Васильевичу о “небесной благодати”, и царь приказал строить “обитель каменну”, чтобы еще больше укрепить российский рубеж. Монастырь был построен в 1569 году и стал мощной крепостью.

Часто бывая в Святогорском монастыре, Пушкин заходил в монастырские дворы, кельи и в трапезные. Наблюдения, которые он здесь почерпнул, рассказы, которые слышал, нашли свое творческое отображение в трагедии “Борис Годунов”. Это не только фигуры беглых монахов Варлаама и Мисаила, но прежде всего образ летописца Пимена, поражающий современников своей яркостью и достоверностью. Попадая в собор, Пушкин как бы переносился в реальную обстановку, описанную в его трагедии. Здесь величавый образ монаха-летописца становится осязаемым и жизненным. Будто бы здесь Пимен неустанно пишет для грядущих поколений историю своей бурной и беспокойной эпохи:

*Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному.*

Возвышенность взгляда на свой труд придает облику Пимена величие, напоминая подвижничество многих русских летописцев. Пимен — это характер исторический. После окончания трагедии Пушкин писал издателю “Московского вестника”: “Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...”

Сцена в келье в Чудовом монастыре, опубликованная прежде основного текста в 1827 году в журнале “Московский вестник”, и в дальнейшем определила восприятие пушкинского произведения в целом. Восторженные отзывы об этой сцене оставили многие современники. Эпический образ летописца Пимена приподнят над остальными действующими лицами. Не случайно современники видели в этом апофеоз христианского духа всей трагедии.

Несколько раз в году в Святогорском монастыре устраивались ярмарки. Особенно многолюдной была традиционная ярмарка летом, в девятую пятницу после Пасхи. На нее съезжалась масса народу. Здесь поэт общался с народом, которому уделяет столько внимания в своей трагедии, он вслушивался в простонародную речь, не упуская ничего яркого и занимательного.

Один из современников вспоминает: “На ярмарке в Святых Горах поэт любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие заунывно тянули “Лазаря”, или где парни и девицы играли да пели “плясовую”, водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили, причем слышалось подчас и крылатое словцо, и острота... Поэт простаивал с народом подолгу...”

Кучер Пушкина, Петр, рассказывал, что поэт ходил на ярмарку “...как есть бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен. Чудно так. Палка железная в руках. Придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих, слепцов, а они ему песни поют, стихи сказывают”.

Всех особенно поразил костюм Пушкина, который он надевал, отправляясь на святогорскую ярмарку, чтобы меньше выделяться среди крестьян; как вспоминал А.Н.Вульф, поэт был “в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкой и в корневой шляпе, привезенной им еще из Одессы”.

Возможно, этот свой костюм Пушкин описал в IV главе “Евгения Онегина”, изображая главного героя. В черновиках сохранились строки:

*Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный.*

Близость к народу в годы михайловской ссылки оказала огромное влияние на Пушкина. Поэт, которого обвиняли в атеизме, словно перерождается, и его трагедия “Борис Годунов” становится глубоко личным произведением автора именно потому, что оно запечатлело высшую степень его веры.

После 14 декабря 1825 года, когда правительство особенно усиленно отыскивало прямых и косвенных виновников восстания декабристов, в Псковскую губернию послан был тайный агент А.К.Бошняк, для “возможно тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина”. В результате “исследования” Бошняком была составлена докладная записка о Пушкине, основанная на рассказах многих лиц. Однако никто из опрошенных ничего предосудительного о Пушкине не рассказал.

Вполне благоприятную характеристику дал Пушкину игумен Святогорского монастыря Иона, на которого особенно рассчитывал Бошняк. В своей записке о Пушкине Бошняк писал:

«1-ое. Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами.

2-ое. Кроме Святогорского монастыря и госпожи Осиповой, своей родственницы, он нигде не бывает, но иногда ездит и в Псков.

3-ие. Обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе.

4-ое. Никаких песен он не поет и никакой песни им в народ не выпущено.

5-ое. На вопрос мой — “не возмущает ли Пушкин крестьян”, игумен Иона отвечал: “он ни во что не мешается и живет, как красная девка”».

В начале сентября 1826 года Пушкин был освобожден из ссылки. После кратковременного пребывания в Москве Пушкин снова ненадолго возвращается в Михайловское. В 1827 году он проводит здесь конец лета и начало осени. В это время он начал писать роман “Арап Петра Великого”.

Прошло много лет, и только в 1835 году Пушкин приезжает в свое поместье, сначала в мае, второй раз — в сентябре. Во время последнего приезда он пишет здесь стихотворение “...Вновь я посетил...”. Сохранилось несколько его ранних редакций:

*Вот уголок,
Где для меня безмолвно протекали
Часы печальных дум иль снов отрадных,
Часы трудов, свободно-вдохновенных.*

А вот окончание одного из вариантов:

Святогорский монастырь. Литография П.А.Александрова
по рисунку И.С.Иванова. 1837 г.

В разны годы

*Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я, когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был —
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; — годы
Промчались, и вы во мне прияли
Усталого пришельца; я еще
Был молод, но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.*

<...>

*Утрачена в бесплодных испытаньях
Была моя неопытная младость,
И бурные кипели в сердце чувства*

<...>

*Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как ангел утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.*

В этом стихотворении Пушкин вспоминает и свою няню
Арину Родионовну:

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.*

В 1836 году, 29 марта, умерла Надежда Осиповна, мать Пушкина, и он привез ее тело в Михайловское. 13 апреля Пушкин похоронил ее в Святогорском монастыре на родовом кладбище, где уже были похоронены дед поэта О.А.Ганнибал, бабушка его М.А.Ганнибал, урожденная Пушкина, и умерший в младенчестве брат Платон.

Похоронив мать, Пушкин купил здесь место и для себя. В этом же году, через четыре месяца после возвращения в Петербург, Пушкин написал элегию “Когда за городом, задумчив, я брожу...”, в которой описал родовое сельское кладбище:

*Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...*

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ А.С.ПУШКИНА ПО БЕЛОРУССКОМУ ТРАКТУ

Меньше чем через год после кончины матери А.С.Пушкин был похоронен на родовом кладбище в Святогорском монастыре.

Праха Пушкина после процедуры отпевания увезли из Петербурга тайно ночью. Только одному из ближайших друзей поэта — А.И.Тургеневу разрешено было сопровож-

Могила А.С.Пушкина.
Литография И.А.Клюквина
по рисунку П.Ф.Соколова.
1837 г.

А.И.Тургенев. Литография
Г.Энгельгардта по рисунку
К.П.Брюллова.
Начало 1830-х гг.

дать его тело. В письмах и дневнике Тургенев описал этот последний путь поэта: “3 февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного...”

Тургенев имел “особую подорожную”. Только с ней покойника можно было везти на перекладных. При перевозе мертвого тела длительные остановки на станциях не разрешались (стоять можно было только у церквей). Похоронный поезд мчался по тракту с необычайной быстротой. Везде по требованию жандармского капитана без задержки перепрягали лошадей.

5 февраля в седьмом часу вечера гроб с телом поэта находился уже в двух верстах от Святогорского монастыря, в Тригорском.

Младшая дочь П.А.Осиповой, Екатерина Ивановна, вспоминала: “В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 15-го февраля 1837 года. Матушка недомогала и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя

людьми, за ним длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев. ...Рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь и переязбши вместе с везшим гроб ямщиком, приехали сюда. Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтоб не проститься с Тригорским и с нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы вместе с мужиками из Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. <...> Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина, а с ними и мы обе — сестра Маша и я, чтобы, как говорила матушка, присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких. Рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром, с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича, в присутствии Тургенева и нас, двух барышень...”

Похоронив поэта, Тургенев писал Жуковскому из Пскова: “Мы предали земле земное на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренне оплакивают поэта и человека в Пушкине. Везу вам сырой земли, сухих ветвей и только...”

Общий вид могилы Пушкина описал его друг П.А.Плетнев, посетивший могилу поэта вскоре после похорон: “...площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому. Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестности. Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она уложена дерном. Посредине водружен черный Крест, на котором из белых букв складывается имя: П у ш к и н”.

Сохранились карандашные рисунки могилы Пушкина, выполненные П.А.Осиповой или по ее просьбе. Затем вид могилы Пушкина, как и “Домика в сельце Михайловском”, был снят с природы губернским землемером И.С.Ивановым и вошел в его “Галерею видов города Пскова и его окрестностей”. Сделанное им изображение могилы Пушкина послужило главным подспорьем для проектирования памятника на могиле поэта.

Памятник был поставлен в 1840—1841 годах вдовой А.С.Пушкина Н.Н.Пушкиной и опекой над детьми и имуществом поэта.

Ныне на вершину холма к могиле А.С.Пушкина ведет крутая каменная лестница. Здесь на площадке, осененной могучими старыми деревьями, мы видим тонкий обелиск белого мрамора, стоящий на мраморном своде, под которым изваяна урна с наброшенным на нее покрывалом. Свод покоится на массивном черном цоколе. На нем краткая надпись: “Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26-го мая 1799 года, скончался в С.Петербурге 29-го января 1837 года”.

* * *

А.И.Тургенев после похорон Пушкина посетил село Михайловское, после чего первый заговорил о необходимости увековечения памяти поэта. Он хлопотал об изображении и описании села Михайловского и Святогорского монастыря, дабы сохранить для России воспоминания об образе жизни поэта в деревне. Дом Пушкина в Михайловском, по его мнению, “должен быть столь же драгоценным для русских, как для англичан дом Шекспира...”. Тургенев просил П.А.Осипову прислать ему рисунок “монастыря, над коим горит луч бессмертия Пушкина”.

С 1923 года пушкинские места: Михайловское, Тригорское, Петровское и Святогорский монастырь — были объявлены заповедными. Большую заботу о них тогда же принял на себя Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Однако вместе с историей страны Пушкинский заповедник переживал и тяжелые времена, а в годы фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны он был полностью разрушен.

С историей Пушкинского заповедника связаны имена многих замечательных людей, тех, которые своим бескорыстным служением и великой любовью к Пушкину сохраняли и восстанавливали эти заповедные места. Нельзя не назвать хотя бы несколько имен.

В начале 1930-х годов необходимую помощь Пушкинскому заповеднику оказывал Матвей Матвеевич Калаушин, старший научный сотрудник Литературного музея Пуш-

Могила А.С.Пушкина в Святогорском монастыре.
Современная фотография.

кинского Дома, впоследствии директор Всесоюзного музея А.С.Пушкина.

Автор книг о Пушкинском заповеднике Псковской области Аркадий Моисеевич Гордин начал с конца 1930 года разрабатывать научную концепцию развития Пушкинского заповедника и его экскурсионного обслуживания.

Благодаря непосредственному участию и огромной поддержке Президента Академии наук СССР Сергея Ивановича Вавилова после Великой Отечественной войны были подняты из руин многие пушкинские места нашей Родины, в том числе и Пушкинский заповедник.

Семен Степанович Гейченко стал директором Пушкинского заповедника после освобождения этих мест от фашистских оккупантов. Он приложил все усилия для полного восстановления и возрождения пушкинских мест Псковщины.

В настоящее время новая команда во главе с директором заповедника Георгием Николаевичем Василевичем хранит эти места, находя все новые аспекты в изучении творчества Пушкина михайловского периода. Заповедник теперь получил и новое название: Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С.Пушкина "Михайловское". В него вошли три села: Михайловское, Тригорское и Петровское.

Святогорский монастырь вновь стал действующим монастырем, святым местом, каким был при Пушкине.

Все новые и новые паломники посещают эти дорогие места и приходят на священную могилу поэта.

Исполнились обращенные к потомкам вещи пушкинские слова:

*Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

ЛИТЕРАТУРА

- Пушкин А.С.* Соч. //Изд. П.В.Анненкова: В 7 т. СПб., 1855—1857.
Пушкин А.С. Соч. //Под ред.С.А.Венгерова: В 6 т. Изд.Брокгауза и
Ефрона. СПб., 1907—1915.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.;Л., 1937—1949.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1977.
Путеводитель по Пушкину // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т.
М.;Л., 1931. Т. 6.
Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.;Л.,
1935.
- Азадовский М.К.* Литература и фольклор. Л., 1938.
Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе А.Аарне.
Л., 1929.
Андроников И.Л. К музыке. М., 1975.
Анненков П.В. А.С.Пушкин. Материалы для его биографии и оцен-
ки произведений. Изд. 2-е. СПб., 1873.
Анучин Д.Н. А.С.Пушкин: Антропологический эскиз. М., 1899.
Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., 1983.
Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1984—1985.
Афанасьева З. Дом станционного смотрителя // В мире книг. 1975.
№ 8.
Балдина О. Русские народные картинки. М., 1972
Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской
земли. М., 1836.
Берг Н.В. Сельцо Захарово // Москвитянин. 1851. № 9—10. Ч. III.
Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.;Л., 1962.
Благово Д. Рассказы моей бабушки Е.П.Яньковой. М., 1855.
Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М., 1967.
Бобровский П.О. Завоевание Ингрии Петром Великим. СПб., 1891.
Болховитинов Евгений. Описание Святогорского Успенского мона-
стыря. Дертп, 1821.
Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. М., 1974.
Бродский Н.Л. А.С.Пушкин. М., 1937.
Будылин Н.Т. Пимен и Варлаам: Из наблюдений над текстом
А.С.Пушкина “Борис Годунов” // В сб.: Христианская культура и Пуш-
кинская эпоха. СПб., 1996.
Бурлаков А.В. Любовь к отеческим гробам (могила Христины-Реги-
ны фон Шеберг в Суйде) // В сб.: Христианская культура и Пушкин-
ская эпоха. СПб., 1996.
Василев И.И. Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина
в Псковской губернии. СПб., 1899.
Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937.
Вигилев А.Н. История отечественной почты. М., 1977.
Вигилев А.Н. У истоков русской почты //Советский коллекционер.
1968. Вып. 6.
Вильчковский С.Н. Царское Село: Репринтное воспроизведение из-
дания 1911. СПб., 1992.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. I. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851.

Вожова Е. В гостях у Самсона Вырина // Советская культура. 1983. 15 янв.

Вяземский П.А. Записные книжки. 1813—1848. М., 1963.

Ганнибал А. Ганнибалы: Новые данные для их биографий // Пушкин и его современники. Вып. XVII—XVIII. СПб., 1913. Вып. XIX—XX. Пг., 1914.

Гастфрейнд Н. Письма Абрама Ганнибала. СПб., 1904.

Гейченко С.С. У лукоморья. Л., 1977.

Гельбиг. Русские избранники и случайные люди // Русская старина. 1886. № 4.

Гераров Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям. СПб., 1828.

Глинка В.М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала // Панорама искусств. 1985. № 8.

Гранин Даниил. Отец и дочь: О повести А.С.Пушкина “Станционный смотритель” // Лит. Россия. 1983. 14 янв.

Грановская Н.И. Всесоюзный музей А.С.Пушкина: Очерк-путеводитель. Л., 1995.

Грановская Н.И. Домик станционного смотрителя: Музей дорожного быта начала XIX века. Л., 1974.

Грановская Н.И. Друзья Пушкина в портретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977.

Грановская Н.И. Загадочный портрет А.П.Ганнибала // В сб.: Из Пушкинианы Всесоюзного музея А.С.Пушкина. Л., 1988.

Грановская Н.И. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973.

Грановская Н.И. Юродивый в трагедии А.С.Пушкина “Борис Годунов” // В сб.: Христианская культура и Пушкинская эпоха. СПб., 1993.

Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: В 9 т. М.;Л., 1961. Т. 1.

“Домик няни” в Кобрино // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977.

Жегалова С.К. Русская народная живопись. М., 1984

Здесь жил Пушкин: Очерки. Л., 1963.

Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А.Дуровой. М., 1983.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1983.

Карлова Е.Л., Скропышева В.Г. К вашим услугам — почта. Л., 1985.

Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.

Козлов В. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? // Неделя. 1969. № 44 (27 октября — 2 ноября).

Корнилова А.В. Картинные книги. М., 1982.

Лбовский А.Н. Под сенью вековых деревьев // Ленинградская правда. 1954. 5 июня.

Леец Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Таллинн, 1984.

Лернер Н.О. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е. СПб., 1910.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. Л., 1982.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина “Евгений Онегин”: Коммента-

рий. Л., 1980.

Лукомский В.К. Печать с гербом Ганнибала //Русский библиофил. 1911. № 8.

Люблинский П.И. Из семейного прошлого предков Пушкина //Литературный архив. М.;Л., 1938. Т. I.

Малеванов Н.А. Прадед поэта //Звезда. 1974. № 6.

Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. Л., 1925.

Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины: Родословная роспись. Л., 1932.

Мошин А. Новое об 11 великих писателях. СПб., 1908.

Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских. СПб., 1853.

Новикова А.Н. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982.

Новонайденный автограф Пушкина / Заметки на рукописи книги П.А.Вяземского “Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине”. М.;Л., 1968.

Пауна Э.С. Об обстоятельствах отставки А.П.Ганнибала //Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. IV.

Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М., 1983.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Прянишников Е.А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье //Из коллекции русских книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981.

Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1813.

А.С.Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974.

А.С.Пушкин в сельце Михайловском: со слов Алексея Дмитриевича Скоропоста//Русский архив. 1892. № 1.

Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962.

Пушкин А.Ю. Для биографии Пушкина //Москвитянин. 1852. № XXIV.

Пуцин И.И. Записки о Пушкине. М., 1956.

Российский почт-календарь с показанием расстояния между собою всех городов Российской империи. СПб., 1800.

Русские народные песни: Мелодии и тексты. М., 1983.

Сатаров В.А., Гойхман П.В. По следам литературного героя //Ленинградская панорама. 1987. № 10.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч. I и II. СПб., 1872.

Сказки Ленинградской области. Л., 1976.

Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. Л., 1982.

Соймонов А.Д. П.В.Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971.

Соколова Т. Очерки по художественной мебели XV—XIX веков. Л., 1967.

Соллогуб В.А. Повести и рассказы. М., 1988.

Список населенных мест по сведениям 1862 года. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864.

Старк В.П. Новые пушкинские адреса в Петербурге // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. СПб., 1995.

Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1928.

Тарле Е.В. Северная война. М., 1958.

Телетова Н.К. Ганнибалы — предки Пушкина // Белые ночи. Л., 1978.

Телетова Н.К. Забытые родословные связи А.С.Пушкина. Л., 1981.

Тюпа И. Притча о блудном сыне в контексте “Повестей Белкина” как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983.

Ульянский А.И. Няня Пушкина. М.;Л., 1940.

Хмыров М.Д. Исторические статьи. СПб., 1873.

Хомяков Евграф. Забавный рассказчик, повествующий разные истории. М., 1771.

Хохлов Н. Присяга просторам. М., 1973.

Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. Т. I. М., 1951.

Шалина Е.С. Дом станционного смотрителя // Вечерний Ленинград. 1970. 25 июля.

Шкловский В. Матвей Комаров — житель города Москвы. Л., 1929.

Юхнёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984.

Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935.

Dieudonné Gnatmankou. Abraham Hanibal, l'aïeul noir de Pouchkine. Présence Africaine, 1996.

РГИА

Ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 128, 1777—1800 гг. Экономические примечания к Софийскому уезду.

Ф. 1289, оп. 15, ед. хр. 304, 1805 г. План и фасад Софийского почтового дома.

Ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 697, 1843 г. Планы и фасады на постройку казенных домов для почтовых станций.

Ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 173, 1808 г. О безостановочном отпуске почтовых лошадей отличным путешественникам.

Ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 443, 1830 г. О новой почтовой таксе.

Ф. 1405, оп. 1, ед. хр. 5167, 1803 г. О разделе имения Ганнибалов.

Ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 617, 1842—1843 гг. Дело о дворянстве Ганнибалов.

ЦГИА СПб

Ф. 1543, оп. 6, ед. хр. 7, 1834 г. Формулярные списки чиновников и служащих почтовых контор.

Ф. 19, оп. 113, ед. хр. 60, 1801 г. Клировые ведомости церковью Софийского уезда.

Ф. 19, оп. 112, ед. хр. 811, 1830 г. Клировые ведомости церковью Царскосельского уезда.

Ф. 19, оп. 112, ед. хр. 242, 1773—1774 гг. Исповедные росписи церкви Воскресения села Суйды.

Ф. 19, оп. 112, ед. хр. 324, 1784—1785 гг. Исповедные росписи по Царскосельскому уезду.

Ф. 19, оп. 112, ед. хр. 488, 1801—1803 гг. Исповедные росписи по Царскосельскому уезду.

Ф. 19, оп. 112, ед. хр. 853, 1830 г. Исповедные росписи по Царскосельскому уезду.

ГАПО

Ф. 74, оп. 1, ед. хр. 70, 1782 г. Дело о предполагаемой продаже деревень О.А.Ганнибала.

РГАДА

Ф. 248, оп. 3, ед. хр. 83, 1716 г. Дело об ограблении арапа Алексея Петрова, брата Абрама Петровича Ганнибала.

Ф. 274, оп. 3, ед. хр. 6013, 1765 г. План двора генерал-аншефа господина Ганнибала.

Ф. 1328, оп. 5, ед. хр. 493, 1746—1857 гг. Геометрический специальный план... мызы Суйды...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Н. Горскова. О книге и ее авторе</i>	5
Пушкин и тема дороги в его творчестве	7
“Путешествия были моею любимую мечтою”	7
Как путешествовали в старину?	10
Дорога — жизненный путь и судьба	23
Пушкин и Царское Село	29
Музей дорожного быта “Дом станционного смотрителя”	42
Почтовая станция Выра	42
В ожидании лошадей... ..	48
На ямщицкой половине	61
Усадьба Ганнибалов в Суйде	69
Земля предков: от рода Пушкиных до Ганнибалов.....	69
Где же родина прадеда поэта?.....	77
О происхождении, имени и возрасте А.П.Ганнибала	79
Арап Петра Великого на государственной службе	84
“Челобитная” генерала Ганнибала о дворянстве и гербе	87
Жизнь семьи Ганнибала в суйдинском поместье	90
Изображения А.П.Ганнибала — известные и неизвестные	97
Завещание главы рода	102
О месте захоронения А.П.Ганнибала	108
Как в Суйде появился народный музей	113
Поместье Руново в жизни и судьбах бабушки и няни А.С.Пушкина	116
История мызы Руново и рода Пушкиных	116
Нелегкая судьба московской бабушки поэта	122
Крестьянка села Кобринно Арина Родионовна	134
Кормилица и няня в семье Пушкиных	138
Музей “Домик няни” в Кобрине	156
Новая жизнь старой избышки	156
Уникальная экспозиция “Домика няни”	158
Сказки Арины Родионовны в творчестве А.С.Пушкина	167
“Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...”	179
Родовое имение — село Михайловское	179
Последний путь А.С.Пушкина по Белорусскому тракту	204
Литература	210

Автор этой книги - **Нина Ивановна Грановская**, заслуженный работник культуры России, почетный гражданин города Пушкина. Всю свою жизнь она посвятила изучению жизненного пути и творчества **А.С.Пушкина**.

В 1947 году окончила Ленинградский университет.

В качестве научного сотрудника Пушкинского заповедника в селе Михайловском она восстанавливала экспозицию Дома-музея Пушкина.

С 1950 года работала в Пушкинском Доме и участвовала в создании экспозиции Всесоюзного музея А.С.Пушкина, много лет была ее главным хранителем. При активном участии Н.И.Грановской были открыты филиалы музея: «Дача Китаевой» в Пушкине, «Дом станционного смотрителя» в Выре, «Домик няни» в Кобрине.

Н.И.Грановская - автор книг: «Всесоюзный музей А.С.Пушкина», «Дом станционного смотрителя», «Если ехать вам случится...», «Род Пушкиных мятежный...».

Тысячи верст проехал А.С.Пушкин по России и ее окраинам. Чаще всего путешествовал он по бывшему Белорусскому тракту. На этом пути ныне созданы музеи, посвященные жизни и творчеству великого русского поэта.

Об этих музеях, о местах, где жил и которые посещал Пушкин, о его предках, о няне Арине Родионовне и о многом другом увлекательно рассказывает Н.И.Грановская в своей новой книге, являющейся своеобразным путеводителем по памятным литературным адресам вдоль дороги от Царского Села до Михайловского.

ISBN 5-87170-067-5

9 785871 700679

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОТАБЕНЕ